

Сопоставительные исследования

2006

Воронеж
2006

**Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра английского языка**

**Сопоставительные
исследования
2006**

Научное издание

**Воронеж
2006**

Сопоставительные исследования 2006 – Воронеж: Истоки, 2006. – 217 с.

Предлагаемый межвузовский сборник научных трудов является третьим в серии ежегодных публикаций, посвященных проблемам сопоставительных исследований. Сборник подготовлен на кафедре английского языка факультета романо-германской филологии ВГУ. Материалы, включенные в сборник, выполнены в русле исследований теоретико-лингвистической школы кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов, научных работников.

Редакционная коллегия:

проф. А.П. Бабушкин, проф. В.Б. Гольдберг, проф. И.А. Стернин,
проф. М.А. Стернина, проф. В.М. Топорова, к.ф.н. Н.М. Шишкина

Научный редактор – М.А. Стернина

Компьютерная верстка, оригинал-макет – М.А. Стернина

© Коллектив авторов, 2006
© Издательство «Истоки», 2006

Раздел 1.

Сопоставительные исследования

в области семантики

М.А. Стернина
Воронеж

Из наблюдений над мотивированностью значений англо-русской безэквивалентной лексики

Безэквивалентная лексика все больше и больше привлекает к себе внимание исследователей в связи с все возрастающим интересом к проблемам межкультурной коммуникации. Безэквивалентными считаются те лексические единицы одного языка, которые не имеют словарных соответствий в виде слова или устойчивого словосочетания в другом языке. Изучение семантики таких слов дает хорошее представление об особенностях языковой картины мира народа, говорящего на данном языке.

Особый интерес представляет изучение мотивированности значений безэквивалентной лексики. Исследование мотивированности значений английских лексических единиц, являющихся безэквивалентными для русского языка, было проведено нами на материале Англо-русского словаря безэквивалентной лексики (см. Махонина, Стернина) методом случайной выборки (для исследования были взяты по пять первых слов с каждой десятой страницы словаря). В общей сложности выборка составила 150 лексических единиц. При этом в выборку вошли как отдельные безэквивалентные лексемы, так и безэквивалентные лексико-семантические варианты лексем.

Рассмотрение единиц, вошедших в нашу выборку, позволило выделить среди них единицы нескольких категорий: однословные лексемы – 64 единиц (42,7%), сложные слова – 39 единиц (26%), устойчивые словосочетания – 47 единиц (31,3%). Рассмотрим каждую из этих категорий с точки зрения мотивированности значений.

Начнем с преобладающей в нашей выборке категории однословных лексем. Отметим, что данная категория лексических единиц не является однородной – в ней выделяются как суффиксальные, так и безсуффиксальные лексемы, при этом последние существенно превалируют (25 и 39 единиц соответственно). Среди 39 безсуффиксальных однословных лексем наблюдаются как случаи полного отсутствия мотивации, так и мотивированность значений на основе метафоры, метонимии и переноса по функции. Полное отсутствие мотивации зафиксировано в 13 случаях, т.е. в одной трети попавших в выборку безсуффиксальных однословных безэквивалентных лексем. В качестве примера отсутствия мотивации

значения приведем лексемы *blurb* - *краткая издательская аннотация рекламного характера на обложке или суперобложке, часто составленная из выдержек, взятых из рецензий*; *blurt* - *необдуманное высказывание, суждение*; *chink* - *припадок судорожного кашля или смеха*; *skit* - *кратковременный дождь или снег*. Отметим, что случаи отсутствия мотивированности значений зафиксированы в однозначных безэквивалентных лексемах, а также, в случае наличия нескольких безэквивалентных лексико-семантических вариантов – в том, который имеет статус основного значения – ср., например – *julep* - *сироп, в котором дают лекарство*. Производное же значение данной лексемы – *напиток из виски или коньяка с водой, сахаром, льдом и мяты* связано с основным значением лексемы на основе метафорического переноса, т.е. является семантически мотивированным. Точно также лексема *scurvy* имеет в качестве своей основной денотативной семемы Д1 (см. типологию семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой - Копыленко, Попова, с. 31-32) немотивированную семему *стремительное движение*, вторая же ее семема Д2 *ливень или снегопад с ветром* мотивирована первой на основе метафоры.

Отметим, что в нашей выборке встретилось достаточно много примеров, когда безэквивалентные лексико-семантические варианты являются метафорически мотивированными. В качестве примера приведем лексему *midget*, безэквивалентное значение которой *что-либо очень маленькое или миниатюрное* производно на основе метафоры от семемы Д1 данной лексемы *карлик, лилипут*; лексему *virtuoso*, безэквивалентное значение которой *ценитель искусства; знаток или коллекционер предметов искусства, древностей, раритетов и т. п.* также производно от семемы Д1 *виртуоз* на основе метафоры, лексему *sponge*, безэквивалентное значение которой *человек, легко воспринимающий что-л., быстро усваивающий знания* метафорически производно от ее основного значения *губка*.

Достаточно много отмечено и случаев, когда мотивированность безэквивалентных лексико-семантических вариантов обусловлена метонимическим переносом - ср. два безэквивалентных лексико-семантических варианта лексемы *bake* - *застолье или пикник, когда главным угощением является печёное изделие и пикник на морском берегу, где главное угощение – печёные моллюски*, которые оба образованы путем метонимического переноса от основного значения данной лексемы *выпечка, выпекание*. Также метонимическим переносом от основного значения лексемы *fell* - *рубка, валка (леса)* обусловлена мотивированность ее безэквивалентного лексико-семантического варианта *количество леса, срубленного за один сезон*.

В рассматриваемой нами выборке представлен также случай мотивированности значения с помощью переноса по функции – ср. безэквивалентный лексико-семантический вариант лексемы *nurse* - *дерево*,

посаженное для того, чтобы дать тень другим деревьям, образованный с помощью переноса по функции от основного денотативного значения данной лексемы няня.

Что касается суффиксальных однословных безэквивалентных лексем, то их значения, что совершенно естественно, мотивированы их основой и суффиксом. В нашей выборке встретились безэквивалентные лексемы, образованные с помощью разных суффиксов. Наиболее частотными оказались наименования, образованные от глагольных или субстантивных основ с помощью суффикса деятеля **-er**: *skirter* - разг. охотник, *предпочитающий обезжать, а не преодолевать препятствия* (изгородь и т. п.) во время верховой охоты на лис с гончими (от глагола *skirt* –огибать, обходить); *egger* - охотник за птичьими яйцами (от глагола *egg* - собирать птичьи яйца); *quicken* - том, кто вносит оживление (от глагола *quicken* – оживлять); *competitioner* - участник соревнования, состязания, конкурса; лицо, поступающее на работу по конкурсу (от существительного *competition* - соревнование, состязание; конкурс) и т.д.

В некоторых случаях значения безэквивалентной лексемы мотивированы суффиксом и разными значениями производящей основы. Так, в нашей выборке встретились два лексико-семантических варианта безэквивалентной лексемы *fencer* - рабочий, ставящий или чинящий ограды и лошадь, участвующая в скачках с препятствиями. Отметим, что первый из перечисленных лексико-семантических вариантов мотивирован основным значением глагола *fence* - ограждать, огораживать и суффиксом деятеля **-er**, второй же лексико-семантический вариант мотивирован тем же суффиксом деятеля **-er** и другим значением этого глагола - брать барьер (о лошади).

Среди других суффиксов, отмеченных в попавших в нашу выборку однолексемных безэквивалентных единицах, следует отметить следующие: **-ist** (*agonist* - человек, разрываемый внутренними противоречиями; *gradualist* - сторонник постепенного проведения реформ, противник быстрых радикальных перемен); **-ism** (*ageism* - предубеждение против какой-либо возрастной группы, особенно дискриминация пожилых при найме на работу и т.п.); **-ity** (*complexity* - что-либо сложное); **-tion** (*suburbanization* - рост населения, живущего за пределами официальной границы большого города; *tessellation* - составление мозаики; *graduation* - окончание учебного заведения; получение или присуждение ученой степени); **-ship** (*fellowship* - стипендия, выплачиваемая лицам, окончившим университет и ведущим при нем исследовательскую работу); **-ing** (*hatting* - материал для шляп; приподнимание шляпы в знак приветствия); **-ie** (*quicke* - что-либо сделанное в спешке, второпях; что-либо очень краткое, непродолжительное); **-and** (*graduand* - выпускник университета, сдавший выпускные экзамены, но еще не получивший степень бакалавра; *distilland* - вещество, подвергаемое

перегонке); **-у** (*chippy* - небольшое кафе, где продают рыбу с картофелем); **-able** (*disreputable* - человек с сомнительной репутацией); **-ия** (*suburbia* - пренебр. предместья и их жители, характеризующиеся материальным благополучием, самодовольством и интеллектуальной ограниченностью). Отметим, что все перечисленные безэквивалентные лексемы мотивированы своей основой и соответствующим суффиксом.

Точно также все вошедшие в нашу выборку сложные слова мотивированы своими составляющими. Внутренняя форма таких слов, как правило, весьма прозрачна. Ср., например: *hatstand* - стоячая вешалка для шляп и пальто (букв. – шляпная стойка, подставка), *egg-plum* - продолговатая желтая слива (букв. – слива-яйцо, т.е. слива в форме яйца), *S-curve* - амер. поворот дороги в форме латинской буквы *S*, считающийся опасным для водителей (букв. – изгиб, поворот дороги в виде *S*), *pantdress* - платье, состоящее из лифа и юбки-штанов (букв. – платье-штаны), *cushioncraft* - судно на воздушной подушке (букв. – судно - воздушная подушка); *rock-garden* - сад с декоративными каменными горками (букв. – каменный сад), *eggslice* - широкий нож или лопаточка для снимания яичницы со сковороды (букв. – яичная лопатка) и т.д.

Наблюдаются также такие безэквивалентные единицы, мотивированность которых очевидна, хотя и не так прозрачна. Так, например, мотивированность безэквивалентной единицы *liver-wing* - правое крылышко курицы, утки и т. п. (букв.- печеночное крыло, т.е. крыло со стороны печени) понятна, поскольку печень находится с правой стороны, т.о. крыло со стороны печени – это правое крыло. Точно также мотивированность сложного слова *rock-cake* - печенье из крутого теста (букв.- каменный пирог) также понятна, поскольку крутое тесто трудно жевать и оно ассоциируется с твердым камнем.

Интересны также безэквивалентные единицы *spoilsport* - тот, кто портит удовольствие другим (букв.- испорченное развлечение, испорченное удовольствие) и *suck-a-thumb* - ребенок, который сосет свой палец (букв.- сосание большого пальца), где мотивированность обусловлена суммарным значением основ и метонимическим переносом.

В безэквивалентных же единицах *circake* - маленький кекс, выпеченный в гофрированной формочке (букв.- чашка-пирог) и *rollaway* - дополнительная кровать, которая при необходимости устанавливается в гостиничном номере (букв.- катить прочь) мотивированность обусловлена суммарным значением основ и метафорическим переносом и переносом по функции соответственно.

Среди попавших в нашу выборку устойчивых словосочетаний подавляющее большинство также является мотивированными. В качестве примера приведем следующие: *cabin fever* - амер. усталость от пребывания в закрытом помещении (особ. после долгой зимы или из-за плохой погоды), проявляющаяся в повышении нервозности, а иногда и в странностях

поведения (букв.- нервное возбуждение от тесного помещения), *paper bank* - большой железный контейнер для старых газет и журналов; устанавливается местными органами власти на автостоянках, у универмагов и т.п., бумага из которого идет на переработку (букв.- бумажная копилка), *quickie divorce* - amer. развод в штате, имеющем либеральное бракоразводное законодательство, которое позволяет супругам разойтись без лишних формальностей и расходов (букв.- быстрый развод), *dissolution honors* - награждение политических деятелей, бизнесменов, деятелей искусства и т.п. за политические и другие заслуги по случаю распуска парламента (букв.- почести распуска), *hate sheet* - газета, листовка и т.п., разжигающая ненависть (букв.- листок ненависти).

Мотивированность попавших в нашу выборку словосочетаний в большинстве случаев может быть объяснена метафорическим переносом – ср. *trick wig* - парик, на котором волосы могут вставать дыбом (букв.- парик с трюком), *distance runner* - бегун на длинные или средние дистанции (букв.- бегун большого расстояния). Встречаются также немногочисленные случаи метонимии – ср. *quick study* - человек, обладающий прекрасной памятью (букв.- быстрое изучение) и переноса по функции – ср. *hat guard* - шнурок, резинка или лента, удерживающие шляпу на голове (букв.- охрана шляпы).

Лишь немногочисленные попавшие в нашу выборку словосочетания оказываются немотивированными. В качестве примера такого немотивированного словосочетания приведем *free lunch* - подарок, за который получателю приходится, в конце концов, заплатить (букв.- бесплатный ленч).

В целом рассмотрение мотивированности значений безэквивалентной лексики, проведенное нами на материале Англо-русского словаря безэквивалентной лексики методом случайной выборки показало, что подавляющее большинство попавших в выборку безэквивалентных единиц оказываются мотивированными. Количество немотивированных безэквивалентных лексем и устойчивых словосочетаний составляет около 10% от общего числа рассмотренных единиц. Представляется возможным предположить, что аналогичная картина будет наблюдаться и во всем массиве англо-русской безэквивалентной лексики.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – 192 с.
2. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006. – 305 с.

А.П. Бабушкин
Воронеж

Коннотации числительных в сопоставительном аспекте

Числительные принадлежат к классу полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру, а также связанные с числом мыслительные категории порядка при счете (Супрун, с. 582). Они относятся к наиболее абстрактной части лексики (Реформатский, с. 45). Человек, осуществляющий счет, сосредоточен на количественных параметрах исчисляемых предметов, а не на их качестве, поэтому особый интерес вызывают экзотические языки, в которых существуют десятки типов числительных, сочетающихся с названиями объектов разных классов: одни из них используются для подсчета животных, другие – для перечисления длинных предметов, третьи – круглых, четвертые – плавающих и т.д. (Супрун, с. 583)

Не менее любопытны случаи, когда, на первый взгляд, «бесстрастные» числа приобретают коннотации, свойственные лишь одному языку; в другом языке то же самое число является «нейтральным», оставляя носителей языка абсолютно к нему равнодушными. Эти коннотации нередко обуславливаются суевериями, а именно – убеждениями в том, что то или иное число обладает магической силой. Например, необыкновенным по силе воздействия «магическим числом» для пытливых умов носителей древних языков было число «пять», состоящее из суммы « $2 + 3$ », первое из которых – четное, а второе – нечетное число.

Числовой символике или «мистике чисел» посвящены труды многих лингвистов (см. работы О.И. Быковой, Г.Д. Гачева, М.М. Маковского, В.Н. Топорова и др. ученых).

Примеры, приводимые этими авторами, можно умножить. Так, известны случаи неординарной трактовки числа «четыре». В 38-этажном здании гостиницы «Шератон» в городе Куала-Лумпур, столице Малайзии, отсутствуют 4-й, 14-й и другие этажи, в номерах которых есть «четверка». Гостиница принадлежит китайцам, а их иероглиф, означающий цифру «4», может читаться как «смерть». Отсутствие оной – это, своего рода, страховка от неприятностей («Комсомольская правда», 14.12.05).

На аналогичную этнокультурную специфику так называемых «нумеронимов» на материале немецкого языка указывает О.И. Быкова: в Германии числа 11, 111, 1111 когда-то считались «числами для простаков», т.к. до введения среднеевропейского времени в немецких деревнях существовала традиция боя часов в 11 часов, которая продолжалась и после того, как часы должны были повсюду бить ровно в 12, что вызывало причину неодобрительного отношения к числам, содержащим число 11 (Быкова, с. 154).

По восточной оценке число «девять» представляет собой определенную степень превосходства. Именно девятью наименованиями знаменуются подарки восточных дарителей, желающих продемонстрировать особую щедрость.

Нельзя упомянуть и о сакральном числе «семь», значимом для людей, говорящих на разных языках.

Если итальянцы не ждут ничего хорошего от числа «17», то для многих других европейцев «числовые» поверья, уходящие своими корнями в древнейшие времена, закрепились за числом «тринадцать». Турки так не любят это число, что почти напрочь исключили его из своего словаря, в Париже нет дома под номером «13», и специальные люди держатся в резерве, чтобы вместо тринадцати трапезников за столом было на одного человека больше.

«Тринадцать» - несчастливое число, как в английском, так и русском коллективном сознании. «Тринадцать» воспринимается как манифестатор возможных неприятностей, невезеня и прочих злоключений в ситуациях, обозначаемых такими словосочетаниями, как: «тринадцатое число» (по календарю), «тринадцатый билет» (на экзамене), «тринадцатый сектор» (в игре), «тринадцатый этаж», «тринадцатый вагон», «тринадцатое место» и т.п.

Коннотации цифровых номинаций, основанных на суевериях, следует отличать от коннотаций, несомых фразеологическими оборотами, в состав которых входят числительные. Первые – это коннотации социально-психологической природы, факты предрассудков, в силу которых нечто представляется в виде знамений судьбы; вторые соотносятся с собственно языковым феноменом, выражющим отношение говорящего к реалиям действительного или возможного мира.

Обратимся к анализу английских числовых фразеологизмов с целью выявления соответствующих им параллелей в русском языке, если они имеются.

Отобранные по специальным словарям (их список приводится в конце статьи) английские фразеологические единицы разделим на три группы.

В первую группу определим устойчивые выражения, которые эквивалентны русским по форме и содержанию. Это такие выражения, как: «one and only» - «один единственный» («одна единственная»); «one down!» - «по одной!» (застольный тост); «first rate» - «первый сорт»; «from the very first» - «перво-наперво»; «one and all» - «все до одного»; «one by one» - «по одному»; «one or two» - «один – два» (в значении «немного»), «ten times» - «десять раз» (говорить о чем-то); «give me five» - «дай пять» (о руке, в знак согласия или примирения); «clear as two and two makes four» - «ясно, как дважды два четыре»; «fifty fifty» - «пятьдесят на пятьдесят»; «hundred proof» - «на все сто» (об оценке чего-либо) и т.д.

Вторую группу составляют английские фразеологизмы, которые по своей форме отличаются от русских, но сопоставимы с ними по содержанию. Ср. «sixes and sevens» - (букв.) «шестерки и семерки» - не в должном порядке – и русское «с пятого на десятое»; «third wheel» - (букв.) «третье колесо» - и в русском языке - «пятое колесо в телеге»; «seven times removed» - (букв.) «в семь раз отдаленный родственник, родственник в седьмом колене» - и русское «седьмая вода на киселе».

В третью группу следует отнести «числовые» английские и русские выражения, которые являются несопоставимыми, т.к. они отмечены национально-культурной спецификой и, следовательно, являются уникальными. К ним можно причислить следующие фразеологизмы английского языка: «five-and-ten» - (букв.) «пять и десять» - магазин, который продает недорогие товары для дома; «sixty-four dollar question» - (букв.) «вопрос на 64 доллара» - наиболее важный вопрос, на который каждый хочет получить ответ; «nineteenth hole» - (букв.) «девятнадцатая лунка» - место, где можно выпить спиртное после игры в гольф, где надо загнать мяч в 18 лунок; «eighty six» - (букв.) «восемьдесят шесть» - отказ обслужить человека спиртным по той причине, что он уже достаточно много выпил; «first national bank» - (букв.) «первый национальный банк» - от привычки женщин прятать деньги в чулки.

См. также русские фразеологизмы: «сообразить на троих» - выпить на улице, найдя случайных собутыльников; «третий лишний» - о нежелательном присутствии третьего лица; «семь пядей во лбу» - очень умный; «до седьмого пота» - трудиться, не покладая рук; «робкого десятка» - боязливый человек; «черная сотня» - группировка реакционно настроенных людей.

Проведенный анализ позволяет подойти к некоторым общим выводам:

1. Значения числительных, связанных с суевериями, могут отличаться или совпадать в разных языках, в последнем случае свидетельствуя об общности мифических представлений народов, разделяемых культурных традициях в различных формах их проявления.

2. Сходство в «числовых» индексациях суеверий и «числовых» фразеологизмах, заключается в том, что и те, и другие являются коннотативно релевантными. Однако первые из них служат в качестве индикаторов известного признака, присущего предмету, поименованному словом, а вторые – не существует в виде отдельной «цифровой» приметы, а «растворяется» в смысле устойчивого словесного комплекса, в плане своего содержания стремящегося к выражению единого понятия.

3. «Чисел-предубеждений» в словаре любого языка гораздо меньше, чем фразеологических оборотов, в состав которых входят числительные.

4. «Числовые» фразеологизмы, близкие по форме и содержанию в разных языках – наименее образны. Чем больше расхождений по форме и

содержанию в таких фразеологизмах, тем выше их идиоматический (читай - идиоэтнический) потенциал.

5. Числовые коннотации находятся на самой периферии лексико-семантических полей, иначе была бы затруднена, а иногда и невозможна, коммуникация людей, говорящих на разных языках, в которой числовая информация играет чрезвычайно важную роль.

Литература

1. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка). – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Гос. изд-ство учебно-педагог. лит-ры Министерства просвещения РСФСР, 1955.
4. Супрун А.Е. Числительные / Большой энциклопедический словарь «Языкознание». – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 582-583.
5. Brewer E.C. The Dictionary of Phrase and Fable – Galley Press, 1996.
6. Longman, Dictionary of English Language and Culture. New edition. - Longman 2000.

Т.Н. Панкова
Воронеж

Национальная специфика образования переносных значений

Как известно, полисемия свойственна словарному составу любого развитого языка. Образование производных значений, с одной стороны, основано на общечеловеческих законах мышления, с другой – имеет свои особенности проявления в каждом языке. Следовательно, можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе образования значений многозначных единиц в разных языках. Рассмотрим это на примере русских лексических единиц *зерно* и *семя*, которым в английском языке соответствуют лексемы *grain*, *corn* и *seed*.

Лексемы *зерно* (*grain*, *corn*) и *семя* (*seed*) являются соотносимыми эквивалентами и приобретают переносные значения в обоих языках. Обращает на себя внимание тот факт, что русская лексема *зерно* соотносится с двумя английскими, то есть имеет место векторное соответствие. И в русском, и в английском языках данные лексические единицы имеют прямое

значение «плод и семя злаков, семя растений». Вначале сопоставим соотносимые эквиваленты *зерно* и *grain*. Общим для обоих языков является производное значение «отдельная частица, небольшая доля, крупинка какого-либо вещества». Например: *Где-то в кварце блестело золото крупными зёрнами* (В. Обручев); *She made such a dish that we couldn't eat: there were even grains of salt*. Образование производного значения осуществляется по признаку “размер”. Этот признак лежит в основе переноса и в случае использовании анализируемых единиц в абстрактном значении в контекстах типа: *Есть чувство правды в сердце человека, Святое вечности зерно* (М. Лермонтов); *A grain of truth* – зерно истины. *Not a grain of truth* – ни крупинки правды.

Переносное значение лексемы *зерно* – “зародыш, исходное начало; ядро чего-либо”, основанное на признаке «фаза биологического существования» не может быть передано лексемой *grain* и передаётся посредством других лексем, но в составе некоторых устойчивых выражений может быть соотнесено с лексемой *corn*.

Следует отметить, что соотносимая с русской лексемой *зерно* английская лексическая единица *grain* более многозначна и имеет, помимо проанализированных, следующие значения: 1) гран (мера веса=0,0648г); 2) зернистость, грануляция; 3) волокно, жилка, фибра, нитка; 4) строение, структура; 5) природа, характер, склонность; *in grain* – по натуре, характеру; 6) грана, яички шелкопряда. Думается, что использование данной лексемы в первом из перечисленных значений (мера веса) обусловлено переносом по признакам “форма” и “вес”, во втором - по признакам “свойство”, “качество,” в третьем - “форма”, в четвёртом - “структурное множество”, в пятом - “фаза биологического существования” (начало чего-либо, источник развития), в шестом - по признаку “форма”. Сочетание *to dye in grain* используется в значениях: 1) окрашенный в пряже; прочно пропитанный краской; 2) стойкий, выносливый. В первом случае перенос осуществляется по признаку “структурное множество”, поскольку имеется в виду, что каждая частица вещества пропитана краской, что обусловливает стойкость, прочность окрашивания. Ассоциация со стойкостью, прочностью обусловила, в свою очередь, возможность употребления данной лексемы для характеристики стойкого, выносливого человека. Переносное значение “природа, характер, склонность” обусловило значения словосочетания *against the grain* – технич. - против (древесного) волокна; (*The joiner planed wood against the grain* - Столяр строгал дерево против волокна), а также значение «против желания, наперекор естественной склонности, не по душе, не по нутру». Например: *Everything in fact, was driving him towards the simple solution of Irene's return. If it were still against the grain with her, had he not feelings to subdue, injury to forgive, pain to forget?* (J. Galsworthy) - Всё решительно толкало его к единственному простому выходу – вернуть Ирэн.

Если ей это и не совсем по душе, то ведь и ему придётся подавить свои чувства, простить обиду, забыть страдания!

При сопоставлении лексем *зерно* и *corn* выявляется, что все производные значения английского эквивалента реализуются, в основном, в составе устойчивых сочетаний. Так, довольно распространённым в современном английском языке является шутливое сочетание *one's pet corn* – “любимая мозоль”, большое место. А выражение *tread on somebody's corns* (буквально: наступить на чьё-либо зерно) имеет значение «задеть чьи-либо чувства, наступить на чью-либо любимую мозоль». Перенос осуществляется по признаку “форма”.

Лексема *corn* употребляется и в составе американского выражения *to acknowledge the corn* - признать правильность чьего-либо утверждения, признать свою вину, свою неудачу (буквально: принять зерно). Вероятно, в данном случае реализуется значение “зародыш, исходное начало; ядро чего-либо”, основанное на признаке «фаза биологического существования». Можно предположить, что указанный признак актуализируется и в сленговом выражении *to carry corn* (буквально: нести зерно), которое на русский язык переводится “разумно использовать удачу; не зазнаваться от успеха”.

Таким образом, совпадая по исходному значению в русском и английском языках, данные лексемы имеют значительные расхождения в количестве переносных значений и направлении производности.

Подобные расхождения выявляются и при сопоставлении лексем *семя* и *seed*, в обоих языках репрезентирующих значение «зачаток высшего растения, развивающийся обычно после оплодотворения и состоящий из зародыша и оболочки». Например: *Летучие семена лягут на влажную землю, пустят в неё корешки. И ... разрастутся и зацветут весенние травы* (К. Паустовский). Общим для исследуемых языков является значение «зародыш, начало, источник чего-либо». Например: *Я уничтожу самое семя бунта!* (А.Толстой); *The seeds of discord* – семена раздора. Перенос осуществляется по признаку «источник, начальная фаза развития». По этому же признаку происходит перенос и при употреблении анализируемых лексем в значении «потомство, род». Например: *Курбский пропал в нетях, распылился в Литве, не оставив семени своего* (М. Горький); *To raise up seed* – иметь потомство.

Можно отметить также совпадение в образовании переносного значения по признаку “отделять ненужное” в глаголах *отсеивать* и *to seed*. В данном случае значение в обоих языках практически совпадает, но в английском оно является более узким, так как употребляется только в спортивной терминологии, где означает “отбирать более сильных участников состязания”.

Выражение *to go to seed* = *to run to seed* - пойти в семена - имеет значение “перестать развиваться, прийти в упадок”. Например: *He and his Scotch wife*

were forced to migrate with their goods and their chattels, and left the stately comfortable gardens to go to waste, and the flower-beds to run to seed (W. Thackeray). - Садовник и его жена-шотландка должны были убраться со всеми своими пожитками; заброшенные роскошные сады пришли в запустение, а цветочные клумбы заросли сорной травой.

Why were those measures allowed to drop? Why was all that great improvement allowed to run to seed and grass? (J. Galsworthy) - Почему же всему этому дали заглохнуть? Почему столько труда пошло наスマрку?

Это выражение употребляется также в значении “морально опуститься, обрюзгнуть”: *Dr. Monks is aware that I am not a young man, my dear, and also that I am a little run to seed, as I may say...* (Ch. Dickens). - Мистеру Монксу известно, дорогая моя, что я уже не молодой человек и, если можно так выразиться, немножко отцвел... Вероятно, в основе данных производных значений лежит перенос по признаку “фаза биологического существования” - явление или человек перестают развиваться или даже начинают двигаться в обратную сторону, к своему исходному состоянию.

Таким образом, сопоставительный анализ лексем зерно (*grain, corn*) и семя (*seed*) позволяет прийти к следующим выводам:

1. совпадая, по исходному значению, данные лексемы имеют значительные отличия в структуре семантем;
2. национальная специфика проявляется: а) в наличии векторного соответствия между лексемами, б) соотношении количества репрезентируемых сопоставляемыми лексическими единицами семем, в) в отборе признаков, по которым осуществляется перенос;
3. выявленные различия свидетельствуют как о более высокой степени многозначности английских лексем по сравнению с русскими, так и о более высокой степени релевантности исследуемых единиц для английского языкового сознания.

О.Н.Чарыкова, О.И.Мусаева
Воронеж

Флористическая метафора в русском и испанском языках

Лексика, объединённая семой «растение», имеет важный аксиологический статус в языках мира, так как называет реалии, связанные с удовлетворением таких потребностей человека, как питание и защита от негативного воздействия внешней среды. Это обуславливает широкие возможности образования производных значений, поскольку метафоризации подвергаются в первую очередь единицы лексических полей, репрезентирующих наиболее релевантные для носителей языка участки внеязыковой действительности.

Рассмотрим специфику флористической метафоры в русском и испанском языках в аспекте репрезентации языковой картины мира.

На основе своей семантики метафоризируемая лексика, включающая компонент «растение», в обоих языках может быть распределена по следующим тематическим группам: 1) наименование компонентов растения, 2) наименование целого растения, 3) лексемы, называющие группу растений, 4) лексические единицы, называющие фазу биологического существования растений.

Как показывает анализ, в русском языке самой многочисленной является группа лексических единиц, объединенных семой **«компонент растения»**, включающая вместе с производными лексемами 98 единиц (37 из которых объединены также семантическим компонентом «плод»): бальзам, бревно, ветвь, ветка, разветвить, разветвиться, разветвление, разветвленный, дубина, заноза, занозистый, зерно, колода, кора, корявый, корень, корениться, коренной, кореш, корешок, выкорчевать, выкосить, кряж, кряжистый, луковица, луковка, маковка, отросток, охвостье, пень, поросль, расщепить, развилина, роза, розетка, розовый, семя, сиреневый, скорлупа, смола, соломка, стебель, ствол, терние, труха, хворост, цвет, маxровый, цветсти, цветистый, цветущий, цветник, отцвести, процвести, процветание, процветать, пустоцвет, расцвет, расцвести, шелуха, шип; вишневый, груша, изюминка, каштановый, клубничка, кофейный, лимонный, малина, малиновый, миндалина, миндальный, морковный, огурчик, оливковый, перец, плод, толстокожий, бесплодный, небесплодный, плодовитый, плодить, плодиться, расплодить, расплодиться, репей, рябина, рябиновый, свекольный, фига, фисташковый, фрукт, чечевица, чечевичка, шишка, яблочко, ягодка, ячмень.

Анализ показал, что рассматриваемые лексемы в русском языке могут иметь морфологические или семантические дериваты. Как известно, степень значимости того или иного элемента внеязыковой действительности в национальной картине мира определяется полнотой его репрезентации в языковом сознании. В качестве критериев релевантности могут выступать деривационные факторы – морфологическая деривация, то есть образование однокоренных слов, и семантическая, то есть количество производных значений. С позиции морфологического словообразования наиболее востребованными в русской картине мира оказались такие компоненты растений, как цвет (цветок) (9 производных лексем с данным корнем), плод (7 производных лексем), ветвь (5 производных лексем) и корень (4 производных лексемы), роза (2 производных лексемы).

В плане семантической деривации из общего числа анализируемых единиц 15 являются многозначными. Наибольшее количество семем приобрела лексема розетка (8 значений), затем по степени убывания следуют: ствол (6 значений), цветистый (5 значений), корявый (5 значений), разветвление (4

значения), ветвь (3 значения), зерно (3 значения), цветы (3 значения), цветущий (3 значения), процветать (3 значения), расцвети (3 значения), корень (3 значения), корениться (2 значения), луковица (2 значения), луковка (2 значения), роза (2 значения), семя (2 значения), стебель (2 значения), отцвести (2 значения).

В подгруппе «плоды» наиболее значимой в аспекте морфологической деривации является лексема «плод» – семь производных лексем с данным корнем. Остальные единицы не имеют дериватов. В аспекте семантической деривации полисемия обнаружена только у трёх лексем: шишка – 3 значения, бесплодный – 2 значения, перец – 2 значения.

В испанском языке также наиболее многочисленной является группа **«наименования компонентов растения»**, включающая 36 единиц, 11 из которых имеют общий семантический компонент «плод»: *corteza* (кожура), *flor* (цвет, цветок), *florear* (украшать цветами), *floreo* (украшение), *florecer* (цвести), *florecente* (цветущий), *florentísmo* (очень цветущий), *florero* (цветочница), *floridez* (обилие цветов), *florido* (цветущий), *florilegio* (собрание трудов), *florón* (украшение); *lila* (сирень, сиреневый), *raíz* (корень), *rama* (ветвь), *ramal* (ответвление), *ramificación* (разветвление), *ramificarse* (разветвляться), *ramilla* (веточка), *ramillete* (букетик), *ramo* (ветка), *rosa* (роза), *roseta* (розетка), *semilla* (семя), *semillero* (рассадник), *tronco* (ствол), *tronchar* (свалить); *aceitunado* (оливковый), *aguacate* (авокадо), *ajo* (чеснок), *almendra* (миндаль), *badea* (бахчевой плод с плохой внутренностью), *bellota* (желудь), *breva* (фига), *fruto* (плод), *naranja* (апельсин), *naranjas* (апельсины).

Деривационный критерий даёт основания утверждать, что наиболее востребованными в испанской картине мира оказались такие компоненты растений, как *flor* (цветок) - 10 производных лексем и *rama* (ветка) - 6 производных лексем.

Больше всего значений у лексем *flor* (цветок) - 13 значений, *tronco* (ствол) - 10 значений, *rosa* (роза) - 8 значений, *roseta* (розетка) - 6 значений, *rama* (ветвь) - 6 значений, *florecer*, *florear* (цвести; украшать цветами) – по 5 значений, *ramal* (ответвление) - 3 значения, *ramillete* (букетик) - 3 значения, *rama* (ветвь) - 3 значения, *corteza* (кора) - 2 значения, *florido* (цветущий) - 2 значения, *raíz* (корень) - 2 значения, *tronchar* (свалить) - 2 значения.

В подгруппе «плоды» наибольшим количеством значений обладает лексема *almendra* (миндаль) - 7 значений, *breva* (плод смоковницы) - также 5 значений, *bellota* (желудь) - 4 значения, *fruto* (плод) - 2 значения, *badea* (бахчевой плод с плохой внутренностью) - 2 значения.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что лексемы, составляющие группу **«наименования компонентов растения»**, достаточно активно подвергаются метафоризации в сравниваемых языках. Это обусловлено спецификой репрезентируемых ими концептов. Концепты

«часть растения» формируются в практической деятельности человека, связанной с такими важными жизненными потребностями, как питание, защита от отрицательного влияния внешней среды (постройка жилища, обогревание жилища, кормление животных), а поэтому занимают важное место в концептосфере человечества. Многие из данных концептов являются универсальными, общечеловеческими. Соответственно лексемы, называющие данные ментальные сущности, широко употребляются в языке и активно метафоризируются. Поэтому метафоры, возникшие на основе данной лексики, тоже могут иметь универсальный (межъязыковой) характер.

Применительно к русскому и испанскому языкам к межъязыковым можно отнести метафоры, исходными единицами которых являются лексемы: корень, ветвь, ветка, семя, ствол, плод, цвет (цветок), цветы, цветущий, роза, сирень, миндаль, оливка, фига. Эти единицы и производные от них переосмысляются в обоих языках. В остальных случаях имеет место эндемичность метафорического значения, то есть образование его только в одном из сопоставляемых языков. Например, в испанском языке лексема *bellota* (жёлудь) приобретает следующие метафорические значения: бутон гвоздики, украшение позумента, верхушка рога быка, сосуд для ароматических веществ, *ajo* (чеснок) имеет значение «грубое выражение, ругательство». В свою очередь в русском языке эндемичными являются метафорические значения слов «луковица», «пень» и другие.

Но даже если метафоризируются соотносимые лексические эквиваленты сопоставляемых языков, полной идентичности не наблюдается, поскольку в этом случае различия проявляются на уровне семантической и морфологической деривации. Например, в русском языке лексема «плод» имеет большее количество производных, чем *fruto* в испанском. В испанском языке лексема *flor* имеет значительно большее количество значений и производных лексем, чем аналогичная русская *цвет* (*цветок*).

Национальная специфика может проявляться и на уровне сем, то есть в объёме и структуре сопоставимых значений. Например, глаголы «цвести» в испанском и «процветать» в русском, образуя метафору, имеют семантические различия: по-русски лексема «цвести, процветать» означает благоденствие, материальное преуспеяние, испанская *florecer* означает «жить и творить, благотворно развиваться».

Различия фиксируются и в направлении метафоризации тех лексем сопоставляемых языков, которые называют одни и те же реалии. В русской и испанской национальных картинах мира одни и те же объекты могут получать разные оценочные характеристики, потому что испанцы и русские выделяют и фиксируют разные стороны одного и того же явления. Так, русские видят молодой и свежий огурчик, его крепость и свежесть ложатся в основу метафоры, а испанцы замечают старый и желтый огурец, и основой метафорического переноса становится его плохое содержимое. Плод

смоковницы (*figa*) в русском языке употребляется для обозначения сжатого кулака и имеет отрицательные коннотации, а в испанском языке *breva* развивает ряд метафорических значений с положительными коннотациями (сорт сигар; выгодное, нетрудное дело; неожиданное преимущество). Следовательно, отбор признаков, ложащихся в основу метафоры, национально-специфичен.

Следующей по численности и в русском, и в испанском языках является группа лексических единиц, объединенных семантическим компонентом **«фаза биологического существования растений»**. В русском языке вместе с производными лексемами она включает 32 наименования (зеленый, зрелый, зреть, незрелый, перезрелый, перезреть, созреть, неувядаемый, неувяддающий, отпочковаться, поспеть, привить, привиться, расти, росток, прирасти, взрастить, растить, срастись, развиться, распуститься, сеять, отсеять, отсеяться, рассеять, рассеянный, усеять, сорвать, сохнуть, уродиться, чахлый, чахнуть).

В плане семантической деривации из анализируемых лексических единиц 6 являются многозначными. Наибольшее количество семем у лексемы сорвать (11 значений), далее по степени убывания следуют: распуститься (5 значений), зрелый (4 значения), незрелый (4 значения), созреть (4 значения); растить (2 значения).

В испанском языке группа **«фаза развития растений»** насчитывает вместе с производными 19 единиц: *agraz* (незрелый виноград), *agrazar* (быть кислым), *brotar* (прорастать, распускаться), *brote* (росток), *estéril* (бесплодный), *fecundo* (плодородный, плодовитый, плодотворный), *fértile* (плодородный), *germinar* (прорастать, зародиться), *germen* (проросток, зародыш), *lozanear* (иметь свежий вид), *lozanía* (свежесть), *lozano* (свежий, сочный), *maduramente* (зрело), *madurar* (зреть), *madurativo*, *madurez* (зрелость), *maduro* (зрелый), *precoz* (скороспелый, преждевременный), *prematuro* (недозрелый, преждевременный).

Наиболее релевантной в плане морфологической деривации для испанского языкового сознания является лексема *madurar* (зреть), имеющая 4 производные единицы. Две производные имеет лексема *lozanía* (свежесть, сочность), по одной производной глагол *brotar* (прорости; распуститься) и существительное *agraz* (незрелый виноград). Остальные единицы не имеют дериватов. Самое большое количество семем у лексем *maduro* (зрелый) - 5 значений, далее по убыванию: лексема *brotar* (прорости, распуститься) - 4 значения, *precoz* (скороспелый, преждевременный) - 3 значения, *fecundo* (плодородный, плодовитый, плодотворный) - 2 значения.

При сопоставлении было выявлено, что метафоры этой группы сходны в обоих языках, поскольку фазы биологического существования растений совпадают (вероятно, они являются универсальными и для других языков). Это обусловлено тем, что в языке отражено стремление человека соотнести

себя с окружающим миром, поэтому лексемы, называющие фазы существования растения, широко используются и метафорически переосмысяются для названия периодов жизни человека, а также для номинации других явлений окружающей действительности.

Наиболее важна и для русского, и для испанского языка лексема «зрелый» (*maduro*), имеющая наибольшее количество семантических и морфологических дериватов, а также «росток» (*germen*). Эти лексические единицы совпадают по исходному значению. В рамках данной семантической группы имеет место семантическая и деривационная близость в направлении метафоризации лексических единиц. Но полной идентичности не наблюдается.

В других случаях метафорические значения эндемичны. Например, в испанском языке лексемы *agraz* (незрелый виноград), *agrazar* (быть кислым) развиваются метафорические значения «огорчение, расстройство» и «не нравиться, быть неприятным». Очень важны для данной группы различия на уровне лексем при совпадении семантики: в русском языке слова «плодовитый» и «бесплодный» являются производными от лексемы «плод» (и были отнесены к группе лексем «названия компонентов растения» как производные этой лексической единицы). В испанском же языке слова *estéril* (бесплодный), *fecundo* (плодовитый), *fertil* (плодотворный) являются разнокоренными и не имеют ничего общего с лексемой *fruto* (плод).

Русское и испанское языковое сознание актуализирует разные признаки, ложащиеся в основу метафорического переноса: для русского сознания «зеленый» - это неспелый, незрелый, для испанского *lozano* – сочный, свежий, находящийся на раннем этапе развития (возможно, до цветения). Для испанского мировосприятия при осмыслиении фаз развития растений более важным оказался начальный этап развития и признак «взойти», «появиться на поверхности» (*brotar*, *germinar*), для русской картины мира более релевантным оказался период созревания.

Следующей по степени убывания в обоих языках является группа **«название целого растения»** (в русском языке 32 наименования): анис, васильковый, горошек, дерево, деревянный, одеревенелый, одеревенеть, дуб, дубовый, дурман, ёлочка, куст, липа, липовый, лопух, мимоза, мухомор, плевел, плесень, пшеничный, салатный, табачный, тина, травянистый, трюфель, хмель, шафранный; дичок, перекати-поле, поганка, скороспелка, сморчок.

В плане семантической деривации полисемия выявляется у лексем «дурман» и «скороспелка», которые имеют по два значения. Морфологические дериваты имеют лишь три лексические единицы: дерево (три производных лексемы), дуб и липа (по одной производной).

В испанском языке группа **«наименование целого растения»** включает 8 единиц: *acíbar* (алоэ), *agrazón* (дикий виноград), *árbol* (дерево), *bravío* (дичок),

cizaña (плевел), cizañar (сеять вражду), lapa (репейник), naranjo (апельсиновое дерево).

В данной группе только одна лексическая единица имеет морфологический дериват: cizaña (плевел). Многозначной является лексема *árbol* (дерево), имеющая 6 значений. Лексема cizaña (плевел) имеет 2 значения. Другие лексические единицы не имеют ни морфологических, ни семантических дериватов.

При сопоставительном анализе было выявлено только две лексемы, совпадающие по исходному значению: дерево и *árbol*, а также дичок и *bravío*. Лексемы, называющие одно и то же растение: репейник, лопух – имеют национальные различия в формировании метафорического значения. Если цепкость репейника актуализируется и в русском, и в испанском языковом сознании, то метафора, основанная на признаке «простоватости» лопуха, является эндемичной для России.

В русском языке тематическое объединение «группа растений» включает 11 наименований (производных нет): букет, венчик, мутовка, сноп, а также существительные, в семантическую структуру которых входит дополнительная сема «место произрастания»: дебри, житница, лес, оазис, сад, рассадник, цветник.

В данной группе лексических единиц 4 дополнительных значения имеет лексема «сад», по два дополнительных семантических значения имеют слова «сноп» и «дебри». Ни одна лексическая единица не имеет морфологических дериватов.

В испанском языке количество метафоризуемых лексем, объединённых семантическим компонентом «группа растений», тоже невелико: 3 лексемы, в том числе 2 существительных, в семантическую структуру которых входит дополнительная сема «место произрастания» (производных нет): *buqué* (букет), *bosque* (лес), *floresta* (чаща). (Лексемы *ramillete* (букетик), *semillero* (рассадник) из-за гнездового принципа подачи материала уже рассмотрены в группе «наименования компонентов растения»).

Только одна лексема является полисемичной – *bosque* (лес) – 2 значения. Ни одна лексическая единица не имеет морфологических дериватов.

Сопоставление показывает, что в данной группе лексем универсальные для русской и испанской картин мира процессы выявляются только на уровне одних и тех же концептов, по-разному репрезентируемых в языках. На уровне лексем общность исследуемых языков проявляется в метафоризации лексических единиц, называющих «букет», «лес», «рассадник». Однако полной идентичности данных единиц не наблюдается, поскольку их отношения с соотносимыми эквивалентами имеет векторный характер: русскому слову «лес» соответствуют 2 лексических единицы испанского языка: *bosque* (лес), *floresta* (лес, чаща). В свою очередь слово *bosque* (лес) по своей семантике коррелирует с русской лексемой «дебри». Лексеме русского

языка «букет» соответствуют две испанские: *ramillete* (букетик), *buqué* (букет). Заимствованное из французского слово *buqué* имеет метафорическое значение «аромат вин хорошего качества», тогда как аналогичное русское в переносном значении может применяться шире: так говорят об ароматических и вкусовых свойствах чего-либо. Испанская языковая единица *ramillete* (букет) более многозначна, чем русская.

Соответствием русскому слову «рассадник» является испанское *semillero*, имеющее другую внутреннюю форму (буквально: «семенник»).

Остальные метафорические значения являются эндемичными.

Данная группа метафор не насчитывает большого количества примеров, а входящие в нее единицы имеют мало семантических и морфологических производных. Вероятно, это происходит потому, что признаки, свойственные объектам, называемым лексемами данной группы, не имеют высокого аксиологического статуса в национальных картинах мира.

Таким образом, количественные параметры показывают, что наиболее важной как для русского, так и для испанского языкового сознания является семантическая группа **«наименования компонентов растения»** (97 единиц в русском и 37 единиц в испанском). На втором месте в обоих языках группа **«фаза биологического существования растений»** (31 в русском и 19 в испанском). Далее по степени убывания количества единиц следуют группа **«наименование целого растения»** (32 в русском и 8 в испанском) и лексические единицы, объединённые семантическим компонентом **«группа растений»** (11 в русском и 3 в испанском). Такая пропорциональность в распределении метафоризуемой лексики по семантике может свидетельствовать об универсальных тенденциях в членении мира.

Национальная специфика может проявлять себя: 1) на уровне лексем, когда из двух соотносимых единиц сопоставляемых языков, совпадающих по исходному значению, метафорическое значение имеется только в одном из них, а в другом метафоризации не наблюдается; 2) на уровне сем, когда соотносимые лексемы метафоризируются в обоих языках, но имеют отличия в количестве производных сем и/или направлении метафоризации; 3) на уровне сем, когда соотносимые метафорические семемы имеют отличия в составе сем. Наиболее широко представлена национальная специфика второго типа.

Е. В. Мочалова
Липецк

Прагматический потенциал метафоры в публицистических текстах (на материале британских и российских газет)

В данной работе мы рассмотрим метафору в публицистике как неотъемлемый и яркий элемент системы технологий речевого воздействия.

Технологии речевого воздействия наиболее применяемы и эффективны именно в публицистике. Сегодня они разработаны настолько, что могут реально и существенно влиять на поведение масс, на исход выборов, на популярность того или иного продукта, политика или политического проекта, публичного деятеля и т.д.

Метафора в публицистике используется с целью формирования у реципиента (чаще всего - у общества, избирателей) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии).

Речевые стратегии, в которых необходимо использование метафор можно условно разделить на две основные категории: 1) стратегия дискредитации, 2) стратегия превознесения (оправдания).

В стратегии дискредитации метафора играет огромную роль, поскольку через перенос наименования с одного объекта (предмета, лица) на другой, сходный с первым в каком-либо отношении, позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение.

Прагматический потенциал представленных ниже метафорических моделей определяется ярким концептуальным вектором неискренности, театральности. Политическая жизнь предстает как мир закулисных игр, мир криминальных разборок, нечеловеческих отношений, животных страстей, а политические деятели - как типичные представители этого мира. Разумеется, представленная выборка отражает далеко не все метафорические модели, обладающие "оскорбительным" потенциалом, а лишь наиболее продуктивные.

Организация метафоры по концептуальным полям в британских изданиях (журнал "The Economist" – октябрь-ноябрь 2005 г.):

1. Концепт "театр": политики - актеры, а политическая жизнь - театр, игра, цирк, аттракцион. Метафорическая модель актуализирует значение "ненастоящей" жизни, игры, предназначеннной для зрителя, неискренности персонажей политического спектакля.

(1) Having difficulty comprehending Germany's political shenanigans?

2. Концепт "преступный мир": политические лидеры - шпана, паханы, вожаки, надсмотрщики.

(2) A coalition of thieves, the dregs of both parties, economic madness: unions, employers and political pundits rushed to trash the deal.

(3) Mr Muntefering, who is already badly needed to keep the parliamentary group and the party under control, will now have his hands full with two jobs.

4. Концепт "животный мир": политики - хищники, стадо.

(4) All this raises the question of what will happen if the political porcupines fail in their attempted coupling.

(5) Having fought each other tooth and quill for more than three decades, the Social Democrats (SPD) and Christian Democrats (CDU) - along with Bavaria's Christian Social Union (CSU) - are now coming together in an awkward embrace.

5. Концепт "секс":

(6) After a three-week long mating dance, they finally got serious on October 10th, with a decision to make the opposition leader, Angela Merkel, the new chancellor and start formal talks on a partnership.

(7) The coupling of these prickly creatures is probably an accurate enough metaphor for current political events in Germany.

6. Концепт "болезнь": политики - больные, пациенты.

(8) The screaming and yelling may in fact be a sign that the leaders of the centre-right CDU, its Bavarian sister party, the Christian Social Democrats (CSD) have simply spread the pain equally.

(9) At a pace which seems rather leisurely - Germany has been in political paralysis since last May.

(10) In this case, it will not only be the protagonists that end up up scarred - but Germany's democracy, too.

7. Концепт "строительство": политики - строители или архитекторы:

(11) But this week, two of the grand coalition's main architects resigned - at least partially.

(12) The question now is whether the entire edifice of the grand coalition may collapse, meaning that the country could head for fresh elections, probably next March.

Таким образом, в британской прессе, мы наблюдаем функционирование метафоры в концептуальных полях "секс", "животный мир", "преступный мир", "болезнь" и "строительство". Рассмотренные нами метафорические модели реализуют общую стратегию дискредитации политического противника (в данном случае Христианскую Партию, а также её лидера Ангелы Меркель).

Организация метафоры по концептуальным полям в российских изданиях (газета "Коммерсант", октябрь 2005 г.):

1. Концепт "театр":

(1) Несмотря на то, что, на сегодняшний день канцлер Шрёдер скорее формально исполняет свои обязанности, он явно демонстрирует стремление завершить своё пребывание на этом посту эффектным аккордом.

2. Концепт "преступный мир":

(3) А затем в течение трёх последних недель ожесточённо делили власть.

(4) Сейчас партии жизненно важно продемонстрировать единство и сплоченность, но если Ангеле Меркель не удастся получить пост канцлера, то борьба за лидерство в стане правых вспыхнет с новой силой.

(5) И пока христианские демократы будут выяснять отношения между собой, у Герхарда Шредера появятся все шансы не просто вернуться к власти, а вернуться триумфатором.

3. Концепт "субъект власти":

(7) Герхад Шрёдер, таким образом, предстал в глазах избирателей как "канцлер мира", который не намерен вовлекать страну в военные авантюры на Ближнем Востоке.

4. Концепт "спорт", "война":

(8) Самое главное, пожалуй, то, что Ангела Меркель до самого конца предвыборной гонки не смогла завоевать симпатии большинства немцев.

(9) Социал-демократы умело воспользовались отказом Ангелы Меркель от второй теледуэли с канцлером, обвинив лидера ХДС в трусости.

(10) Более того, неожиданные и резкие высказывания премьера Баварии укрепили в сознании избирателей впечатление, что Ангела Меркель не в состоянии контролировать даже своих однопартийцев и что, стань она канцлером, ей придется вести борьбу на два фронта - в том числе с внутренней оппозицией, представленной в первую очередь премьер-министрами земель от ХДС/ХСС.

Таким образом, в российской прессе, мы наблюдаем функционирование метафоры в концептуальных полях "спорт, война", "субъект власти", "преступный мир", "театр". Отметим, что все рассматриваемые модели вполне традиционны для русской метафоры.

Типовые прагматические смыслы рассмотренных метафор определяются тем, что сфера-источник хорошо известна читателям, соответствующие реалии вызывают эмоциональной отторжение, метафоры делают картину очень наглядной и активизируют эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий.

Е.Н. Подтегжникова
Воронеж

Функционально-стилистическая динамика полисемии лексемы *look* в американском варианте английского языка (на примере научного и художественного стилей)

В настоящее время от исследования языка «в самом себе и для себя» наука обратилась к изучению его взаимодействия с надсистемой (социумом), в силу чего исследование взаимодействия такой категории внутренней лингвистики, как лексическая полисемия, с такими категориями внешней лингвистики, как среда и цель общения, время и пространство обладает ярко выраженной актуальностью.

Хотя полисемии в теоретической семасиологии посвящено множество исследований и традиционно уделяется много внимания, далеко не все её аспекты изучены в достаточной мере.

Пожалуй, наименее исследован функциональный аспект полисемии. Толковые словари, как правило, не отражают употребительности значений, а метод «количественной оценки толкового словаря по тексту» в английском языкоznании был реализован только один раз в частотно-семантическом словаре Торндайка-Лорджа (см. Lorge I., Thorndike E.), и то в предельно обобщённом виде. Учитывая, что словарь был издан в первой половине XX века малым тиражом и с тех пор не переиздавался, не приходится удивляться тому, что его данные так, по существу, и не вошли в научный оборот. Выполненный на его базе учебный частотно-семантический словарь М. Веста (см. West M.), преследует чисто практические цели. Этим объясняется бедность его словарника и отсутствие в словарных статьях всех редких значений, что делает его в теоретическом отношении практически бесполезным.

Корпус статей, на котором выполнен словарь Торндайка-Лорджа, достаточно представителен – 5 млн. словоупотреблений, но он, во-первых, неизвестен, а во-вторых, содержит лишь суммарные данные и в силу этого не позволяет исследовать влияние функционально-стилистических факторов на динамику полисемии. Дефицит соответствующей информации усугубляет актуальность данного исследования.

Материалом исследования является множество контекстов, содержащих лексему *look*, в текстах первой половины XX века научного и художественного стилей американского варианта английского языка.

Предметом исследования является функционально-стилистическая динамика многозначности этой лексемы.

С помощью метода сплошной выборки из 10 текстов десяти разных авторов было выбрано по 100 примеров, что, таким образом, составило 1000 примеров для научного стиля и 1000 примеров – для художественного. Толкования лексических значений взяты из словаря одного из Оксфордских словарей (см. The compact edition of the Oxford English Dictionary).

В ходе анализа мы выяснили, что в литературе научного стиля используется больше значений лексемы *look*, чем в литературе художественного стиля. Такие же различия наблюдаются и в количестве глагольных и субстантивных значений, а вот адъективных значений в обоих стилях используется одинаковое количество.

Далее выведем частотно-семантическую модель лексемы *look* по алгоритму А. А. Кретова (Кретов 1984, 1985), для чего выделим БОЛЬШУЮ ПЕРИФЕРИЮ (БП), МАЛУЮ ПЕРИФЕРИЮ (МП), в МП БОЛЬШОЕ ЯДРО (БЯ) и МАЛОЕ ЯДРО (МЯ), а также найдем доминанту для каждого стиля.

Определив значения, входящие в большое ядро (БЯ), мы исключаем из дальнейшего рассмотрения значения, относящиеся к периферии. Такое решение обусловлено принципиальной необъятностью языковой периферии, малой употребительностью входящих в нее единиц, а, следовательно, их малым влиянием на динамику развития лексемы *look*. Таким образом, мы рассмотрим только значения, входящие в МЯ.

В литературе научного стиля к МЯ относятся следующие значения:

- **to look at** fig. – ‘to direct the intellectual eye; to turn or fix one’s attention or regard’

We must first look at the general condition of European States at the time from which the narrative starts. (Mahan)

The other half, the naturalists who have studied psychology and evolution, look at life from the outside, and the processes of Nature make them forget her uses. (Santayana)

- **to look upon** – ‘to regard as, to consider to be so-and-so’

He should be looked upon quietly and without saying anything as a case of arrested development. (Lee)

I look upon it as part of that great educational movement which is the noble and ennobling characteristic of the age in which we live. (Watkin)

- **to look for** – ‘to seek, to search for’

I even looked for a silver cord but saw none (and never have to this day). (Degracia)

The other day I became a little alarmed at myself at what looked at first like a kind of moral weakness. (Lee)

- **to look like** - ‘to have the appearance of being’;

One of them had been dipped into arrow-poison, a mixture that looked like black tar. (Jagor)

The sea fights in the Channel, the Irish struggle receding in the distance, look like mere episodes. (Mahan)

- **to look at** – ‘to give a certain direction to one’s sight; to apply one’s power of vision; to direct one’s eyes upon some object or towards some portion of space’

‘Will you let my bookkeeper look at your books?’ (Dyer)

‘Let us look at the map’ (Watkin)

- **to overlook** - ‘to look over and beyond and thus not see; to fail to see or observe; to pass over without notice (intentionally or unintentionally); to take no notice of, to leave out of consideration, disregard, ignore’.

The financial aspect of these enterprises is often overlooked and forgotten. (Lee)

In tracing resemblances there is a tendency not only to overlook points of difference, but to exaggerate points of likeness. (Mahan)

МЯ литературы художественного стиля составляют:

- **to look at** – ‘to give a certain direction to one’s sight; to apply one’s power of vision; to direct one’s eyes upon some object or towards some portion of space’

The farm hands looked at him and laughed. (Anderson)

Then don't look at me like that, Kate. (Brand)

- **to look at** (with adv.) – ‘to direct one’s eyes in a manner indicative of a certain feeling; to cast a look of a certain significance; to present a specified expression of countenance’

As she dragged homeward Carol looked with distaste at her clay-loaded rubbers, the smeared hem of her skirt. (Eastman)

He looked at us understandingly, then took grandmother's hand and bent over it. (Cather)

- **to look** - ‘to have the appearance of being; to seem to the sight’

If I went over at night she always looked dead weary. (Cather)

Only Guy looked sympathetic, and he stroked the pine table and said nothing. (Lewis)

- **to look like** - ‘to have the appearance of being’

Leen himself looked like an idealized Plains Indian to me. (Lewis)

They did not look so much like fangs. (London)

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют сделать следующие выводы:

1. Общее количество используемых значений в американской литературе научного стиля больше, чем в литературе художественного стиля.
2. Глагольных и субстантивных значений больше в выборке научного стиля, в то время как количество адъективных значений одинаково.
3. Доминантой научного стиля является значение **to look at** fig. – ‘to direct the intellectual eye; to turn or fix one’s attention or regard’.
4. Доминантой художественного стиля является значение **to look at** – ‘to give a certain direction to one’s sight; to apply one’s power of vision; to direct one’s eyes upon some object or towards some portion of space’.
5. Для научного стиля наиболее характерны значение **to look upon** – ‘to regard as, to consider to be so-and-so’ и значение **to overlook** - ‘to look over and beyond and thus not see; to fail to see or observe; to pass over without notice (intentionally or unintentionally); to take no notice of, to leave out of consideration, disregard, ignore’.
6. В выборке художественного стиля чаще встречаются значение **to look** - ‘to have the appearance of being; to seem to the sight’ и значение **to look at** (with adv.) – ‘to direct one’s eyes in a manner indicative of a certain feeling; to cast a look of a certain significance; to present a specified expression of countenance’.

Литература

1. Кретов А. А. Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной русской прозе

- // Проблемы глагольной семантики: Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1984.
2. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики: Дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 1993.
 3. Lorge I., Thorndike E.L. A Semantic Count of English Words – N. Y., 1938.
 4. The compact edition of the Oxford English Dictionary / Oxford. Clarendon Press, 1971.
 5. West M. A General Service List of English Words with Semantic Frequencies and a Supplementary Word-list for the Writing of Popular Science and Technology – Longman, 1986.

А.А. Колупаева
Тамбов

**Языковые средства, описывающие обонятельный признак
по его источнику (на материале русского
и английского языков)**

В статье рассматриваются средства описания обонятельного признака объектов.

Запах определяется как свойство объектов, воспринимаемое обонянием (Ожегов, Шведова, с. 214). Он входит в состав перцептивных признаков объекта. Обонятельный признак объектов реального мира является одним из наиболее сложных для передачи в вербализованной форме.

Любой перцептивный признак дан нам в ощущениях от восприятия его источника (Лаенко, с. 52). Запахи могут описываться по разным параметрам, в том числе – по его источнику.

Источником запаха является объект окружающего мира, который воспринимается человеком в результате воздействия на рецепторные поверхности органов чувств. В качестве источника запаха может выступать любой объект: предметы, люди, животные, химические соединения различной структуры и т.д. Источник запаха чаще всего находится на некотором расстоянии от человека.

Существительные, обозначающие источники запаха, образуют лексическую категорию «Источники запаха», которую можно разделить на две субкатегории: «Натурфакты» и «Артефакты». В значении данных существительных, соответственно, выделяются две архисемы: «натурфакт» или «артефакт».

В результате анализа художественных текстов и словарных материалов в каждой из субкатегорий были выявлены следующие группы. (Отметим, что число и состав групп в каждой субкатегории нежесткий, они могут быть дополнены и расширены.)

1. Субкатегория «Натурфакты» включает группы:

растения (цветы, деревья, кустарники, трава): лаванда (запах лаванды), сирень (аромат сирени); (the smell of) the pine-trees, (the fragrance of) the rose-bush и т.д.;

фрукты и овощи: лимон (запах лимона), дыня (аромат дыни); (the smell of) the fruits, (the odour of) the onion и т.д.

продукты питания: капуста с копченой селедкой и рыба (запах капусты с копченой селедкой и рыбы); (the odour of) onions and hot ham, fried fish and greens и т.д.

напитки (спиртные напитки, чай, кофе, соки): алкоголь (запах алкоголя), кофе (аромат кофе); (the smell of) tea, (the smell of) orange juice и т.д.

природные химические соединения: дым (запах дыма), гарь (запах гарни); (the smell of) gas и т.д.

природные объекты: лес (запах леса); (the smell of) the sea и т.д.

2. Субкатегория «Артефакты» включает группы:

косметика: театральный грим (запах театрального грима), губная помада (запах помады); (the smell of) the lip markers и т.д.

парфюмерия: духи (запах духов), туалетная вода (аромат туалетной воды), дезодорант (запах дезодоранта); (the smell of) the perfume и т.д.

бытовая химия: стиральный порошок (запах стирального порошка); (the smell of) the soap и т.д.

лекарства и мази: скипидар (запах скипидара), (the smell of) nose drops и т.д.

вещи: одежда (запах поношенной одежды), книги (запах старых книг) и т.д.

помещение: лаборатория (запах лаборатории), аптека (запах аптеки); (the smell of) the barn и т.д.

Примеры описания запаха через указание на его источник – как натурфакт, так артефакт – показывают, что для этой цели используются конструкции: *запах + существительное в родительном падеже и smell of*.

В зависимости от источников запахи различаются по составу. Они могут быть простыми, когда источником запаха является один объект окружающего мира, или смешанными, когда происходит совмещение обонятельных признаков нескольких объектов. Примером смешанного запаха является обонятельный признак объектов группы «Парфюмерия», поскольку при их создании нередко имитируется сочетание естественных запахов. Примером смешанного запаха могут также служить продукты питания во время приготовления какого-либо блюда, когда наблюдатель одновременно воспринимает несколько различных запахов, смешавшихся воедино. Например, в следующем предложении посредством конструкции *smell of* описан источник смешанного запаха (лука, горячей ветчины и жареной рыбы с зеленью): *A pleasant smell of onions and hot ham, mingled with fried fish and greens, greeted him at the bottom of the ladder...* (Jerome).

Материал исследования выявил два типа категоризации запаха по его источнику. Первый тип базируется на восприятии обонятельного признака реального объекта, присутствующего в ситуации, т.е. референта, например: *She passed along the path, hesitating at the white rose-bush. It smelted sweet and simple* (Lawrence). В данном случае в качестве источника запаха выступает реальный объект, присутствующий в данной конкретной ситуации – куст роз (*rose-bush*). На источник распространения запаха указывает глагол *smell*.

Аналогичное явление наблюдается в следующем примере: *She lifted her hand impulsively to the flowers. There was a cool scent of ivory roses...* (Lawrence). Существительное *scent* обозначает запах, а слово *roses*, являющееся наименованием натурафакта – его источник. В данной случае речь идет об источнике запаха как реальном объекте конкретной ситуации, что позволяет говорить о референтной категоризации. На источник запаха указывает конструкция *scent of*.

В приводимом ниже русском примере на источник запаха – присутствующий в ситуации конкретный объект (известка) – указывает конструкция *пахнуть + существительное в творительном падеже*: *В Дубечне штукатурили внутри станцию и строили верхний этаж у водокачки. Было жарко, пахло известкой...* (Чехов).

Рассмотренный тип категоризации запаха через описание его источника, присутствующего в данной ситуации, можно назвать «референтной категоризацией».

Второй тип категоризации базируется на образе возможного источника запаха, который передается в данной ситуации другим предметом. Реальный источник запаха либо отсутствует, либо его трудно определить. В таких случаях наблюдатель для распознания запаха прибегает к своим энциклопедическим знаниям и опыту. Рассмотрим несколько примеров.

В это время в кухню пришел солдат, приносивший нам раза два в неделю, неизвестно от кого, чай, французские булки и рябчиков, от которых пахло духами (Чехов). В данной ситуации «истинный» источник запаха отсутствует, и наблюдатель, основываясь на своем опыте, мысленно ассоциирует запах видимых референтов: *чая, французских булок и рябчиков*, с запахом объекта, которому свойствен воспринимаемый запах, то есть духами. На возможный, но отсутствующий в ситуации источник запаха указывает конструкция *пахнуть + существительное в творительном падеже*.

... шарф, от которого шел нежный, едва уловимый запах духов... От шарфа пахло ландышами, любимыми духами Анюты Благово (Чехов). В данном предложении для указания на источник запаха (духи) использована конструкция *запах + существительное в родительном падеже*. Однако в описанной ситуации реальный источник отсутствует: исходящий от шарфа запах только ассоциируется наблюдателем с запахом духов. Таким образом,

здесь имеет место категоризация запаха, базирующаяся на образе его возможного источника.

Странный запах *почудился Таис*. Возможно, камни бассейна еще хранили аромат целебных трав и масел, которыми некогда славился Крит (Ефремов). Как и в предыдущем примере, здесь мы сталкиваемся с категоризацией запаха, базирующейся на образе его возможного источника: наблюдатель ассоциирует запах камней с запахами трав и масел. Существительное **аромат** обозначает смешанный запах, а существительные травы и масла, называющие натурафакты – его источники. На источник указывает конструкция *аромат + существительное в родительном падеже*.

В английском языке подобную функцию выполняет конструкция *smell of: She only breathed freely when he was gone out of the room again, leaving behind him a faint smell of pit-dirt...* (Lawrence). В данном предложении наблюдатель, основываясь на своих фоновых знаниях, ассоциирует исходящий от человека запах с запахом пыли и грязи шахты (pit-dirt). Однако самому человеку такой запах не свойственен.

Таким образом, в приведенных примерах осуществляется категоризация запаха на базе образа его возможного источника.

Анализ показал, что наиболее часто для описания запаха через указание на его источник используются следующие языковые средства: конструкции *пахнуть + существительное в творительном падеже*, *запах / аромат + существительное в родительном падеже*, *smell / scent of*, глагол *smell* в функции сказуемого. Языковые средства как бы «кодируют» знания об обонятельном признаком и объекте реального мира – его носителе.

В приведенных языковых средствах находит отражение пространственно-временная близость между объектом и исходящим от него запахом, они соотнесены *метонимически*, то есть в основе представления объекта и запаха лежит идеализированная когнитивная модель – *метонимическая модель*. Метонимия основана на смежности и ее использование для описания запаха является привычным, доминирующим и продуктивным приемом для выражения говорящими знания о запахах (Риндисбахер, с. 90).

Метонимические конструкции могут быть выражены различными формулами. Одной из таких формул является формула **N1+N2**, где **N1** – существительные, обозначающие запах: *запах, аромат, благоухание, смрад / smell, scent, odour, stench* и другие, а **N2** – существительные, обозначающие источник запаха: в родительном падеже в русском языке и с предлогом *of* в английском языке. Эта конструкция достаточно широко распространена в обоих языках.

Однако, несмотря на значительное сходство, проведенный анализ показал и некоторые различия в употреблении данной конструкции в сопоставляемых языках. Так, в русском языке в позиции **N1** чаще употребляются существительные, обозначающие запах с положительной или нейтральной

оценкой, например: *Воздух, насыщенный теплым ароматом множества душистых растений, заставлял дышать полной грудью* (Ефремов). Существительное **аромат**, занимающее позицию **N1** в словосочетании **аромат растений**, обозначает запах с положительной оценкой.

В то же время в английском языке в данной позиции может употребляться существительное, обозначающее запах с любой оценкой. Например: *the stench* (отрицательная оценка) *of rotten meat/decaying fish*, *the whiff* (отрицательная оценка) *of garlic*, и т.д. Как в русском, так и английском примерах осуществляется референтная категоризация.

Следующая конструкция выражена формулой **V+N**, где **V** – глагол, обозначающий запах: пахнуть, благоухать, и т.д., а **N** – существительное, обозначающее источник запаха. Данные конструкции распространены, в основном, в русском языке, для английского языка они не характерны. Рассмотрим пример:

Сильно до духоты пахло хвоем (Чехов). В данном предложении употреблена конструкция **V+N** (пахло хвоем), глагол **пахнуть** обозначает перемещение запаха от его источника к наблюдателю, а существительное **хвоя** является наименованием натурафакта и в данном случае обозначает источник запаха.

Как в английском, так и в русском языках представлена такая конструкция, как **N+V**, где **N** – существительное, обозначающее источник запаха, а **V** – глагол, обозначающий запах: пахнуть / to smell, to stench, to stink и другие. Данная конструкция на синтаксическом уровне выражается предложением. Приведем пример:

The pine-trees smelled very strong (Lawrence). Слово **pine-trees** является наименованием натурафакта и в данном предложении обозначает источник запаха (осуществляется референтная категоризация), а глагол **to smell** – перемещение запаха от его источника к наблюдателю. В русском языке данная конструкция используется реже.

Еще одна конструкция представлена формулой **A+N** в русском языке, где **A** – относительное прилагательное, обозначающее источник запаха, а **N** – существительное, обозначающее запах: *запах, аромат, благоухание, смрад* и другие. В предложении: ...сверху из леса смоляной аромат смешивался... (Ефремов) в позиции **A** употреблено прилагательное смоляной, обозначающее источник запаха, а в позиции **N** – слово **аромат**, которое обозначает сам запах. В данном случае мы сталкиваемся с референтной категоризацией, так как реальный объект – смола – присутствует в конкретной ситуации.

В английском языке распространена формула **N3+N4**, где **N3** – существительное, обозначающее источник запаха, а **N4** – существительное, обозначающее запах: *smell, scent, odour, stench* и другие. Приведем примеры:

... the honeysuckle scent was sweet ... (Lawrence); A wave of azalea scent drifted into June's face... (Galsworthy). В данных предложениях словосочетания honeysuckle scent и azalea scent представляют формулу **N3+N4**. Существительное **scent**, стоящее в позиции **N4**, обозначает запах, а слова azalea и honeysuckle, являющиеся наименованиями натурафактов, употреблены в позиции **N3** и обозначают источник запаха. В обоих случаях представлены реальные объекты конкретной ситуации – azalea и honeysuckle, а значит, осуществляется референтная категоризация.

В русском языке встречаются также конструкции с причастиями типа **Pat+N**, где **Pat** – причастие, обозначающее запах: *пахнущий*, *пахнувший*, а **N** – существительное, обозначающее источник запаха. Рассмотрим пример:

Резко пахнущий дым, подхваченный легким током воздуха, быстро распространился по залу (Ефремов). В данном предложении мы видим причастие пахнущий, которое определяет существительное, обозначающее источник запаха – дым. Слово дым, являющееся наименованием натурафакта, представлено в конкретной ситуации; следовательно, имеет место референтная категоризация. Для английского языка данная конструкция не характерна.

Говоря об источниках запаха, стоит также упомянуть о таких случаях, когда в роли источника запаха выступает содержимое какого-либо помещения, о котором в силу разных причин умалчивается; в контекстах называется лишь помещение, например:

В комнате стоял неприятный запах; There was a strong smell in the kitchen. В данных предложениях источник запаха не указан, наблюдателю остается только предполагать, что может быть источником запаха.

Интересны примеры типа: *There was a lemon-like smell in the room.* В данном случае мы сталкиваемся с описанием запаха, который воспринимается говорящим как похожий на запах лимона. Сложно сказать, что является источником запаха – лимон или какой-либо другой объект: освежитель воздуха, жидкость для мытья посуды или что-то другое. Причиной тому служит быстрое развитие парфюмерии и новых технологий создания различных ароматизаторов.

Для описания запаха через указание на его источник используется также *метафора*, когда наблюдатель воспринимает один объект и концептуализирует его через признак другого объекта. Многие лингвисты опираются на метафору как основной механизм осмысливания одного объекта посредством другого (Лакофф, Джонсон; Риндисбахер). Индивидуальные метафорические значения могут возникать и существовать на базе слуховых, осязательных, обонятельных и других сенсорных образов и представлений (Лаенко, с. 225). Примером может послужить следующее предложение: «*От чая пахло рыбой...*» (Чехов). В данном случае наблюдатель

концептуализирует обонятельный признак воспринимаемого объекта – чая – через обонятельный признак другого объекта – рыбы.

Таким образом, описание обонятельного признака через указание на его источник выявляет как сходные, так и национально особенные черты для русского и английского языков.

Литература

1. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации. – Воронеж: ВГУ, 2005.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-411.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.
4. Риндисбахер Х.Д. От запаха к слову // Новое литературное обозрение, 2000. – № 43. – С. 86-102.

В.В.Яцкова
Воронеж

Эмоционально-оценочная лексика в русском и испанском языках

Эмоциональностью могут характеризоваться различные разряды лексики. Едства мнений по вопросу о том, какие слова следует относить к разряду эмоциональной лексики, не существует. По-видимому, можно согласиться с авторами, предполагающими, что теоретически каждое слово при известных обстоятельствах может стать носителем эмоционального “заряда” (Шмелёв, с. 5).

В лингвистических и психолингвистических работах проблема эмоциональной стороны слова обсуждается с различных, нередко противоречивых точек зрения. Так, в работе Э.А. Вайгла (цит. по: Худяков, с. 81) указывается, что эмоциональную лексику следует рассматривать с точки зрения говорящего и нельзя подходить к этому вопросу с точки зрения адресата речи. Э.Л. Носенко (см. Носенко), напротив, исследует эту проблему с позиции слушающего.

По мнению И.Н. Худякова, к эмоциональной лексике следует отнести прежде всего те слова, которые способны передавать своим понятийным содержанием отношения участников коммуникации и непосредственно связаны с речевым поведением адресующегося в его отношении к собеседнику или предмету высказывания (Худяков, с. 80). Поскольку это отношение передаётся понятийным содержанием слова, поскольку есть основания говорить об эмоциональном, точнее эмоционально-оценочном

значении, которое входит в лексическое значение слова. Такие единицы называют словами с эмоционально-оценочным значением. В отдельных случаях понятийное содержание слова, его предметное значение может остаться даже на втором плане, при акцентировании экспрессивно-эмоционального содержания (в обращениях **ангел мой, милый, сердце моё**).

Например: *Душа моя, дайте её мне ради всего святого* (Гоголь). В этом случае предметное значение слова *душа* на втором плане, при акцентировании экспрессивно-эмоционального содержания.

Слова с эмоционально-оценочным значением уже на уровне лексико-семантической системы способны непосредственно выражать различные эмоции и эмоционально-субъективную оценку предмета речи.

Сравним слова с эмоционально-оценочным значением в русском и испанском языках:

Мошенник! – сказал Собакевич очень хладнокровно: *продаст, обманет, ещё и пообещает с вами!* (Гоголь). Понятийное содержание слова **мошенник** выражает неодобрительную оценку и сопровождается проявлением чувства (хладнокровие).

Мари, это такая прелесть! – сказала она. – *Как она умеет понимать детей. Она как будто только душу их видит* (Толстой). Слово **прелесть** имеет одобрительное значение. Выражает чувство восхищения говорящего по отношению к субъекту оценки.

¡Pícara! ¡Proterva! – *balbuceó don Eugenio de Zúñiga con la boca hecha un agua, pero gruñendo todavía...* (Alarcón). Слова **pícara** и **proterva** имеют неодобрительное значение и сопровождаются проявлением чувства недовольства говорящего.

La abuela, un encanto; si uno pudiera elegir yo no elegiría otra (Casona). Слово **encanto** не только обозначает, но и выражает чувство восторга, в него вкладывается весь эмоциональный заряд данного высказывания.

Оценочную функцию (обычно с эмоциональной окрашенностью) могут выполнять не только те слова, которые своим понятийным содержанием способны передавать отношения участников коммуникации, но и слова, не содержащие как лексемы оценочного ореола. Ведь в речи, наряду с системными значимостями словесных знаков, появляется бесконечное число новых смыслов, возникающих в синтагматике. Сравним: *Вошёл в класс новый учитель и Вы для меня – Учитель!* Во втором предложении даётся высокая оценка собеседника, сопровождаемая чувством любви, преклонения по отношению к нему (это смысловое различие – дополнительная информация, сигнализирующая об отношении к собеседнику, передаётся даже орографически). Следовательно, слово может приобретать в речи оценочно-эмоциональную коннотацию, не

присущую слову как лексеме. Такие единицы называют словами с оценочно-эмоциональной коннотацией. Эта оценочно-эмоциональная коннотация обусловлена смысловой структурой слова, ибо контекст не мотивирует структурное значение языковой единицы, а лишь актуализирует то значение, которое необходимо для выражения и передачи неязыковой информации.

К словам с оценочно-эмоциональной коннотацией могут относиться прежде всего абстрактные существительные, обозначающие различные аспекты умственной деятельности человека, его душевные, морально-этические, эстетические и другие качества, которые эквивалентны как в русском, так и в испанском языках. Например, в русском языке: *бессмыслица, нелепость, ахинея, безумие, лицемерие, великодушие; предательство, интриганство, подвигничество; травля, разнос, благодарность; выходки, увёртки, проделки; наглость, подлость, анархия, демагогия, коррупция и т.п.* В испанском языке: *disparate, absurdo, galimatías; locura, hipocresía, generosidad; traición, devoción; acosamiento, bronca, gratitud; grosería, astucia, pillada; insolencia, villeza, anarquía, demagogía, corrupción и т.п.* Многочисленную группу слов с оценочно-эмоциональной коннотацией составляют существительные, обозначающие лицо, которому дается та или иная оценка: *узурпатор, лицемер, энтузиаст, соратник; burócrata, pícaro, avaro, tronco* и т.п. Не менее значительны в этой группе прилагательные и глаголы: *скверный, великолепный, чудесный; asqueroso, fascinante, melindroso, repugnante; торчать, обесславить, восторгаться, ликовать; humillar, hundir, despreciar* и т.д.

Вторую группу лексики с оценочно-эмоциональной коннотацией составляют слова, употребляемые в переносном значении: *шляпа* (о вялом, безынициативном человеке, растяпе), *тёлочный* (вызывающий подозрение и невежественный, отсталый), *замазать* (умышленно скрыть, замаскироваться), *paleta* (растяпа, деревенщина), *lavar el dinero sucio* (отмывать “грязные” деньги).

Приобретая оценочно-эмоциональные коннотации, эти слова характеризуются яркой экспрессией, например: *хватит командовать* (приказывать, распоряжаться), *грязная личность* (морально-низкий человек), *asunto sucio* (нечестное дело), *paragayo* (о том, кто повторяет чужие слова, не имея собственного мнения) и т.д.

Если же переносное значение не связано с оценочно-эмоциональными коннотациями, то экспрессивной окраски у слова не проявляется, например: *заязать бой, зыбкая поверхность озера, лапы ели; el corazón de un asunto, el gatillo de una escopeta* и т.п.

Сравним примеры, в которых используются слова с оценочно-эмоциональной коннотацией в русском и испанском языках:

Чичиков *ещё раз взглянул на него искоса, когда проходили они* столовую: **медведь!** совершенный медведь! (Гоголь). **Медведь** – с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о человеке неуклюжем, нерасторопном.

Какое милое существо ваша меньшая! – *сказала гостья.* – **Порох!** (Толстой). **Порох** – с эмоцией восхищения и положительной оценкой об энергичном человеке, деятельной натуре.

¡Calla, lengua de escorpión! ... *Calla y aprende a tener respeto* (Valle – Inclán). – **Lengua de escorpión** с эмоцией осуждения и отрицательной оценкой о человеке, говорящем слишком дерзко.

Su criada favorita, llamada Serafina, era una verdadera joya. (Valera). **Joya** – с эмоцией одобрения и положительной оценкой об очень ценном человеке.

Эмоциональная окраска может быть не обусловлена смысловой структурой слова и совершенно не порождена ею (сравним: *Он молодой специалист* и *Вот это специалист!* *Es un joven profesor* и *¡Vaya un profesor!*). В подобных случаях эмоционально-оценочный ореол создаётся при помощи интонационных средств, и в зависимости от интонации слово **специалист** может выражать разную оценку. Такие единицы называют словами с эмоционально-оценочным ореолом.

Значительная часть слов с эмоционально-оценочным ореолом создаётся на уровне аффиксального словообразования. Сопоставим следующие суффиксы и приставки с эмоционально-оценочным ореолом в русском и испанском языках:

- 1) суффиксы **-ote-, -ón(a), -azo-** с усилительным оттенком лексического значения в испанском языке и суффикс **-ищ-** в русском языке.

¡Qué cambiado está mi muchachote! (Casona)

“*¡Qué guapetona* está usted, Fulanita!” (Cela)

Es un verdadero artista, un artistazo. (Cela)

...Это целый офицер, да *ещё*, пожалуй, даже **офицерище**. (Лесков)
Суффикс **-ищ-** с усилением лексического значения можем также встретить у существительных неодушевлённого рода –

Грязь везде...грязища! Эх, вы...свиньи! Чтобы было чисто...слышите! (Горький)

- 2) уменьшительно-ласкательные суффиксы **-illo(-a), -ín, -ito(-a)** в испанском языке и – **ок-, -онк-, -к-, -енък-, -шик-, -ец-, -иц-** в русском языке.

¡Pobrecilla, me da pena despertarla! (Valle-Inclán)

Usted está todavía tuy verdecito, ¿me entiende?, tuy verdecito (Cela).

- *Типичный кулачок по своей психологии, - заговорил Иван Николаевич... (Булгаков).*
- 3) суффикс **-ísimo(-a)** абсолютной превосходной степени в испанском языке и суффикс **-ейш-** в русском языке.
Ella estaba hermosísima. (Unamuno)
- *Очаровательнейшая и солиднейшая дама, - шептал Коровьев, - рекомендую вам: госпожа Тофана. (Булгаков)*
- 4) приставка **re-** в испанском языке и **пре-** в русском языке с усилением лексического значения слова.

jQué reguapo estás hoy, Platero! (Jiménez)

*«Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицмейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: **преприятный** человек! (Гоголь)*

Отсюда мы видим, что аффиксы вносят в слова добавочные оттенки значения: усилительные, уменьшительные, ласкательные, пренебрежительные, которые, в свою очередь, несут в себе положительную или отрицательную оценку.

Эмоционально-оценочный ореол может также возникать при антифразисном и окказиональном употреблении (сравним: *Он мой учитель* и *Эх, ты, «учитель»; Es un amigo и ¡Oye, tú, amigo!; Es un médico и Oiga, usted, médico (que no sabe poner inyecciones)*). При антифразисном употреблении слово, употребляясь в противоположном буквальному значении, получает иронический или пренебрежительный смысл. Антифразис является одним из важных средств создания у слова эмоционально-оценочного ореола и чрезвычайно широко используется в публицистике.

Таким образом, под эмоционально-оценочной лексикой понимается разряд слов с эмоционально-оценочным компонентом, выражающим отношения участников коммуникации и несущим в себе объективированную или субъективированную оценку обозначаемого предмета, качества или действия. Эмоционально-оценочный компонент или передаётся предметно-логическим содержанием (слова с эмоционально-оценочным значением), или лишь обусловливается смысловой структурой и реализуется при актуализации (слова с эмоционально-оценочной коннотацией), или вообще не обуславливается смысловой структурой, а возникает в результате контекстуальных или ситуативных факторов (слова с эмоционально-оценочным ореолом). Первая группа слов эмоционально-оценочной лексики получает экспрессивность, внутренне присущую данному слову как единице языка, вторая – актуализированную экспрессивность, потенциально присущую данному слову как лексеме и реализующуюся в речи; третья –

экспрессивность, приобретаемую словом только в данном речевом контексте и даже потенциально не присущую слову как лексеме.

Литература

1. Носенко Э. Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности/ Э. Л. Носенко. – Днепропетровск, 1975.
2. Худяков И. Н. Об эмоционально-оценочной лексике // Филологические науки. – 1980. – №2. – С. 79-82.
3. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики – М., 1973.

С.П. Колесникова

Воронеж

Некоторые особенности окказиональных изменений во фразеологическом составе (на примерах английского и русского языков)

Одним из основополагающих факторов современной лингвистики является признание коммуникативной функции ведущей функцией языка. В своей коммуникативной функции язык служит не только для обмена мыслями, но и для выполнения определенных коммуникативно-прагматических установок. Коммуникативный подход к языковым явлениям позволяет увидеть, что фразеологическая единица (далее ФЕ) способна выполнять одновременно как информативную, так и прагматическую функцию, центральным проявлением которой является функция речевого воздействия.

В современных лингвистических исследованиях ФЕ (благодаря наличию коннотативного макрокомпонента в их семантике) рассматриваются как специфические единицы, обслуживающие прагматику языка.

Целью данной статьи является рассмотрение таких окказиональных изменений во фразеологическом составе, как замена компонентов ФЕ.

Любой из традиционно выделяемых микрокомпонентов коннотации – экспрессивный, оценочный, эмотивный, функционально-стилистический – связан с разнообразными прагматическими факторами. Не случайно некоторые фразеологи рассматривают коннотативный компонент значения ФЕ как коннотативно-прагматический.

Наиболее прагматически значимой является экспрессивность ФЕ, так как именно с экспрессивностью связывается выразительность ФЕ, ее воздействующая сила.

Оценочный и эмотивный (чувственная оценка) компоненты связаны с отношением субъекта к объектам внеязыковой действительности, включая внутренний мир субъекта. Компоненты структуры оценки включают субъект оценки, но не включают эксплицитно выраженного адресата, являющегося

обязательным элементом прагматической ситуации. Введение в знаково-коммуникативную ситуацию адресата переводит оценку в сферу собственно прагматики. Как прагматический фактор оценка предназначена для воздействия на адресата и отражает прагматический аспект коммуникативной ситуации.

Особое место занимает образность ФЕ. Независимо от того, включают ли фразеологи образность в коннотацию ФЕ в качестве ее компонента или относят ее к сигнификату или к формальным элементам семантической структуры, она не может рассматриваться иначе как прагматически релевантный фактор, поскольку именно образность обеспечивает коннотативный потенциал, составляющий основу прагматического использования ФЕ.

Прагматическая предназначенност заключается в передаче предметного (рационального) содержания в наглядно-образной, выразительно-изобразительной форме. Образность апеллирует к эмоциональному восприятию сообщения, будит эмоциональное переживание, что является своеобразной формой воздействия на адресата и способствует коммуникативно-прагматическому успеху.

В процессе употребления ФЕ в речи их прагматический потенциал может значительно увеличиваться путем окказиональных преобразований ФЕ посредством замен компонентов. Прагматический эффект преобразования зависит от характера замен компонентов. Рассмотрим этот эффект на материале английского языка.

По характеру возможно расположение преобразованных ФЕ по четырем позициям на шкале прагматической направленности преобразований. За точку отсчета принимаются преобразованные ФЕ с нулевым (по отношению к исходным ФЕ) прагматическим эффектом.

1. Замена компонентов может приводить только к изменениям в плане выражения, не затрагивая планы содержания. Если изменения в плане выражения не являются необычными, неординарными (например, слово-заменитель является идеографическим синонимом заменяемого компонента), то такое преобразование не относится к прагматически значимым.

Примером подобных преобразований служит замена компонентов **little finger** словом-заменителем **thump** во ФЕ **twist a person around one's little finger - have him entirely subservient to one's will**:

The men you like are the ones you can twist around your thump.

2. Окказиональным прагматическим зарядом обладают те преобразованные ФЕ, в которых изменения плана выражения вызывают изменения в сигнификативно-денотативном аспекте семантики ФЕ, что является прагматически значимым аспектом преобразования. Изменения в предметном содержании ориентированы в двух направлениях: а) в приспособлении

преобразованной ФЕ к данному контексту и достижении максимальной спаянности ФЕ и контекста, б) в детализации описания референта.

Примером преобразований этого типа является замена компонентов **wrong** словом-заменителем **unpopular** во ФЕ **on the wrong side of the tracks - in socially inferior part of the town:**

In the United States people lost their jobs not only because they are economically unsatisfactory or unnecessary, but also because they held unpopular ideas, espouse unpopular causes, or associate with those who are on the unpopular side of the tracks.

3. Большим прагматическим потенциалом обладают те преобразованные ФЕ, в которых замены связаны с изменениями в коннотации и непосредственно воздействуют на эмоциональную сферу адресата. Дать точную количественную характеристику усиления прагматического потенциала при заменах компонентов едва ли возможно, так как обычно изменения затрагивают не какой-либо один микрокомпонент коннотации, а сразу несколько.

Остановимся на примере преобразования ФЕ **seventy times seven - large indefinite number**.

He had not been able to mingle with men, and he fell that civilization was hideous and a palm two hundred foot high was a finer thing than seventy times seventy New Yorks (Gardner)

В данном примере воздействующая сила преобразованной ФЕ достигается посредством замены компонента **seven** числительным более высокого порядка. Экспрессивность обеспечивается усилением за счет модификации образной основы. Отрицательная интеллектуальная оценка усиливается субъективной оценкой.

4. Наибольшей прагматической эффективностью обладают те замены, которые вызывают изменения в обоих макроэлементах семантики ФЕ. Рассмотрим пример преобразования ФЕ **a skeleton in the cupboard - discreditable or humiliating fact concealed from strangers**.

... but it was a disgrace to have a mother. Crabbe's mother, God's mother, cough! No words were too strong, no sounds too shrill. And since at that time of life are commoner than sisters ... the atmosphere of this school was less pleasant, and the sense of guilt strong. Nearly every little boy had a mother in a cupboard and dreadful revelations occurred (Forster).

Замена компонента **skeleton** словом-заменителем **mother**, с одной стороны, органически вводит преобразованную ФЕ в контекст, а с другой, повышает экспрессивность преобразованной ФЕ из-за необычности такой замены. Однако то, что слово **mother** употребляется в контексте перед преобразованной ФЕ, несколько снижает ее экспрессивность.

Что касается русского языка, то в художественной речи также происходит изменение лексического состава фразеологизма путем обновления одного или

нескольких его компонентов. К замене словарных компонентов часто прибегают фельетонисты: *Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу. Новые времена подсказывают нашим сатирикам иные шутки: Тайна, покрытая крахом; С миру по строчке; Делу – время, зрителю – “Времечко”.*

Чаще авторы заменяют компоненты ФЕ с целью коренного изменения их значения и создания острого сатирического эффекта. Прием преобразования состава фразеологизма ценят поэты, известно фразеологическое новаторство Маяковского: *В тесноте, да не обедал...*

Используя этот прием, авторы стремятся к возможно более точному сохранению звуковой организации ФЕ: *Что написано опером...*(статья о преступности в Москве); *Хоть гол на голове тешис...*(о футболисте, который великолепно забивает голы головой).

Фразеологическое новаторство авторов не ограничивается рассмотренными здесь примерами, возможности творческого обновления фразеологизмов неисчерпаемы.

Анализ материала показал, что замена компонентов ФЕ в обоих языках является действенным способом усиления pragматического потенциала исходных ФЕ. Прагматическая направленность замен зависит от характера изменений в семантике преобразованных фразеологизмов.

Е.А. Маклакова
Воронеж

Русское *гость* и английское *guest*

Приведем результаты контрастивного описания русского слова *гость* в сопоставлении с его английским переводным соответствием ***guest***.

Конкретизация архисемы значения этого существительного («человек») несколькими дифференциальными семами, а именно: «постороннее лицо», «пришедшее навестить кого-либо», «приглашенное или приехавшее куда-либо», дала возможность получить следующий синонимический ряд исследуемого слова в русском языке: **гость, завсегдатай, иногородний, иноземец, инопланетянин, иностранец, незнакомец, пришелец, посетитель, чужеземец, чужестранец.**

Следующим этапом работы с перечисленными выше примерами было определение их соответствий в английском языке с использованием двуязычных переводных словарей и одноязычных толковых словарей английского языка. В качестве таких соответствий были определены следующие лексемы: **guest, alien, attender, browser, caller, customer, frequenter, habitue, haunter, outlander, patron, stranger, visitant, visitor.**

На основе вышеприведенных списков были выявлены безэквивалентные единицы (1:0) – **иногородний** в русском языке и безэквивалентное

словосочетание **kith & kin** в английском, линейные (1:1) и векторные (1:N) соответствия русских и английских лексем.

Линейные соответствия: **attender – посетитель;**
browser – посетитель;

Векторные русско-английские соответствия:
гость – guest, visitor, visitant, alien, caller, stranger;

завсегдатай – frequenter, haunter, habitue, caller, visitor;

иноземец - alien, foreigner, outlander, stranger;

иностранец - visitant, alien, stranger;

иностранин - alien, foreigner, outlander;

незнакомец - alien, stranger;

пришелец - guest, alien, visitant, visitor;

посетитель – visitor, visitant, caller, attender, browser, patron, customer;

чужеземец - alien, stranger, outlander, foreigner;

чужестранец - alien, stranger, outlander, foreigner;

Векторные англо-русские соответствия:

guest – гость, посетитель, иноземец, инопланетянин, иностранец, пришелец, чужеземец, чужестранец;

alien - гость, иноземец, инопланетянин, иностранец, незнакомец, пришелец, чужеземец, чужестранец;

caller – посетитель, завсегдатай;

foreigner - иноземец, иностранец, приезжий, чужеземец, чужестранец;

frequenter – посетитель, завсегдатай, гость;

haunter - посетитель, завсегдатай, гость;

habitue - посетитель, завсегдатай, гость;

stranger – незнакомец, иноземец, гость, чужестранец,;

outlander - иноземец, чужеземец, чужестранец;

customer - посетитель, завсегдатай;

patron – посетитель, завсегдатай;

visitant – гость, инопланетянин, пришелец;

visitor – гость, посетитель, пришелец, инопланетянин,

Последующие действия связаны с семным описанием значений лексических единиц в сопоставляемых языках в виде перечня минимальных семантических компонентов – сем, их унификацией и обобщением.

При дифференциации межъязыковых лексических соответствий, как правило, «выявляются переводные эквиваленты – межъязыковые соответствия, максимально сходные по составу сем и обеспечивающие адекватный взаимный перевод в любых контекстах» (Стернин, с.67). На основе имеющегося материала эквивалентными соответствиями, обладающими совпадающими ядерными, яркими периферийными,

оценочными и эмоциональными семами в сфере лексического значения, а также функционально-стилистическими, функционально-временными, функционально-частотными, функционально-социальными и функционально-территориальными семами в сфере структурно-языкового значения, являются: **гость – guest; foreigner – иностранец; завсегдатай – frequenter, habitue(фр.)**. Последний пример представляет собой двойную эквивалентность, потому что одно из английских слов оказывается исконным, а другое заимствованным.

Близкими соответствиями, имеющими значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем и совпадающими по функциональным структурно-языковым семам, может быть названа пара **завсегдатай – haunter** (совпадающая сема: *часто и регулярно посещает что-либо*, различающиеся семы, отсутствующие в русском **завсегдатай: делает это назойливо, является как приведение**).

В качестве приблизительных соответствий, когда различия наблюдаются в функциональных структурно-языковых семах и взаимный перевод возможен только в некоторых контекстах, можно отметить следующие пары: **посетитель (межстил.) – visitant (книж.); посетитель (межстил.) – browser (разг.); гость (межстил.) – visitant (книж.); посетитель (межстил.) – patron (форм.-вежл.); чужеземец (книж.) – outlander (поэт.); чужестранец (книж.) – foreigner (межстил.); пришелец (межстил.) – alien (книж.)** Все они характеризуются функционально-стилистическими различиями. Кроме того, перечисленные выше контрастивные пары на денотативном уровне имеют неполное совпадение сем по содержанию при совпадении их семантического признака, например: **посетитель, гость (постороннее лицо) – visitant (важное или необычное); посетитель (посещает кого- или что-то с какой-либо целью) – patron (посещает регулярно магазин или ресторан); пришелец (существо из другого мира) – alien (существо из другого мира или иностранец).**

Многочисленные примеры проявления национальной специфики семантики слов наблюдаются в контрастивных парах при несовпадении сем по семным конкретизаторам. Приведем только некоторые из них:

- В лексическом значении русского слова **посетитель** существует семный конкретизатор пола *мужской*, а в английских соответствиях **browser, caller visitor, visitant, attender, patron, customer** он отсутствует.
- Интегральные семы *посещает кого-то или что-то и приходит с какой-либо целью* в лексическом значении английского слова **browser** конкретизируются обозначением места – *посещает магазин* и цели – *рассматривает товары*, а в лексическом значении слова **caller** – обозначением длительности периода посещения – *на короткое время*, в

лексическом значении слова **attender** - обозначением объекта посещения – *посещает зрелица, лекции*.

- На семном уровне выявляется отсутствие семы *тот, кто звонит по телефону* в русском **посетитель** при её наличии в английском **caller**, а поскольку эта сема вообще отсутствует в русском языке, то возможно сделать вывод о её лакунарности для русского языка.
- В лексическом значении русского слова **гость** при сопоставлении с английским словом **visitor** выделяется эндемичная периферийная сема *приглашен на какое-либо собрание*.

Ярким проявлением национальной специфики семантики на уровне слов является наличие немотивированных лакун в английском языке на фоне русского, т.е. русских безэквивалентных слов: **иностранец** – *живущий в другом городе или приехавший из другого города*. Примером лакунарности в русском языке на фоне английского может служить словосочетание **kith & kin** - *люди одной семьи или одной страны*.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что методика применения контрастивного метода к описанию языкового материала позволяет выявить разные формы проявления национальной специфики семантики слов, которые принадлежат к основному словарному фонду обоих сравниваемых языков и обозначают универсальные концепты – такие как *гость*.

Литература

1. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика.- Воронеж, 2004.

Раздел 2. Сопоставительные исследования и проблемы лексикографии

Н.М. Черепкова
Воронеж

К вопросу о двуязычной лексикографии: История. Состояние. Перспективы. (на материале русско-французских словарей)

История создания переводных французско-русских и русско-французских словарей исчисляется тремя столетиями. В XVIII веке в России начинается широкое изучение древних и новых языков, что и повлияло на потребность в переводных словарях.

Первый французско-русский словарь появился в 1769 г. Он представлял собой перевод французского толкового словаря; к французским толкованиям подбирались русские слова, соответствующие тому или иному значению

французского слова. Таким образом, толковый словарь превращался в переводной французско-русский словарь. Позднее такие словари «выворачивались наизнанку», и словник располагался в алфавитном порядке русских слов. Так создавались первые русско-французские словари. Переводные словари позволяли читать и понимать французский текст, но далеко не всегда давали возможность выразить свою мысль по-французски. В силу специфики развития каждого языка, в силу многозначности слова, его многогранности, отношения между словами сопоставляемых языков очень сложны. Несовершенная методика составления первых переводных словарей приводила чаще всего к тому, что у читателя создавалось ложное представление о смысловой структуре французского слова, ибо русское слово может иметь собственное значение, не свойственное французскому и наоборот. (Халифман, с.63).

Неоценимый вклад в развитие французской лексикографии нашей страны внес Л.В.Щерба. Первое издание русско-французского словаря под редакцией Л.В.Щербы вышло в 1936 году. Этот словарь являлся шагом вперед в развитии отечественной французской лексикографии. Лев Владимирович в предисловии ко второму изданию словаря писал, что коллективом авторов была впервые в русской литературе произведена семантическая разработка современного русского словника, переводы русских слов не списаны у предшественников, а сделаны авторами заново. (Щерба, с.7). Например:

Педагог *м.*, *instituteur* *m*; *professeur* *m*; *pédagogue* *m*.

Преподаватель *м.*, ~ **ница** *ж.* *maîtr|e* *m*, *-esse* *f*, *professeur* *m*; *institu|teur* *m*, *-trice* *f* (*тк. в начальной школе*); ~**ский** *de maître*, *de professeur*; ~**кий** *состав* *personnel enseignant*, *les maîtres*, *les professeurs*, *les instituteurs*.

Учитель *м.*, ~ **ница** *ж.* *школ.* *maîtr|e* *m*, *-esse* *f*, *institu|teur* *m*, *-trice* *f*, *professeur* *m* (*тк. в средней школе*).

Как отмечал в том же предисловии Л.В.Щерба, получившийся новый переводной русско-французский словарь «действительно помогает людям, знающим русский язык, переводить с этого последнего языка на французский. Он ничего общего не имеет с прежними русско-французскими словарями, которые хотя и давали переводы русских слов, но не показывали, когда и как их надо употреблять. Однако, он разделяет с обычными переводными словарями все их недостатки при пользовании им не для перевода русских текстов, а для их понимания, так как мало что говорит о различиях данных в нем французских эквивалентов с русскими словами, которые они переводят: семантическая разработка этих последних рассчитана на знающих русский язык и по существу недоступна иностранцу, который нуждается для всестороннего понимания истинной физиономии русских слов в русско-французском толковом словаре. К сожалению, такого словаря нет. (Щерба, с.8).

Таких словарей, о которых писал известный лингвист, действительно еще нет, но предпосылки создания таких словарей имеются. К настоящему времени профессором И.А. Стерниным и его учениками, работающими в рамках теоретико-лингвистической научной школы Воронежского университета, руководимой заслуженным деятелем науки РФ профессором З.Д.Поповой, накоплен новый опыт работы по контрастивной методике, осмыслены и уточнены принципы и перспективы контрастивного анализа языка. Контрастивное исследование лексики дает возможность подойти к созданию новых типов учебных словарей – толкового словаря для лиц определенной национальности, толково-переводного словаря изучаемого языка и т.д. (Стернин, с.3).

Основой контрастивных двуязычных словарей, по нашему мнению, может служить контрастивный семный двуязычный словарь. Словарь представляет собой посемное описание значений слов, выступающих близкими соответствиями или эквивалентами, а также безэквивалентные единицы обоих языков. Каждое слово исходного (русского языка) представлено последовательным набором сем – денотативных, коннотативных и функциональных. Параллельно представлен семный набор переводного соответствия, где каждой семе русского слова ставится в соответствие сема иноязычного слова. При безэквивалентности сем в одном из языков ставится знак 0, что означает, что сема безэквивалентна. Несовпадающие семы выделяются шрифтом, чтобы пользователь словаря сразу зафиксировал имеющиеся семные несоответствия.

Материалом для данного исследования послужила образовательная лексика русского и французского языков, отобранная в одноязычных русских и французских словарях и двуязычных русско-французских и французско-русских словарях. В полученном списке (более ста наименований) просматриваются следующие подгруппы: наименования системы народного образования; названия учебных заведений; наименования обучающих и обучаемых; наименования форм организации учебной работы; наименования письменных работ и домашних заданий; лексика, связанная с применением технических средств в обучении.

Рассмотрим с позиции контрастивной лингвистики три упомянутые выше наименования обучающих: *педагог*, *преподаватель*, *учитель*. Все слова имеют векторные соответствия, т.е. каждому русскому слову соответствуют по три французских. Проводим компонентный анализ каждого векторного соответствия, согласно разработанных ранее принципов лексикографического описания слов (Стернин, с.157), и получаем образец словарных статей контрастивного семного русско-французского словаря:

ПЕДАГОГ – INSTITUTEUR

лицо

лицо

имеющее специальную

имеющее специальную

подготовку
занимающееся
преподавательской и
воспитательной работой
в общеобразовательных
учебных заведениях
в профессионально-
технических училищах
средних специальных
учебных заведениях
в детских садах
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину
в начальной школе и / или в
средней школе
0
0
0
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

ПЕДАГОГ – PROFESSEUR

лицо
имеющее специальную
подготовку
занимающееся
преподавательской и
воспитательной работой
в общеобразовательных
учебных заведениях
в профессионально-
технических училищах;
средних специальных
учебных заведениях
0

в детских садах
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

лицо
имеющее специальную
подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину

в средней школе

в лицеях , колледжах

в высших учебных
заведениях

0
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

ПЕДАГОГ – PÉDAGOGUE

лицо	лицо
имеющее специальную подготовку	имеющее специальную подготовку
занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях	преподающее какую-либо дисциплину
в профессионально-технических училищах	в начальной школе и / или в средней школе
средних специальных учебных заведениях	0
в детских садах	0
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
высокоупотreb.	высокоупотreb.
общераспр.	общераспр.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – PROFESSEUR

лицо	лицо
имеющее специальную подготовку	имеющее специальную подготовку
преподающее какую-либо дисциплину	преподающее какую-либо дисциплину
занимающееся воспитательной работой	0
в профессионально-технических училищах;	в средней школе
средних специальных учебных заведениях	в лицеях , колледжах
в высших учебных заведениях	в высших учебных заведениях
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
высокоупотreb.	высокоупотreb.
общераспр.	общераспр.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – INSTITUTEUR

лицо	лицо
имеющее специальную подготовку преподающее какую-либо дисциплину	имеющее специальную подготовку преподающее какую-либо дисциплину
занимающееся воспитательной работой	0
в профессионально- технических училищах	в начальной школе и / или в средней школе
средних специальных учебных заведениях	0
в высших учебных заведениях	0
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
высокоупотреб.	высокоупотreb.
общераспр.	общераспр.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – MAÎTRE

лицо	лицо
имеющее специальную подготовку преподающее какую-либо дисциплину	имеющее специальную подготовку преподающее какую-либо дисциплину
занимающееся воспитательной работой	занимающееся воспитательной работой
0	в начальной школе и / или в средней школе
в профессионально- технических училищах	0
средних специальных учебных заведениях	0
в высших учебных заведениях	0
неоцен.	неоцен.

неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

УЧИТЕЛЬ – MAÎTRE

лицо
имеющее специальную
подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину
занимающееся воспитательной
работой
**в общеобразовательных
учебных заведениях**
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

лицо
имеющее специальную
подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину
занимающееся
воспитательной работой
**в начальной школе и / или в
средней школе**
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

УЧИТЕЛЬ – INSTITUTEUR

лицо
имеющее специальную
подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину
занимающееся воспитательной
работой
**в общеобразовательных
учебных заведениях**
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

лицо
имеющее специальную
подготовку
преподающее какую-либо
дисциплину
занимающееся
воспитательной работой
**в начальной школе и / или в
средней школе**
неоцен.
неэмоц.
межстил.
общенар.
соврем.
высокоупотreb.
общераспр.

УЧИТЕЛЬ – PROFESSEUR

лицо	лицо
имеющее специальную подготовку	имеющее специальную подготовку
преподающее какую-либо дисциплину	преподающее какую-либо дисциплину
занимающееся	0
воспитательной работой	в средней школе
в общеобразовательных	
учебных заведениях	
0	в лицеях, колледжах
0	в высших учебных
	заведениях
неоцен.	неоцен.
неэмоц.	неэмоц.
межстил.	межстил.
общенар.	общенар.
соврем.	соврем.
высокоупотреб.	высокоупотреб.
общераспр.	общераспр.

Как видим, опытный образец словарных статей контрастивного семного русско-французского словаря дает не только толкование русских слов и их французских соответствий, но и позволяет быстро и наглядно выявить их дифференциальные различия. Данный тип словаря может быть предназначен для переводчиков и исследователей национальной специфики семантики разных языков. Может быть использован и теми, кто хорошо владеет обоими языками, но совершенствует свои знания в семантике и стилистике сравниваемых языков. Данный тип словаря может также быть основой других контрастивных учебных словарей, например контрастивного толково-переводного двуязычного словаря.

В толково-переводном словаре слово исходного (русского) языка дается в форме толкования, включающего результаты полного компонентного анализа слова. Толкования же французских слов содержат только национально-специфические (дифференциальные) семы. В таком словаре в словарной статье описывается денотативное значение слова, сформулированное на базе компонентного анализа денотативного макрокомпонента значения. Затем приводятся отдельной строкой коннотативные семы, потом отдельной строкой – функциональные семы. Таким образом, в данном типе словаря дается полное семное описание значения слова исходного языка. Затем приводятся его иноязычные соответствия с указанием только дифференцирующих сем иноязычных слов. Приведем примеры словарных

статьей с прежними заголовочными словами, но представленными по другому принципу.

ПЕДАГОГ лицо, имеющее специальную подготовку, занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в детских садах; **отсутствует:** преподающее какую-либо дисциплину в начальной школе и/или в средней школе;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **INSTITUTEUR** преподающее какую-либо дисциплину в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в детских садах.

ср. **PÉDAGOGUE** преподающее какую-либо дисциплину в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в детских садах.

ПЕДАГОГ лицо, имеющее специальную подготовку, занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в детских садах; **отсутствует:** преподающее какую-либо дисциплину в средней школе, в лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **PROFESSEUR** преподающее какую-либо дисциплину в средней школе, в лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях; **отсутствует:** занимающееся преподавательской и воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в детских садах.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в высших учебных заведениях; **отсутствует:**

преподающее какую-либо дисциплину в средней школе, в лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **PROFESSEUR** в средней школе, в лицеях, колледжах; **отсутствует:** занимающееся воспитательной работой, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в высших учебных заведениях; **отсутствует:** преподающее какую-либо дисциплину в средней школе, в лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **INSTITUTEUR** в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** занимающееся воспитательной работой, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в высших учебных заведениях.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой, в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в высших учебных заведениях; **отсутствует:** в начальной школе и/или в средней школе;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **MAÎTRE** в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** в профессионально-технических училищах, в средних специальных учебных заведениях, в высших учебных заведениях.

УЧИТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях; **отсутствует:** в начальной школе и/или в средней школе;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **MAÎTRE** в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** в общеобразовательных учебных заведениях.

УЧИТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях; **отсутствует:** в начальной школе и/или в средней школе;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **INSTITUTEUR** в начальной школе и/или в средней школе; **отсутствует:** в общеобразовательных учебных заведениях.

УЧИТЕЛЬ лицо, имеющее специальную подготовку, преподающее какую-либо дисциплину, занимающееся воспитательной работой в общеобразовательных учебных заведениях; **отсутствует:** в средней школе, лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, высокоупотребительное, общераспространенное.

ср. **PROFESSEUR** в средней школе, в лицеях, колледжах, в высших учебных заведениях; **отсутствует:** занимающееся воспитательной работой, в общеобразовательных учебных заведениях.

Контрастивный толково-переводной, в нашем случае, русско-французский словарь позволяет не только переводить с русского на французский, но понимать и видеть различия между русскими словами и их французскими соответствиями. Он дает возможность детально представить семную структуру слова в обоих языках. Данный словарь может быть предназначен для переводчиков обоих сопоставляемых языков и для лиц, углубленно изучающих эти языки.

Как видим из приведенных примеров опытных образцов двух типов контрастивных словарей - семного и толково-переводного, данные словари позволяют увидеть многогранность каждого слова, правильное иноязычное соответствие в зависимости от контекста, а также если не избежать, то хотя бы сократить количество кривотолков в переводах с русского на французский язык.

Литература

1. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика: науч. издание – Воронеж : Истоки, 2004.

2. Халифман Э.А. Пособие по французской лексикографии : учеб. пособие – М.: МГУ, 1978. – 168с.

3. Щерба Л.В. Предисловие ко второму изданию // Русско-французский словарь / под ред. Л.В.Щербы. – М.: Юнвес, 1995. – С. 6-9.

И.П. Зленко
Воронеж

Контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках

В настоящее время межкультурному диалогу отводится важная роль в связи с расширением горизонтов сотрудничества в современном мире. Расширение межнациональных и международных контактов требует существенного улучшения практики обучения языкам, создания адекватных переводных словарей, совершенствования теории и практики перевода, разработки словарей для переводчиков.

Особенности развития культуры общества определяют многие особенности языкового отражения мира. При сравнении единиц разных языков выявляется национальная специфика семантики лексических единиц, под которой понимается отличие значения слова от сходных по семантике единиц языка сравнения.

Анализ национальной специфики семантики слова предполагает описание этой специфики в терминах компонентов значения. Это, в свою очередь, предполагает подход к значению как к дискретной структуре, образуемой семантическими компонентами разных типов и значимости.

Сознание человека отражает действительность в чувственной и рациональной формах. Результат рационального познания закрепляется в денотативной части значения, оценка и эмоциональное отношение представлены его коннотативной частью.

Денотативный и коннотативный макрокомпоненты значения могут быть расчленены на более мелкие компоненты (микрокомпоненты значения, семы), которые являются основой описания национальной специфики семантики слова в словарях контрастивного типа. Контрастивные словари являются практическим результатом контрастивных исследований.

Контрастивные исследования выделяются из сопоставительных исследований и связаны с выявлением национальной специфики одного языка на фоне другого. Основой описания национальной специфики семантики является представление значения как структуры компонентов – сем.

Для выделения сем мы предлагаем использовать контрастивную методику описания национальной специфики слова, представляющую собой ряд шагов и этапов, которые могут быть представлены в виде следующего алгоритма (разработана проф. И.А. Стерниным и к.ф.н. И.П. Зленко):

Этап 1. Выделение лексической группировки в исходном языке.

Шаг 1. Установление базового списка единиц исходного языка.

Шаг 2. Синонимическое расширение базового списка.

Шаг 3. Структурно-семантическая классификация выделенной лексики.

Этап 2. Установление лексических соответствий исследуемых единиц двух языков.

Шаг 1. Установление переводных соответствий.

Шаг 2. Установление межъязыковых соответствий.

Этап 3. Компонентный анализ семем контрастивных пар в сопоставляемых языках.

Шаг 1. Компонентный анализ единиц исходного языка в рамках выделенных подгрупп методом анализа словарных дефиниций.

Шаг 2. Компонентный анализ единиц языка сравнения методом анализа словарных дефиниций.

Этап 4. Опрос информантов по выявлению и верификации отдельных сем.

Этап 5. Семантическое описание контрастивных пар.

Этап 6. Дифференциальная семантизация слова.

Нами было предпринято контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках. Всего выделенная группировка насчитывает 123 лексические единицы. На основе данной методики возможно семное описание национальной специфики лексики и составление словарей новых типов – контрастивного переводного русско-французского словаря; контрастивного семного русско-французского словаря; контрастивного толково-переводного русско-французского словаря.

Приведём образцы словарных статей.

Контрастивный семный русско-французский словарь AC - AS

лицо

имеет глубокие знания и умения

лицо

имеет глубокие знания и умения

выполняет работу с высшим
качеством
знает досконально свою работу
выполняет работу профессионально
одобр.
положит.-эмоц.
разг.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

выполняет работу с высшим
качеством
знает досконально свою работу
выполняет работу профессионально
одобр.
положит.-эмоц.
разг.
общенар.
совр.
употр.
общераспр.

БАКЛУШНИЧАТЬ - 0

отсутствие стремления работать
ведение праздного образа жизни
стремление заниматься пустяками
неодобр.
пренебрежит.
разг.
общенар.
устар.
малоупотр.
общераспр.

уклонение от выполнения
необходимого действия

нежелание вмешаться в выполнение
действий другими

0
уклонение от выполнения
необходимого действия

нежелание вмешаться в выполнение
действий другими

0
проявление безразличия к
окружающей деятельности

деятельность, лишённая
самостоятельности

неодобр.
отриц.-эмоц.
межстил.
общенар
совр.

неодобр.
отриц.-эмоц.
межстил.
общенар
совр.

употр.
общераспр.

употр.
общераспр.

Контрастивный толково-переводной русско-французский словарь

БАЛБЕСНИЧАТЬ стремление уклониться от работы и заниматься пустяками;
неодобрительное, пренебрежительное;
просторечное, общеноародное, общераспространённое, устаревшее,
малоупотребительное.

Безэквив.

БЕЗДЕЛЬНИК лицо, которое *уклоняется от работы*, проявляет апатию к труду, стремится к безделью, живёт за чужой счёт, стремится жить чужим трудом; неодобрительное, презрительное;
разговорное, общеноародное, общераспространённое, современное,
употребительное.

Ср. **ECORNIFLEUR** *сознательно уклоняется от работы*.
Ср. **FAINEANT** *сознательно уклоняется от работы*, пренебрежительное.
Ср. **PARASITE** *сознательно уклоняется от работы*, книжное, усилительное.

ВЫЦАРАПЫВАТЬ работать интенсивно, упорно, целенаправленно, стремиться получить результат во что бы то ни стало;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общеноародное, общераспространённое, современное,
употребительное, усилительное.
= **TIRER**.

Контрастивный переводной русско-французский словарь

AC = AS

ВЫКЛАДЫВАТЬСЯ неоценочное = **SE DEFONSER**; ср. **S'ACHARNER** не думать о получении вознаграждения, одобрительное; ср. **S'ADONNER** не думать о получении вознаграждения, жить работой, одобрительное; ср. **S'ABSORBER** не думать о получении вознаграждения, жить работой, углубляться в работу, одобрительное, положительно-эмоциональное

ДЕЛАТЬ неоценочное, неэмоциональное, межстилевое = **FAIRE**; ср. **BACLER** делать наспех, работать некачественно, пренебрежительное, отрицательно-эмоциональное, разговорное; ср. **BRICOLER**

преимущественно ручной труд, работать на дому, одобрительное, положительно-эмоциональное; ср. **FOUTRE** фамильярное; ср. **CONFCTIONNER** преимущественно ручной труд; ср. **FICHER** отрицательно-эмоциональное, фамильярное, грубое; ср. **BACLER** пренебрежительное, отрицательно-эмоциональное, разговорное

Указанные типы словарей могут быть эффективно использованы, прежде всего, переводчиками, поскольку предлагают достаточно точное описание семных несоответствий слов двух языков. Это ставит на повестку дня расширение контрастивных исследований, контрастивные описания больших массивов лексики и составления контрастивных словарей различных типов.

Раздел 3. Сопоставительные исследования в области лексических группировок

С.В. Колтакова
Воронеж

Особенности национальной специфики лексико-семантической группы «Отдых» в русском и английском языках

Национальные особенности в семантике языка стали предметом пристального внимания лингвистов еще в середине XX в.. Национальная специфика языка особенно ярко проявляется в сфере семантики, что связано с отражательным характером лексической семантики и тесной связью значения слова с экстралингвистической действительностью.

В настоящее время актуальными являются конкретные исследования в области выявления национальной специфики семантики единиц разных языков с тем, чтобы теоретическое исследование проблемы национальной специфики семантики могло опираться на конкретные языковые факты.

Материалом данного исследования послужили субстантивные единицы, отобранные методом сплошной выборки из Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова (М., 2002) и Большого англо-русского словаря под редакцией И. Р. Гальперина (М., 1972). При установлении общих семантических компонентов между именем поля и конкретными лексемами мы отталкивались от следующего определения: *отдых* – “состояние покоя либо такого рода деятельность, которая снимает утомление и способствует восстановлению работоспособности” (Большой российский энциклопедический словарь, 2003).

Проведенное исследование показало, что лексико-семантическая группа «Отдых» в русском и английском языках демонстрирует как много общего, так и национально-специфические различия. Так, в русском и английском языках исследуемые ЛСГ могут быть подразделены на следующие 6 одноименных подгрупп: 1. Общие наименования отдыха (*отдых* – “перерыв в обычных занятиях, в работе и т.п. для восстановления сил”; *рекреация* – “отдых, восстановление сил человека”; *refreshment* – восстановление сил, отдых; *repose* – отдых, передышка, сон и т. д.) 2. Наименования периодов отдыха (*перекур* – “короткий перерыв для курения или вообще отдыха во время каких-либо занятий”; *каникулы* – “перерыв в занятиях на праздничное или летнее время”; *dinner-hour* – обеденный перерыв; *play* – каникулы, свободное от занятий время и т. д.) 3. Наименования лиц, вовлеченных в процесс отдыха (*курортник* – “тот, кто лечится, отдыхает на курорте”; *отдыхающий* – “тот (та), кто отдыхает, проводит свой отпуск где-л.”; *resting* – отдыхающий, спящий; *vacationist* – отдыхающий, отпускник и т. д.) 4. Наименования видов отдыха (*круиз* – “морское путешествие”; *междусобойчик* – “дружеская встреча, пирушка в узком кругу знакомых, друзей”; *boardwalk* – променад на пляже; *social* – вечеринка и т. д.) 5. Наименования атрибутов отдыха (*гамак* – “подвесная сетка для сидения и лежания, привязываемая к деревьям, столбам”; *палатка* – “временное помещение из натянутой на остов ткани”; *pleasure-boat* – прогулочная шлюпка, прогулочный катер; *telly* – телевизор и т. д.) 6. Наименования мест отдыха (*парк* – “большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками и т.п.”; *курорт* – “местность с целебными природными свойствами, используемая для лечебных целей и отдыха”; *country-house* – загородный дом, дача; *спа* – курорт с минеральными водами и т. д.).

Структура рассматриваемых подгрупп в русском и английском языках в основном совпадает. Так, в обоих языках в подгруппе «Наименования периодов отдыха» выделяются следующие минигруппы: 1) кратковременный отдых (*перерыв* – “промежуток времени, предназначенный для отдыха во время работы, занятий чем-либо”; *break* – перерыв, пауза, перемена (в школе), 2) продолжительный отдых (*отпуск* – “временное освобождение от работы для отдыха”; *rest-day* – день отдыха).

Подгруппа «Наименования видов отдыха» в обоих языках подразделяется на 8 минигрупп: 1) спортивный отдых (*альпинизм* – “восхождение на труднодоступные горные вершины”; *roller-skating* – катание на роликах), 2) туризм (*велотуризм* – “путешествия на велосипедах”; *hiking* – туризм), 3) прогулки (*прогулка* – “ходьба на открытом воздухе или поездка на недалекое расстояние для отдыха, развлечения”; *ramble* – прогулка (без определенной цели), бесцельное

хождение), 4) активный отдых на природе (*рыбалка* – “рыбная ловля”; *mushrooming* – *собирание грибов*), 5) отдых для удовлетворения познавательных, эстетических и эмоциональных потребностей (экскурсия – “поеzdка куда-нибудь, посещение чего-либо с образовательной или увеселительной целью”; *theatre-going* – *посещение театров*), 6) отдых для удовлетворения физиологических потребностей (сон – “наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения”; *beauty-sleep* – сон днем (особенно перед обедом, балом, вечером и т. п.), 7) отдых с целью развлечения и самовыражения (*нумизматика* – “коллекционирование старинных монет и медалей”; *chess* – *шахматы [игра]*), 8) отдых на массовых мероприятиях (*банкет* – “торжественный званный обед или ужин, устраиваемый в честь какого-либо лица, события”; *garden-party* - прием (гостей в саду).

В подгруппе «Наименования атрибутов отдыха» и в русском, и в английском языках выделяются 5 минигрупп: 1) атрибуты спортивного отдыха (*лыжи* – “плоские деревянные полозья для хождения по снегу”; *trainers* – *кроссовки*), 2) атрибуты туризма (*спальник* – “спальный мешок”; *bell-tent* – *круглая палатка*), 3) атрибуты отдыха на воде (*катер* – “небольшое гребное или моторное судно”; *barge* – *двухпалубная баржа для экскурсий; прогулочный катер*), 4) атрибуты отдыха для удовлетворения физиологических потребностей (*кресло* – “просторный стул с ручками для опоры локтей”; *divan* – *тахта, софа*), 5) атрибуты отдыха для удовлетворения познавательных, эстетических и эмоциональных потребностей (*журнал* – “периодическое издание в виде книжки, содержащей статьи или художественные произведения разных авторов”; *magazine* – *(периодический) журнал*).

Количество минигрупп, входящих в состав подгруппы «Наименования мест отдыха», является самым большим в обоих языках. Так в русском языке в этой подгруппе выделено 9 минигрупп, а в английском – 10 минигрупп. При этом 8 минигрупп в ЛСГ обоих языков совпадают: 1) места спортивного отдыха (*бассейн* – “открытый или в закрытом помещении искусственный водоем, специально сооруженный для плавания, купания”; *tennis court* – *теннисный корт*), 2) места отдыха на природе (*побережье* – “полоса земли вдоль морского берега”; *beach* – *отлогий морской берег, взморье, пляж*), 3) места индивидуального загородного отдыха (*дача* – “загородный дом для летнего отдыха”; *country-house* - *загородный дом*), 4) места коллективного отдыха (*турбаза* - “туристическая база”; *епсартмент* – *лагерь, лагерная стоянка*), 5) места лечебно-оздоровительного отдыха (*санаторий* – “стационарное лечебное учреждение, оборудованное для лечения и отдыха”; *plage* – *морской*

курорт), 6) места отдыха, сопровождаемого приемом пищи и/или спиртного (кабак – “ресторан, бар”; *beanery* – дешевый ресторанчик), 7) места физиологического отдыха (спальня – “комната, предназначенная для сна”; *rest-room* – комната отдыха, помещение для отдыха), 8) места отдыха для удовлетворения познавательных, эстетических и эмоциональных потребностей (галерея – “специальное помещение, в котором размещены для обозрения предметы искусства; художественный музей”; *planetarium* – планетарий).

Следует также отметить, что как в русском, так и в английском языках в рассматриваемой ЛСГ обращают на себя внимание заимствования из других языков. В частности, в английском языке многочисленны заимствования из французского языка – семь единиц (*cabaret, chaise-longue, estaminet, fauteuil, plage, restaurateur, soiree*). Также есть слова итальянского (*pizzeria, villeggiatura*), испанского (*siesta*), латинского (*mare*), индийского (*charpoys*), шотландского (*splore*) и одна лексема – южно-африканского (*trek*) происхождения. Кроме того, имеется 23 заимствования из американского варианта английского языка: *bat, barbecue, barge, beanery, boardwalk, cabana, checker, cookout, cottage, dive, juke, junketing, mush, musicale, necking-party, nooning, pix, promenade, rathskeller, recess, saloon, shinding, vacation*.

ЛСГ «Отдых» в русском языке не менее гетерогенна и тоже включает лексемы иностранного происхождения, в частности французского (бильярд, будуар, вояж, журфикс, кабаре, кафе, отель, пляж, променад, турист, фуршет, шале, шезлонг), латинского (вакации, рекреация), испанского (сиеста), итальянского (казино), немецкого (кегли, кегельбан), древнееврейского (шабаш). Кроме этого, многочисленны заимствования из английского языка: бадминтон, бар, баскетбол, бейсбол, бобслей, бодибилдинг, виндсерфинг, волейбол, гандбол, гольф, дансинг, джоггинг, джогинг, Диснейленд, кемпинг, коктейль, комикс, крокет, круиз, пикник, раут, роллинг, салун, сейшен, сэйшен, серфинг, теннис, уик-энд, уикэнд, футбол, хоккей, шейтинг.

Обращает на себя внимание тот факт, что как в английском, так и русском языках одна и та же лексема разными семемами может входить в разные структурные единицы рассматриваемой ЛСГ. Так, в английском языке лексема *rest* встречается в трех подгруппах: «Общие наименования отдыха», «Наименования видов отдыха», «Наименования мест отдыха». Сходные явления наблюдаются и у следующих лексем: *barbecue, bath, doss, hike, hiking, holiday, junketing, paseo, pasear, promenade, repose, Sabbath, sally, snooze, walk*. Для русского языка отмеченное явление тоже характерно. Так, например, лексемы лыжи, коньки, кегли, бильярд, бадминтон разными семемами входят в подгруппы «Наименования видов отдыха» и «Наименования атрибутов отдыха», а лексемы кино, мюзик-холл,

цирк входят в состав микрогрупп «Наименования учреждений и помещений, где реализуется отдых для удовлетворения познавательных, эстетических и эмоциональных потребностей» и «Наименования культурно-массовых мероприятий».

Следует отметить, что наряду с общими чертами, ЛСГ «Отдых» в русском и английском языках демонстрируют также и определенные различия. Так, прежде всего, обращает на себя внимание различие в общем количестве единиц, входящих в состав рассматриваемых ЛСГ: в ЛСГ «Отдых» в русском языке входят 342 лексические единицы, а в английском языке значительно больше – 470 единиц.

Кроме этого, различия проявляются и на уровне перечня минигрупп. Так, в составе подгруппы «Наименования мест отдыха» в английском языке имеются две отсутствующие в русском языке минигруппы – «Наименования мест отдыха» (*pleasure-resort* – фешенебельное место отдыха; *resting-place* – место отдыха) и «Общие наименования мест прогулок» (*parade* – место для прогулок; *paseo* – место прогулки). В то же время в английском языке отсутствует минигруппа «Наименования мест отдыха с целью развлечения и самовыражения» (кружок – “группа лиц с общими интересами, объединившихся для совместных занятий чем-либо”; драмкружок – “драматический кружок”).

Наблюдаются также несовпадения в перечне и составе микрогрупп подгруппы «Виды отдыха». Так, в частности, минигруппа «Отдых на массовых мероприятиях» в русском языке подразделяется на 3 микрогруппы: а) отдых, сопровождаемый приемом пищи и/или спиртного (*застолье* – “праздничный стол, угощение”; *коктейль* – “прием, деловая или дружеская встреча, на которой подают коктейль”), б) отдых, не сопровождаемый приемом пищи и спиртного (*игрище* – “собрание молодежи для игр, танцев и других развлечений”; *сборище* – “собрание, сходка для бесед, развлечений”), в) массовые мероприятия на открытом воздухе (*гулянка* – “веселое времяпрепровождение на открытом воздухе (с песнями, танцами, народными забавами)”; *пикник* – “загородная увеселительная прогулка с компанией”), а в английском языке – на 5 микрогрупп: а) наименования мероприятий (*celebration* – празднование, торжество; *festival* – празднество, праздник), б) отдых, сопровождаемый приемом пищи и/или спиртного (*bagging* – чай с основательной закуской; *bean-feast* – пицца, попойка; ежегодный обед, устраиваемый хозяином для служащих); в) отдых, не сопровождаемый приемом пищи или спиртного (*masquerade* – маскарад; *musicale* – музикальный вечер); г) массовые мероприятия на открытом воздухе (*barbecue* – пикник или прием на открытом воздухе, во время которого гостей угощают мясом, жареным на вертеле; *cookout* – пикник, на котором главное блюдо – жареное мясо); д) свадебные мероприятия (*bridal* – свадебный пир,

свадьба; wedding-breakfast – свадебное угощение, прием гостей после бракосочетания (в любое время дня).

Отметим также расхождения в составе минигруппы «Туризм». Так, наряду с микрогруппой «Виды путешествий», в русском языке в ней выделяется микрогруппа «Наименования видов туризма» (*велотуризм – “путешествия на велосипедах”; мототуризм – “вид туризма, связанный с передвижением на мотоцикле”*), а в английском языке – «Общие наименования туризма» (*hiking – туризм; touring – туризм*). Видимо, для русского языкового сознания виды туризма оказываются более важными. Кроме этого, в отличие от русского языка, в английском языке к минигруппе «Туризм» также относятся микрогруппы «Наименования сухопутных путешествий» (*journey – поездка, путешествие (преим. сухопутное); travel – путешествие; поездки, дальние странствования*) и «Наименования морских путешествий» (*cruise – морское путешествие, плавание; sea-voyage - морское путешествие, путешествие по морю*).

Особый интерес представляют различия в количественном составе выделенных подгрупп и минигрупп. Так, в русском языке общее число лексем, входящих в подгруппу «Общие наименования отдыха» составляет 6 единиц, а в английском языке это число почти в два раза больше – 11 лексем. Это может быть объяснено наличием в английском языке широко развитой синонимии – входящая в вышеназванную подгруппу в русском языке лексема *отдых* имеет 8 соответствий в английском языке (*comfort – успокоение, покой, отдых; holiday – отдых, развлечения; recreance – отдых, восстановление сил; recreation - отдых, восстановление сил, развлечение; refreshment - восстановление сил, отдых; repose – отдых, передышка, сон; rest – покой, отдых, сон; vacation – отдых, свобода*).

Аналогичные количественные расхождения наблюдаются также в составе и других выделенных в русском и английском языках подгрупп и минигрупп. Так, в подгруппе «Виды отдыха» русская лексема *прогулка*, входящая в состав минигруппы «Прогулки», имеет восемь соответствий в английском языке (*pasear – прогулка; paseo - прогулка; perambulation – ходьба, прогулка; promenade – прогулка, гулянье; ramble – прогулка (без определенной цели), бесцельное хождение; sally – прогулка, вылазка, экскурсия; saunter - прогулка, гулянье; walk – прогулка пешком*), а лексема *экскурсия* минигруппы «Отдых для удовлетворения познавательных и эстетических потребностей» – 5 соответствий (*excursion - экскурсия, (туристическая) поездка; hike – длительная прогулка, экскурсия или путешествие пешком; hiking – пешеходная экскурсия, прогулка пешком; sally - прогулка, вылазка, экскурсия; tour – прогулка, экскурсия*). Можно предположить, что такое большое количество синонимичных лексем в английском языке свидетельствует об исключительной важности выражаемых ими понятий для носителей английского языка.

Интересен также факт, что в английском языке имеется 16 наименований сна. При этом, наряду с общими наименованиями сна (*doss – сон; repose – сон; rest – покой, отдых, сон; shut-eye – сон; sleep – сон; спячка; sleeping – сон*), наблюдаются более конкретизированные: *beauty-sleep – сон днем (особенно перед обедом, балом, вечером и т. п.); cat-nap – короткий сон (в кресле); cat-sleep – сон урывками; = cat-nap; diurnation – дневная спячка (уочных животных); dog-sleep – чуткий сон, сон урывками; kip – короткий сон; nap – короткий сон днем; siesta – сiesta, полуденный отдых (в южных странах); slumber – сон, дремота; короткий (легкий) сон; snooze – короткий сон (днем)*.

Аналогичные примеры встречаются и в других минигруппах. Так, в английском языке в отличие от русского языка имеются специальные наименования для отпуска рядового и сержантского состава (*furlough*), для нерабочего дня у шахтеров (*play-day*), путешествия с собаками по снегу (*mush*), охоты на зайца с гончими (*coursing*). Наблюдаемые явления позволяют сделать вывод о том, что в английском языке наименования отдыха более детализированы.

Национальная специфика проявляется и на уровне стилистической отнесенности единиц и сферы их употребления. Так, и в русском и в английском языках основная масса единиц – нейтральная лексика, но в русском языке 37 единиц имеют помету *разг.*, а в английском языке – только 22. Однако ЛСГ «Отдых» в английском языке демонстрирует более значительную стилистическую вариативность. Среди лексем рассматриваемой ЛСГ встречаются единицы с пометами *жарг.* (10 лексем), *поэтич.* (4 единицы), *диал.* (3), *sl.* (3). Две единицы имеют помету *книжн.* и еще две – *шутл.* Пометы *возвыши.* и *прост.* характеризуют по одной лексеме. Что касается русского языка, то из 350 единиц четыре лексемы имеют помету *устар.*, 3 – помету *шутл.* и по одной лексеме имеют пометы *жарг.* и *книжн.*

В целом, как было показано, ЛСГ «Отдых» в русском и английском языках достаточно ярко демонстрируют национальную специфику.

Н.И.Чернова
Воронеж

Национальная специфика наименований специальных зданий и помещений в русском и английском языках

Изучение национальной специфики лексики, отражающей материально-бытовую жизнь народа, представляет большой интерес. Предметом данного исследования являются национальные особенности наименований специальных зданий и помещений в русском и английском языках. Как в

русском, так и в английском языках наименования специальных зданий и помещений составляют минигруппы, входящие, в свою очередь, в подгруппы **Здания и помещения для определенных целей и категорий лиц**.

Рассматриваемая минигруппа в русском языке включает 43 лексемы: *автовокзал* – большая *автобусная станция*; *аппаратная* – *служебное помещение*, в котором находится *аппаратура* для *обслуживания* чего-либо; *ателье* – *предприятие* по *оказанию* *населению* *различных бытовых услуг*, а также *помещение*, где *помещается* такое *предприятие*; *аэровокзал* – *вокзал аэропорта*; *банк* – *здание финансового учреждения*; *бухгалтерия* – *отдел на предприятии*, *помещение*, *занимаемое* таким *отделом*; *видеостудия* – *студия*, *подготавливающая* и *передающая* *видеоинформацию*; *вокзал* – *здание для обслуживания пассажиров на железнодорожной станции* или на *пристани*; *гладильная* – *помещение* для *глаженья*; *дворец* – *большое здание общественного назначения*; *диспетчерская* – *диспетчерское помещение*; *кабина* – *небольшое помещение* *специального назначения*; *кабинет* – *помещение*, *предназначенное* для *специальных занятий* с *необходимым* для *этих занятий* *оборудованием*; *камбуз* – *кухня на судне*; *камера* – *отдельная комната*, *помещение* *особого назначения* в *некоторых учреждениях*; *канцелярия* – *отдел учреждения*, *занятый делопроизводством*, *помещение* *этого отдела*; *касса* – *отделение учреждения, предприятия*, где *производятся* *денежные операции*, *помещение* *такого отделения*; *комната* – *помещение* *специального назначения* на *предприятии*, в *учреждении*; *котельная* – *помещение*, в котором *установлены* *паровые котлы*; *кочегарка* – *помещение*, где *находятся* *топки* *паровых котлов*; *кухня* – *помещение* с *печью* или *плитой* для *приготовления* *пищи*; *лаборатория* – *помещение*, *оборудованное* для *проведения* *научных, технических и других опытов*; *обсерватория* – *здание*, *специально оборудованное* для *астрономических или геофизических наблюдений*; *офис* – *контора, канцелярия*; *павильон* – *специальное помещение*, *оборудованное* для *производства* *звукозаписи*, для *кино* или *фотосъемки*; *планетарий* – *научно-просветительское учреждение*, а также *здание*, в котором находится это *учреждение*; *подсобка* – *подсобное помещение*, *предназначенное* в *помощь* *кому-либо*, *чему* –*либо*; *почтa* – *учреждение* для *пересылки* *писем*, а также *здание*, где *помещается* такое *учреждение*; *почтамт* – *главное почтовое учреждение*, а также *его здание*; *прачечная* – *учреждение* *бытового обслуживания*, *помещение* для *стирки*; *пресс-центр* – *помещение* *отдела* *информационного обслуживания* *журналистов*; *приемная* – *помещение* для *посетителей*; *примерочная* – *помещение*, *предназначенное* для *примерки*; *пультовая* – *помещение*, где *находится* *пульт*; *радиоателье* – *ателье* по *ремонту* *радиоаппаратуры*; *радиорубка* – *служебное помещение* на *судне*, где *находятся* *радист* и *расположена* *радиоаппаратура*; *радиостудия* – *специально оборудованное помещение*, откуда *ведутся* *радиопередачи*; *редакция* – *отдел* *издательства*,

помещение такого отдела; рубка – надстройка, помещение на судне для управления; студия – специальное помещение, откуда производятся радио или телевизионные передачи; телеграф – учреждение связи, а также здание, помещение, где находится это учреждение; телестудия – специально оборудованное помещение для подготовки телевизионных программ и их передачи; фотолаборатория – лаборатория для фоторабот.

В данной минигруппе представляется возможным выделить следующие микрогруппы:

- наименования зданий и помещений научно-исследовательских учреждений (*лаборатория, обсерватория, планетарий*);
- наименования зданий и помещений учреждений связи и средств массовой информации (*видеостудия, павильон, почта, почтамт, пресс-центр, радиостудия, редакция, студия, телеграф, телестудия*);
- наименования зданий и помещений для осуществления финансовой деятельности (*банк, бухгалтерия, касса*);
- наименования специализированных зданий и помещений (*ателье, аппаратная, гладильная, дворец, диспетчерская, кабина, кабинет, камера, канцелярия, комната, котельная, кочегарка, офис, подсобка, прачечная, приемная, примерочная, пультовая, радиоателье, радиорубка, рубка, фотолаборатория*);
- наименования зданий и помещений для обслуживания пассажиров (*автовокзал, аэровокзал, вокзал*);
- наименования зданий и помещений для приготовления пищи (*камбуз, кухня*).

Отметим, что из 43 лексем данной минигруппы 33 входят в нее по семеме Д1 и десять (*ателье, банк, дворец, кабинет, камера, комната, кухня, лаборатория, павильон, студия*) - по семеме Д2 (типология М.М.Копыленко и З.Д. Поповой). Из входящих в данную минигруппу лексем 26 являются однозначными, все остальные демонстрируют достаточно развитую полисемию. При этом следует отметить, что практически все развивающие рассматриваемыми лексемами семемы выходят за рамки изучаемой группы лексики и содержат семы других тематических групп. Исключение составляют лексема *павильон*, в семантеме которой все четыре семемы обозначают здания и помещения, т.е. относятся к рассматриваемой группе, а также лексемы *дворец, кабинет и студия*.

Рассмотрим семанту лексемы *студия*. В ее состав входит семема Д1 и четыре семемы Д2. Семемой Д1 в семантеме данной лексемы является семема «мастерская художника или скульптора» (*Они встретились в студии Аркадия, чтобы оценить его работы /Токарева/*). Следует отметить, что семема Д1 данной лексемы содержит сему изучаемой тематической группы, однако при этом выходит за рамки данной минигруппы и входит в

минигруппу **Здания и помещения для представителей определенных профессий**. В рассматриваемую нами минигруппу данная лексема входит по своей семеме Д2 «специальное помещение, откуда производятся радио- или телевизионные передачи» (*съемки в студии*). Остальные три семемы Д2 лексемы *студия*: «школа для подготовки артистов, сочетающая учебные занятия с творческой практикой» (*художественная студия*); «театральный коллектив молодых актеров» (*заниматься в студии*); «предприятие по производству кинофильмов, киностудия» (*директор студии*) содержат семы других тематических групп лексики.

В целом, лексемы данной минигруппы развиваются в своих семантиках 77 семем. Следовательно, индекс полисемантичности данной минигруппы, под которым понимается отношение общего количества семем, развивающихся ее лексемами, к общему количеству лексем этой минигруппы, равен 1,79. Семы рассматриваемой группы содержатся в 53 семемах, таким образом, индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой группе лексики (отношение общего количества развивающихся лексемами данной минигруппы семем с семой «здание, помещение», к общему количеству ее семем) равен 68,83%.

Соответствующая минигруппа в английском языке представлена следующими лексемами: *balance-room* – весовая; *bank* – банк; *boiler-house* – котельная; *boiler-room* – котельная; *case room* – помещение, где осуществляется типографский набор; *chamber* – помещение специального назначения; *composing room* – помещение, где осуществляется типографский набор; *cook-room* – кухня; камбуз; *counting-house* – бухгалтерия; *dark-room* – помещение для проявления фотопленок; *departure lounge* – комплекс помещений для пассажиров; *dry-cleaner* – химчистка; *fire-house* – здание и помещение для пожарных и их оборудования; *fire-station* – здание и помещение для пожарных и их оборудования; *fitting-room* – примерочная; *gatehouse* – здание управления иллюзами; *green-room* – комната для отдыха артистов; *kitchen* – помещение для приготовления пищи; *laboratory* – лаборатория; *laundry* – прачечная; *milking-room* – помещение для доения; *news-room* – офис в издательстве газеты или на радиостанции, куда поступает и откуда передается информация; *oast-house* – хмелесушилка; *observatory* – обсерватория; *office* – офис; *parlour* – ателье, салон; *place* – здание, помещение специального назначения; *planetarium* – планетарий; *post office* – почта; *printing-room* – насосное отделение; специальное помещение на курорте, где отдыхающие пьют минеральную воду; *reception* – помещение для приема гостей, клиентов, приемная; *reception-room* – приемная; *rest-room* – помещение для отдыха; *saloon* – любое большое помещение специального назначения; *stage* – киносъемочный павильон; *station* – вокзал; *steamshop* – котельная; *studio* – специально оборудованное помещение, откуда ведутся радиопередачи; где снимаются фильмы; *study* – рабочий кабинет; *VIP lounge*

– зал для почетных гостей(обычно в аэропорту); *waiting room* – приемная, зал ожиданий; *workplace* – помещение для работы; *workroom* – помещение для работы.

В данной минигруппе представляется возможным выделить следующие микрогруппы:

- наименования зданий и помещений научно-исследовательских учреждений (*laboratory, observatory, planetarium*);
- наименования зданий и помещений учреждений связи и средств массовой информации (*case room, composing room, news-room, post-office, stage, studio*);
- наименования зданий и помещений для осуществления финансовой деятельности (*bank, counting house*);
- наименования специализированных зданий и помещений (*balance-room, boiler-house, boiler-room, chamber, dark room, dry-cleaner, fire-house, fire-station, fitting-room, gatehouse, laundry, milking-room, oast-house, office, parlour, place, pump-room, saloon, steamshop, study, workplace, workroom*);
- наименования зданий и помещений для обслуживания пассажиров (*departure lounge, station, VIP lounge*);
- наименования приемных (*reception, reception-room, waiting room*);
- наименования помещений для отдыха (*green-room, rest-room*);
- наименования зданий и помещений для приготовления пищи (*cook-room, kitchen*).

Отметим, что из 43 лексем данной минигруппы 31 входит в нее по семеме Д1 и 12 - по семеме Д2. Из входящих в данную минигруппу лексем 23 являются однозначными, все остальные демонстрируют достаточно развитую полисемию. При этом следует отметить, что практически все развивающиеся рассматриваемыми лексемами семемы выходят за рамки изучаемой группы лексики и содержат семы других тематических групп. Исключение составляют лексема *palace*, в семантеме которой все четыре семемы обозначают здания и помещения, т.е. относятся к рассматриваемой группе, а также лексемы *chamber, gatehouse, parlour, saloon, studio*.

Рассмотрим семантему лексемы *chamber*. В ее состав входит семема Д1 и три семемы Д2. Семемой Д1 в семантеме данной лексемы является семема «покои». Следует отметить, что семема Д1 данной лексемы содержит сему изучаемой тематической группы, однако при этом выходит за рамки данной минигруппы и входит в подгруппу **Здания и помещения для жилья**. В рассматриваемую нами минигруппу данная лексема входит по своей семеме Д2 «помещение специального назначения». Остальные две семемы Д2 лексемы *chamber* «кабинет адвоката» и «зал заседаний палаты парламента» также содержат семы исследуемой тематической группы лексики, но

выходят за рамки данной минигруппы и входят соответственно в минигруппы **Здания и помещения для представителей определенных профессий** и **Помещения для проведения публичных мероприятий**.

В целом, 43 лексемы данной минигруппы развиваются в своих семантиках 114 семем. Следовательно, индекс полисемантичности равен 2,66. При этом 61 семема содержит семы рассматриваемой группы. Таким образом, индекс принадлежности данной минигруппы к исследуемой группе лексики равен 53,51%.

Проведенное исследование показало, что, хотя рассматриваемые минигруппы имеют ряд совпадений, как, например, одинаковое количество лексем (43), в них имеются определенные различия. Так, английские лексемы демонстрируют большую полисемантичность, что подтверждается соответствующим индексом - 2,66. В русском языке этот индекс равен лишь 1,79. При этом отметим, что индекс принадлежности к группе в русском языке выше, чем в английском – 68,83 и 53,51 соответственно. Таким образом, практически две трети наименований специальных зданий и помещений в русском языке развиваются в своих семантиках значения, не выходящие за пределы тематической группы наименований зданий и помещений. В английском языке это верно лишь относительно половины лексических единиц, составляющих данную минигруппу. Именно в отмеченных различиях и проявляются наиболее ярко национальные особенности семантики рассмотренных наименований.

Э.Д. Хаустова
Воронеж

Лексико-семантическая группа наименований грубой обуви в русском и английском языках

Рассмотрение лексико-семантической группы наименований грубой обуви позволяет заметить, что количество наименований, используемых носителями русского и английского языков, не является одинаковым по количеству и составу.

В английском языке в значении грубой, тяжелой обуви преимущественно используется лексема *boot* (ботинок) – covering of leather or rubber for the foot and ankle, usually heavier and thicker than a shoe - *покрытие из кожи или резины для ступни или лодыжки, обычно тяжелее и плотнее туфли* (Longman Dictionary of English Language and Culture).

Если нужно конкретизировать назначение обуви, к лексеме «boot» достаточно добавить уточняющее определение. Таких составных наименований оказывается достаточно, чтобы обозначить все виды грубой, тяжелой обуви, встречающейся в обиходе у носителей английского языка. Следует заметить, что на русский язык такие сочетания могут переводиться и

как сапоги, и как ботинки. Чтобы сделать правильный перевод, необходимо знать, как выглядит обувь. В таких случаях помогают иллюстрированные словари.

Приведем примеры таких составных наименований и их перевода на русский язык, опираясь на иллюстрированные и переводные англо-русские словари. В ряде случаев лексеме «boot» соответствует русский вариант «ботинок»: *men's boots* (мужские ботинки), *hiking boots* (прогулочные ботинки), *baby's first walking boot* (детские ботинки) (см. рисунки в Oxford-Duden Pictorial English Dictionary), *football boots* (бутсы), *ankle boot* (башмак) (Lingvo 10), *rubber-soled sports boots / ski-boots* (пъексы) (Таубе), *combat boots* (солдатские ботинки), *field boots* (ботинки для работы в поле), *half-boots* (полуботинки), *overboots* (ботинки) (Concise Oxford Thesaurus). *Wellington boot* в британском варианте английского языка и *rubber boot* в американском варианте имеют значение «rubber boot which keeps water from the feet and lower part of the legs» - *резиновые ботинки, которые защищают от воды ступню и нижнюю часть ноги* (Longman Dictionary of English Language and Culture). Выражение *Mickey Mouse boots* (ботинки «Микки Маус») используется для наименования непромокаемых солдатских ботинок - части экипировки войск США в Корее (Lingvo 10).

В ряде других случаев лексеме «boot» больше соответствует русский вариант «сапог»: *winter boots* (зимние сапоги), *Western boots (cowboy boots)* (ковбойские сапоги), *pony-skin boots* (сапоги с мехом наружу), *ladies' boots* (женские сапоги), *men's high leg boots* (мужские сапоги), *heavy-duty boots* (тяжелые сапоги, грубые башмаки) (см. рисунки в Oxford-Duden Pictorial English Dictionary), *boxcalf boots* (хромовые сапоги), *tarpaulin boots* (матросские, кирзовье сапоги), *seven-league boots* (семимильные сапоги, сапоги-скороходы), *water mocassins* (болотные сапоги), *Hessian boots* (ботфорты), *gum-boots* (резиновые сапоги) (Lingvo 10), *top-boots* (высокие сапоги), *felt boots* (войлочные сапоги, валенки) (Таубе), *high / riding boot* (сапог) (Мюллер). Выражение *moon boot* употребляется в значении «a thick padded boot worn in cold weather» - *плотные мягкие сапоги, которые носят в холодную погоду*, лексема *jackboot* имеет значение «a military boot which covers the leg up to the knee» - *солдатские сапоги выше колена* (Longman Dictionary of English Language and Culture).

Хотя на русский язык лексему «boot» мы переводим и как «ботинок», и как «сапог», «boot» ближе к «ботинку». Следует учитывать, что ботинки появились в Европе к концу XIX в. в качестве практической уличной обуви из твердой кожи, застегивающейся на различного вида пряжки, ремни, шнурки, а в более позднее время – на «молнии». Особым событием было появление женских зимних ботинок и ботинок для коньков. Таким образом, сложившиеся традиции, климатические условия способствовали тому, что

ботинки стали наиболее распространенной обувью, которую в Англии носят и в межсезонье, и зимой.

Словари дают и другие, кроме *boot*, наименования для грубой обуви, правда, они являются устаревшими и редко употребляются в языке. Например, *bluchers* (короткие тяжелые сапоги) (Мюллер); *brogues* (в американском английском - мужские или женские уличные ботинки, часто украшенные накладками из кожи с декоративными дырочками и насечками; грубые рабочие башмаки из недублённой кожи) (Lingvo 10); *stogie* (в американском английском - тяжелый сапог, грубый башмак) (Мюллер); *waders* (болотные сапоги) (Lingvo 10).

Итак, в английском языке для наименования тяжелой, грубой обуви используется преимущественно лексема *boot* как отдельно, так и с уточняющими, конкретизирующими определениями. В русском языке для наименования подобных видов обуви используются не только лексемы *сапоги* и *ботинки*, но и ряд других лексем. Рассмотрим лексемы, входящие в русскую лексико-семантическую группу наименований грубой тяжелой обуви.

Безусловно, ядерными наименованиями в данной группе являются *сапоги* и *ботинки*. Причем для носителей русского языка данные виды обуви различаются по степени закрытости ноги: *сапог* – обувь с высоким голенищем (*резиновые сапоги*; *зимние сапоги*; *женские, мужские сапоги*; *болотные, охотничьи, рыбакские сапоги*; *сапоги-бронди*) (БТС); *ботинок* – обувь на шнурках, пуговицах, молнии, закрывающая ногу по щиколотку или выше (*кожаные, лакированные ботинки*; *мужские ботинки*; *лыжные, боксерские ботинки*) (БТС).

Из приведенных примеров видно, что в русском языке лексемы *сапоги* и *ботинки* могут так же, как и английская лексема *boot*, уточняться, конкретизироваться различными определениями. Однако наряду с этими наименованиями употребляются и другие.

Осташки – сапоги с высокими голенищами из грубой, обычно неокрашенной кожи с узкими носками (Новый словарь русского языка). Данная обувь шилась на кожевенном заводе в городе Осташевке. По городу-производителю обувь и получила свое наименование

Ботфорты изначально представляли собой высокие сапоги с твердыми голенищами выше колен, широким раструбом и подколенной выемкой (преимущественно у кавалеристов) (БТС). Такие сапоги носили в XVII в. После 1960 г. они вошли в моду как женская обувь – чаще всего это мягкие замшевые сапоги» (Нерсесов, 215).

Баретки – закрытые уличные туфли на шнурках или застежках [(БТС).

Башмаки. В старину башмаками называлась преимущественно женская изящная (обычно с разрезом на подъеме) обувь из кожи или ткани (бархата,

атласа), иногда на каблуке, с застежками, бантами и другими украшениями (БТС).

Боты – высокие непромокаемые или теплые ботинки, надеваемые обычно поверх другой обуви в сырую или холодную погоду. *Резиновые, суконные, фетровые боты* (БТС). Согласно словарю В.И. Даля, раньше боты представляли собой преимущественно женские полусапожки с короткими, поротыми голенищами, на завязках, застежках.

Чеботы – мужская и женская обувь, высокий башмак по щиколотки, ботики с острыми кверху носками: *Ой, чок, чок, чеботочки, здравствуйте, милые дружочки!* - песня (Даль).

Бахилы – обувь, распространенная у рыбаков и охотников: мягкие кожаные сапоги с закрывающими бедро голенищами на помочах (БТС). Бахилами также называли крестьянскую обувь, преимущественно женскую, в виде кожаных или плетенных из бересты полусапожек, спереди стягивающихся ремешками (Новый словарь русского языка).

Данные наименования обуви устарели и вышли из обихода. Однако почти все они остались в языке, но уже в качестве наименований новой обуви (как, например, ботфорты) или для обобщенного наименования грубой, не по размеру большой, неизящной обуви. Данные лексемы в ироническом ключе активно используются в современной речи. Приведем несколько примеров из словарей и из Интернета: - *Это не туфли, а настоящие бахилы.* - *Что это у тебя за чеботы?* - *Ходить в рваных башмаках.* - *Таскать отцовские башмаки* - *Фирма под названием "Пальмира" — это в частности обувь "Монарх" (магазин-склад отстойных бареток — наверняка, знаете...).* - *Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит, как на гвозде.*

Таким образом, как показало исследование, в английском языке для наименования грубой, тяжелой обуви используется преимущественно лексема *boot* или выражения с этой лексемой и уточняющими определениями, тогда как в русском языке употребляются такие лексемы, как *сапоги, ботинки, остиши, ботфорты, баретки, башмаки, боты, чеботы, бахилы.*

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – СПб.: «Диамант», 1997.
3. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь / Издательство «Русский язык» - 6-е изд. – М.: Русский язык, 1999.
4. Нерсесов Я. Путешествие в мир: Мода.– М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002.

5. Новый словарь русского языка - www.rubricon.ru
6. Таубе А.М., Литвинова А.В., Миллер А.Д. Русско-английский словарь. – М.: Русский язык, 1992.
7. ABBYY Lingvo 10. Многоязычный электронный словарь.
8. Concise Oxford Thesaurus. Second edition. Edited by Maurice Waite. Oxford University Press, 2002.
9. Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman Group UK Limited, 1992.
10. The Oxford-Duden Pictorial English Dictionary - Oxford University Press, Russki Yasyk, Moscow, 1985.

Н.М. Шишкина
Воронеж

Глаголы, обозначающие речевые реплики, в русском и английском языках

Данная статья посвящена рассмотрению и сопоставлению входящих в состав ЛСГ глаголов речевой деятельности русского и английского языков глаголов, используемых в речи для введения реплик в диалогах, а также обозначающих начало, продолжение или конец речи.

В русском языке к этой подгруппе относятся 16 глагольных лексем, таких как: *ввернуть/ввертывать, вставить/вставлять, добавить/добавлять, дополнить/ дополнять, заключить/заключать, заметить/замечать, начать/начинать, отметить/отмечать, остановить/останавливать, перебить/перебивать, подчеркнуть/подчеркивать, поправить/поправлять, прервать/прерывать, прибавить/прибавлять, продолжать/ продолжить, уточнить/уточнять*. При этом отметим, что речевое значение у данных глаголов, развившееся вследствие длительного употребления их в сочетаниях с прямой речью, не является основным (исключение составляет только глагол *перебить*).

Рассмотрим в качестве примера семантику глаголов *заметить, перебить* и *прибавить*.

Так, семантива глагола *заметить* имеет три семемы: одну денотативную и две коннотативные. Денотативная семема Д1 «увидеть, обнаружить» (...и теперь только Любовь Владимировна *заметила* его трость /В.Солоухин/) и коннотативная семема К1 «отметив в уме, запомнить, обратить внимание на кого-что-нибудь» (Я *заметил*, что он любит говорить “смешно” и “бесдурек” /В.Каверин/) не содержат семы речи. Речевой¹ же в рассматриваемой

¹ Под *речевой семемой* понимается значение многозначного слова, содержащее сему речи, под *неречевой* – значение многозначного слова, не содержащее сему речи. Под *семой речи* при этом понимается компонент семемы, отражающий акт произнесения.

семантеме является семема К1 «сказать что-нибудь, вставить в разговор» (-*На рукопашную они совсем не идут, - заметил Лаврентьев и ...вынул с сурою воинственностью из кобуры новенький пистолет ТТ /Ю.Бондарев/*).

У лексемы **перебить** тоже имеется три семемы, но речевой в данном случае, как уже отмечалось выше, является денотативная семема Д1 «прервать чью-нибудь речь» (-*А вы постараитесь выкинуть из головы, что под вами лед, - перебил его Гусинский /А.Чаковский/*). Денотативная семема Д2 «нарушить, заглушить» (**перебить** *аппетит*) и коннотативная семема К1 «перехватить у кого-нибудь, не дать другому (разг)» (**перебить** *покупку*) не содержат семы речи.

Лексема **прибавить**, чья семантема включает в себя шесть семем, является самой многозначной в данной подгруппе. Четыре денотативные семемы в рассматриваемой семантеме являются неречевыми. Это денотативная семема Д1 «сделать, причислить, положить в дополнение к чему-нибудь» (*Знаете, как пахнет тихий и холодный воздух, ...когда последняя легкая снежинка... прибавила своим крохотным кристалликом еще одну искру в зимнем лесу* /Г.Семенов/) и три семемы Д2: «увеличить размер, вес, количество, скорость чего-нибудь» (- *Воды, Власов, надо с завтрашнего дня прибавить бойцам* /Г.Марков/), «сделать шире, длиннее (какую-нибудь часть одежды)» (**прибавить** *в плечах*) и «складывая, присоединить (одно число к другому)» (к *трем прибавить два*). Обе же коннотативные семемы К1: «сказать в дополнение» (*Ему показалось, что по лицу Татаренко пробежала тень неудовольствия, и он прибавил, невольно нахмурясь: - Все остальное вас не касается* /Н.Чуковский/) и «преувеличить, сказать лишнее, неправду (разг.)» (**прибавить** *для красного словца*) содержат сему речевой деятельности.

Подводя итог описания глаголов данной подгруппы в русском языке, отметим, что общее количество семем, развивающихся 16 глаголами этой подгруппы, равно 45, при этом только 17 из них являются речевыми. Отсюда индекс принадлежности рассматриваемой подгруппы к ЛСГ глаголов речевой деятельности, т.е. отношение общего количества речевых семем, развивающихся лексемами данной подгруппы к общему количеству семем этой подгруппы, составляет 37,78 %, а индекс полисемантичности - отношение общего количества семем, развивающихся лексемами данной подгруппы, к общему количеству лексем этой подгруппы, равен 2,81.

В английском языке в подгруппу глаголов, обозначающих речевые реплики, входят 12 единиц. Это такие глагольные лексемы, как: *add, begin, conclude, continue, correct, interject, interpolate, interpose, interrupt, observe, preface, proceed*. Следует отметить, что, также как и в русском языке, речевое значение у подавляющего большинства из вышеперечисленных глаголов не является основным. Исключение составляют однозначный глагол *interject* – вставлять замечание или вопрос (“*Look,*” Richardson *interjected*, “*don't you think we should...*”/A.Hailey/ - “*Послушайте, - заметил Ричардсон, - не*

думаете ли вы, что нам нужно...") и многозначный глагол *interrupt* – прерывать, перебивать говорящего.

При этом также отметим, что из 11 многозначных лексем, включенных в рассматриваемую подгруппу, девять демонстрируют лексическую полисемию, а две лексемы: *correct* и *preface* проявляют лексико-грамматическую полисемию, представленную как в виде собственно лексико-грамматической полисемии (многозначности слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей наличие как лексической, так и лексико-грамматической производности), так и виде лексико-грамматической вариантности (многозначности слова на уровне лексико-грамматических классов слов, предполагающей лексико-грамматическую производность при идентичности лексического значения).

Так, семантина лексемы *correct* насчитывает пять семем – одну семему с лексико-грамматической вариантностью, три глагольных семемы и одну атрибутивную.

Лексико-грамматическую вариантность на уровне глагола и прилагательного проявляет неречевая денотативная семема Д1 «исправлять / правильный, верный» (*I want to correct this false impression that people have of me – Я хочу исправить это ошибочное представление, которое сложилось у людей обо мне; Make sure you use the correct address – Убедитесь, что у вас верный адрес*).

Три глагольные семемы лексемы *correct* являются денотативными семемами Д2. Это речевая семема «исправлять, поправлять говорящего» (*This time the Mouse did not bother to correct him.../J.Fowles/ - В этот раз Мыши не стала исправлять его...*) и две неречевые семемы: «нейтрализовать, устранивать (вредное влияние, дефекты и т.п.)» (*She had surgery to correct a defect in her left eye – Ей сделали операцию, чтобы устраниить дефект на левом глазу*) и «мат. преобразовать результат, производить подсчёт» (*To give an accurate figure, you will need to correct for inflation – Для того, чтобы дать точную цифру, вам надо будет произвести подсчёт с учетом инфляции*).

Сему прилагательного в рассматриваемой лексеме содержит денотативная семема Д2 «соответствующий, подходящий (о поведении, одежде)» (*correct behaviour – правильное (соответствующее) поведение*).

В качестве примера лексической полисемии приведем семантины глаголов *add* и *interrupt*.

Глагол *add* имеет три денотативные семемы. Это две неречевые семемы: семема Д1 «прибавлять, добавлять, присоединять» (*There were still people he had down to see, but he hardly expected them to add anything to the general – and generally blank – picture /J.Fowles/ - У него еще были люди для встречи, но он не ожидал, что они могут добавить что-то к общей – как правило пустой – картине*) и семема Д2 «мат. складывать» (*What do you get if you add 15 and 23? – Сколько будет, если к 15 прибавить 23?*), а также имеющая сему речи

денотативная семема Д2 «добавлять, прибавлять к высказыванию» (“...*I couldn't keep her against her will, could I?*” *she added softly* /K.Mansfield/ - “...Я не могла держать ее против воли, не так ли?” - **добавила она мягко**).

Семантина глагола *interrupt*, также как и семантина глагола *add*, имеет три семемы, но в данном случае это две денотативные и одна коннотативная. К денотативным семемам относятся речевая семема Д1 «перебивать говорящего» (“Wait,” the dealer *interrupted*. “See here, old one. Here is the answer to our problem...” /R.Dahl/ - “Подожди, - **перебил** его дилер, - Смотри сюда, старик. Это решение нашей проблемы”) и неречевая семема Д2 «прерывать, приостанавливать (ход, течение чего-либо)» (At the tennis championships, rain *interrupted* play for an hour this afternoon – Сегодня в полдень на теннисном чемпионате дождь **приостановил** игру на час). Коннотативной у глагола *interrupt* является не имеющая семы речи семема К1 «заслонять, препятствовать» (The building *interrupts* the view from our window – Здание **заслоняет** вид из нашего окна).

Общее количество семем, развивающихся 12 лексемами рассматриваемой подгруппы, равно 35, при этом всего 12 из них имеют семы речи. Таким образом, индекс принадлежности подгруппы глаголов, обозначающих речевые реплики, к ЛСГ глаголов речевой деятельности в английском языке составляет 34,29%, а индекс полисемантичности равен 2,92.

Рассмотрение подгрупп глаголов, обозначающих речевые реплики, в русском и английском языках показало, что они в сравниваемых языках имеют больше сходств, чем различий. В данных подгруппах отмечаются приблизительно одинаковые индексы полисемантичности и индексы принадлежности к исследуемой лексико-семантической группе.

И в русском, и в английском языках рассматриваемые подгруппы представлены, в основном, только многозначными глагольными лексемами, что и объясняет достаточно высокие индексы полисемантичности этих подгрупп: 2,81 и 2,92 соответственно. Исключение составляет однозначный английский глагол *interject*.

Отметим также, что в обоих языках речевое значение практически у всех многозначных глаголов не является основным. Исключение составляют русский глагол **перебить** и его английский эквивалент, глагол *interrupt* – **прерывать, перебивать говорящего**. Отсюда в обеих исследуемых подгруппах отмечаются низкие индексы принадлежности к ГСГ глаголов речевой деятельности: 37,78 %, и 34,29% соответственно.

Как показало проведенное исследование, глагольные лексемы подгруппы глаголов, обозначающих речевые реплики, как в русском, так и английском языках характеризуются большой степенью развитости полисемии. При этом многозначные глагольные лексемы русского языка проявляют только лексическую полисемию, в то время как некоторые английские многозначные

лексемы демонстрируют не только лексическую, но и лексико-грамматическую полисемию.

И. Ю. Вострикова

Воронеж

Национальная специфика общих наименований трудовой деятельности в лексико-семантических полях «Трудовая деятельность» глаголов русского и английского языков

Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с другим конкретным языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку. Как отмечают И.А. Стернин и К. Флекенштейн, “национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения” (Стернин, Флекенштейн, с.23).

Национальная специфика структурной организации лексики проявляется:

- в количестве единиц, образующих группу (поле);
- в наборе и количестве подгрупп;
- в степени наполненности отдельных подгрупп;
- в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области (см. Попова, Стернин, с. 39).

Сопоставление одноименных языковых микросистем (полей) в разных языках позволяет выявить национальную специфику структурной организации лексики в исследуемых языках и описать национальную картину мира разных народов.

В качестве примера приведем группу общих наименований трудовой деятельности в лексико-семантических полях «Трудовая деятельность» русского и английского языков.

Так в русском языке группа «Общие наименования трудовой деятельности» представлена семью лексемами: *делать/сделать, зарабатывать/заработать, поработать, потрудиться, производить/произвести, работать, трудиться*. Все перечисленные глагольные лексемы характеризуют умственно-физическую трудовую деятельность, поскольку нейтральная семантика данных глаголов не позволяет выявить в них конкретные признаки либо умственной, либо физической трудовой деятельности.

Две глагольные лексемы рассматриваемой группы *зарабатывать, поработать* являются однозначными, остальные пять демонстрируют достаточно развитую полисемию.

Четыре лексемы данной группы (*зарабатывать, поработать, потрудиться, трудиться*) входят в нее по семеме Д1, три лексемы входят в нее по семемам Д1 и Д2. Это лексемы *работать* (по семеме Д1 «заниматься делом, трудиться» и четырем семемам Д2 «трудясь создавать», «занимаясь трудом, обеспечивать или обслуживать кого-то», «управлять, действовать инструментом», «делать, изготавлять что-то»), *делать* (по семеме Д1 «изготавлять, производить» и по семеме Д2 – «заниматься чем-либо, работать») и *производить* (по семеме Д1 «сделать, совершиить что-либо», а по семеме Д2 – «выработать, изготворить»).

В целом лексемы данной группы глаголов развиваются 22 семемы, из которых 13 содержат сему трудовой деятельности. Таким образом, индекс принадлежности данной группы к полю равен 59 %. (Под индексом принадлежности вслед за Н. М. Шишкиной понимается отношение всех семем лексем данной группы с семой трудовой деятельности, к общему количеству семем лексем данной группы - см. Шишкина).

В английском языке в ЛСП «Трудовая деятельность» группа «Общие наименования трудовой деятельности» представлена 30 глагольными лексемами, характеризующими умственно-физическую трудовую деятельность: *act, apparel, busy, char, climb, co-work, do, down-grade, equip, execute, free-lance, function, functionate, implement, jackal, job, labour, lucubrate, make, manufacture, organize, perform, prepare, produce, profess, prosecute, realize, serve, swink, work*.

Четыре лексемы данной группы являются однозначными (*co-work* – «работать совместно, сотрудничать», *functionate* – «функционировать, действовать», *jackal* – «выполнять неприятную работу», *swink* – «работать, трудиться»), остальные лексемы демонстрируют достаточно развитую полисемию.

Исследуемая группа включает 21 лексему по семеме Д1 (*act* – «работать, действовать», *execute* – «выполнять, осуществлять работу», *labour* – «трудиться, работать», *manufacture* – «производить, изготавливать», *perform* – «выполнять, делать работу», *work* – «работать, трудиться» и др.).

Три лексемы (*apparel* – «снаряжать, оборудовать для работы», *produce* – «производить, вырабатывать», *profess* – «заниматься деятельностью, работать») входят в данную группу по семеме Д2.

Пять лексем входят в рассматриваемую группу по семемам Д1 и Д2 (*do* – по семеме Д1 «делать, заниматься, работать», по семеме Д2 – «осуществлять, творить, делать», *function* – по семеме Д1 – «функционировать, действовать, работать», по семеме Д2 – «выполнять работу, исполнять обязанности», *job* – по семеме Д1 – «работать сдельно», по семеме Д2 – «брать случайную работу», *prepare* – по семеме Д1 – «подготавливать к работе, действию», по семеме Д2 – «оснащать, экипировать для работы»,

serve – семеме по Д1 «служить, работать служой», по семеме Д2 – «работать, состоять на службе»).

Лексема *climb* входит рассматриваемую группу по семеме К1 «делать карьеру».

Интересно, что 18 лексем исследуемой группы развиваются в своих семантиках семемы с семой трудовой деятельности, которые относятся к другим структурным единицам поля. Это лексемы *act, apparel, char, execute, job, labour, lucubrate, make, manufacture, organize, perform, prepare, produce, profess, prosecute, realize, serve, work*.

Для примера приведем лексему *work*, семантина которой состоит из 11 семем, шесть из которых развиваются сему трудовой деятельности и входят в пять структурных единиц исследуемого поля. Так, по семеме Д1 «работать, трудиться» эта лексема входит в группу «Общие наименования трудовой деятельности», по семемам Д2 «измучить работой» и «отрабатывать трудом» она входит в минигруппу «Характеристика трудовой деятельности по интенсивности», по семеме Д2 «управлять механизмами» - в микрогруппу «Управление механизмами», по семеме Д2 «обрабатывать, разрабатывать» - в микрогруппу «Трудовая деятельность, связанная с тяжелым физическим трудом», а по семеме Д2 «заниматься рукоделием» - в микрогруппу «Традиционно домашняя трудовая деятельность».

Максимальное число структурных единиц поля, в которые входит одна лексема данной группы по разным семемам – семь. Данная тенденция свидетельствует о высокой степени полисемантичности английских глаголов в пределах всего ЛСП «Трудовая деятельность».

В целом, 30 лексем данной группы в английском языке развиваются в своих семантиках 134 семемы, из которых 68 семем содержат сему трудовой деятельности, следовательно, индекс принадлежности к полю равен 51%.

Особенности национально-языковой специфики общих наименований трудовой деятельности в лексико-семантических полях «Трудовая деятельность» русского и английского языков проявляются, прежде всего, в количестве единиц, входящих в эти поля – 7 в русском языке и 30 – в английском.

Более половины глагольных лексем, обозначающих общие наименования трудовой деятельности в английском ЛСП развиваются в своих семантиках семемы с семой трудовой деятельности, которые относятся к разным структурным единицам поля. Среди общих наименований трудовой деятельности в русском языке такого явления не наблюдается.

Отметим, что группы глаголов «Общие наименования трудовой деятельности» в лексико-семантических полях «Трудовая деятельность» русского и английского языков представляют особый интерес, так как нейтральное семантическое наполнение в контексте «трудовая деятельность» лексем, входящих в них, позволяет определить этим группам центральное

месторасположение в поле. Несомненно, что такие единицы групп как *делать, производить, работать, трудиться* формируют ядро ЛСП «Трудовая деятельность» русского языка, а *do, functionate, job, labour, make, organize, perform, produce, work* входят в ядро ЛСП «Трудовая деятельность» английского языка.

Литература

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2002.
2. Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. – Галле: ун-т Мартина Лютера Галле, 1989.
3. Шишкина Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2004.

Л. Н. Дудкина
Воронеж

Ядро лексико-фразеологического поля «Способы приготовления пищи» в русском и английском языках

ЛФП «Способы приготовления пищи» в русском и английском языках - довольно большая и хорошо структурированная группа. В результате проведенного анализа в ЛФП русского языка выявлено не менее 70, а английского – 170 лексем. В русском языке составляющие поле лексемы распределены по 12 парцеллам, а в английском – по 16, в рамках которых они расслаиваются на лексемы ближней, дальней и крайней периферии. Отбор лексем осуществлялся методом сплошной выборки из произведений русскоязычных и англоязычных авторов, кулинарных книг, современных словарей русского и английского языков, а также путем опроса информантов.

Ключевыми лексемами, которые располагаются в центре рассматриваемого поля в русском языке, являются лексема ГОТОВИТЬ (непереходный глагол), и его разговорный синоним СТРЯПАТЬ:

ГОТОВИТЬ/сготовить/приготовить - делать готовым к употреблению (кушанье):

С некоторых пор увлекся кулинарным искусством. Купил несколько поваренных книг. Готовил строго по рецептам, не по-женски шаляй-валяй. (Грекова)

А жизнь тем временем становилась скучнее, строже. Электричество гасло чаще: «забастовка». Трамваи останавливались с поникшими дугами. То

одного не хватало, то другого. Отпустили кухарку. Мама стала готовить сама. Говорила: «Было б из чего». Пока что – было. (Грекова)

СТРЯПАТЬ (разг.) – готовить, приготовлять (варить, жарить и т.п.) кушанье. Выпекать какие-либо кушанья из муки и других продуктов (пельмени, пирожки):

Как-то само собой получилось, что после смерти жены, похорон, соболезнующих визитов, когда все это склынуло, Энэн оказался целиком на попечении Дарьи Степановны. Она заправляла всем в доме: покупала ему одежду, обувь, стирала и стряпала, ведала квартирной платой, счетами за газ и электричество. (Грекова)

Сели за стол. Никитину строго-настрого приказано было состряпать такой обед, какой только у исправника в его именины он готовит. И Никитин в грязь лицом не ударил. (Мельников)

В ядре поля группируются 4 лексемы, архисема их семем отвечает архисеме поля с наиболее общим значением «доводить продукт до готовности», плюс добавляется дифференциальная сема «способ»: ВАРИТЬ, ЖАРИТЬ, ПЕЧЬ, ТУШИТЬ:

ВАРИТЬ, а так же приставочные глаголы *отварить, заварить, наварить, выварить, уварить, переварить, разварить, обварить* - приготавливать (пищу, питье) на огне, на жару кипячением; готовить (кашу, варенье, кофе, брагу, суп, обед, ужин, картофель, мясо):

Маса соорудил изысканный завтрак: заварил чудесного ячменного чая; разложил на деревянном блюде кусочки молодой сколопендры, желтую икру уни, прозрачные ломтики ика; красиво аранжировал маринованные сливы и соленую редьку; отварил самого дорогого рису и посыпал его толчеными морскими водорослями... (Акунин)

В это же самое время сестра ее, Астра, сидела в тесной киевской квартирке и пила чай со своей троюродной, а может, и четвероюродной сестрой – учительницей, которую сроду не знала, но вот нашла по цепочке. Новая родственница, конечно, удивилась, но чай заварила свежий и теперь смотрела на Астру круглыми, через край проливающимися любопытством глазами. (Щербакова)

ЖАРИТЬ и приставочные глаголы - *изжарить, зажарить, нажарить, обжарить, пережарить* - приготавливать (мясо, рыбу, картофель, семечки, кофе и т.д.), подвергая действию жара без воды:

– Щук дарю, кушай их на здоровье, а леща мы зажарим, – молвил Петр Степаныч. (Мельников)

Во всей этой сутолоке двигались два друга. Соблазны возникали на каждом шагу. В крохотных обжорочках на виду у всей улицы жарили шашлыки карские, кавказские и филейные. Горячий и пронзительный дым восходил к светленькому небу. (Ильф и Петров)

ПЕЧЬ и приставочные глаголы *выпекать, запекать* - приготовлять пищу сухим нагреванием, прокаливанием на жару (пироги, хлеб, яйца, в костре картошку):

У семейных жизнь легче: пока хозяин работает, баба дома сидит, по хозяйству поворачивается, за печью досматривает. Варит. Печет. Мусор метет. (Толстая)

Мы махнули рукой на диеты и принялись опять самозабвенно истреблять сладкие булочки, выпекаемые кухаркой в невероятных количествах. (Донцова)

ТУШИТЬ/стушить и приставочный глагол *протушить* - варить на медленном огне в закрытой посуде в собственном соусе (овощи, баранину, капусту):

Ирина, прожившая всю жизнь если не в нищете, то в большой скучости, увлеченно занималась богатой стряпней: продуктов было вдосталь, даже с избытком, и она пекла, варила и тушила с большим размахом, совершенно в стиле Елизаветы Ивановны. (Улицкая)

Шпинат сварить в кипящей воде, а щавель отдельно туширить в закрытой кастриюле. (Покровский)

Приставки акцентируют различные фазы и детали созидания кулинарного изделия (сварить – отварить); увеличение количества блюд, кушаний (наварить, нажарить, напечь); указывают на стилистические различия (приготовить - лит. форма, готовить – разг.) и т.д.

Итак, центр русского ЛФП – лексемы «готовить» и «стрипать», в ядре поля находятся лексемы «варить», «жарить», «печь», «тушить».

В английском языке ключевая лексема в рассматриваемом ЛФП – это глагол TO COOK, имеющий основное, наиболее абстрактное значение: to cook a meal or cook a particular vegetable, meat, etc. - приготовить пищу или приготовить какой-либо овощ, мясо и т.д.:

He took it into his head, therefore, to tell the girl he couldn't see her because his sister had turned up unexpectedly for the evening and he had to entertain her, adding wildly that he also had to watch some videos for work before morning; at which point the girl reminded him that he'd told her that he didn't have any brothers or sisters and suggested he come and watch the videos at her place while she cooked him supper. (Fielding)

“She had everything: beauty, brains, money, talent“.

“She couldn't cook,” I interrupted.

“She cooked Nigerian food superbly,” said my mother, Jo Jo's biggest fan. (Townsend)

Вокруг центра поля группируются ядерные лексемы: BAKE, BOIL, BRAISE, BROIL, CONCOCT, FRY, GRILL, ROAST, SIMMER, STEW, TOAST.

TO BAKE (to cook (food) by using direct heat in an oven) - готовить еду, используя жар духовки, печь:

*Grannie put on her white apron and got out the big bowl, and **baked** the mouth-watering scones and pancakes in case anybody dropped in for tea. (Weir)*

*In the office cupboard was a large uncut fruit cake which Helen had just **baked** to go with the cups of coffee we snatched between visits. I put it on a plate with a knife and took it up to the flat. (Herriot)*

TO BOIL (hard-boil) (to cook food in water at 100 C) - готовить пищу в воде при 100 C:

*My problem, Mr. Smith, is that position at Hoi Polloi does not require that I have any culinary skills. I simply defrost, **boil**, fry or warm up pre-cooked food. I literally cannot, satisfactorily, **boil** an egg. (Townsend)*

TO BRAISE (to cook (meat or vegetables) slowly in fat and a little liquid in a covered dish) – готовить мясо или овощи медленно в небольшом количестве жидкости в закрытой посуде, тушить мясо:

*Hares may be roasted, fricassee or **braised**. (The Hostess Cookbook)*

BROIL (ам.) - when you broil food, you grill it - жарить на гриле, жарить на огне:

*Her meal is a more thought-out affair than Janice's ever are, with a spice clear sort of minestrone soup to begin, and a salad on a separate plate, and a fresh white fish, **broiled** on the stove grill attachment that Janice never takes the trouble to use. (Updike)*

*Turn on broiler. Place muffin halves on broiler pan. **Broil** until hot, about 5 minutes. (Kids Cooking, a guide for beginners)*

TO CONCOCT (to make smth. by mixing or combining parts) - сделать что-либо, смешав или соединив части:

*Professor Snape has very kindly **concocted** a potion for me," he said. "I have never been much of a potion-brewer and this one is particularly complex. (Rowling)*

*Kaelin's Restaurant in Louisville, meanwhile, claims to **have concocted** and named the first cheeseburger in 1934... (Bryson)*

TO FRY (to cook or be cooked in hot fat or oil) - готовить в горячем жиру или на масле, жарить:

*He was gone upstairs when I came back and Hickey and I **fried** some cold cabbage with the rashers and it was delicious. (O'Brien)*

*My problem, Mr. Smith, is that position at Hoi Polloi does not require that I have any culinary skills. I simply defrost, **boil**, **fry** or warm up pre-cooked food. (Townsend)*

TO GRILL (to cook food by putting it close to very strong heat) - готовить еду, поместив ее близко от очень сильного жара/пламени, жарить на гриле:

*A chef was **grilling** steaks over a charcoal fire. (Dahl)*

*A very young chicken is usually **grilled**, fried or baked. (The Hostess Cookbook)*

TO ROAST (to cook (food) a) by using heat in or from a fire b) by baking uncovered in an oven c) by burning until dry, under direct heat d) by cooking on hot coals - готовить (пищу) а) используя жар в/от пламени, б) выпекая без крышки в духовке, в) обжигая жаром, пока не высохнет, г) путем приготовления на горячих углях:

If you are a tomato addict, like me, and you think that good bread dipped into fruity olive oil and tomato juices is the food of the gods, then roast the tomatoes first and you'll agree that the gods have excelled themselves. (Smith)

This is where any kind of education could be useful," Frank said. "The longer you roast a bean, the greater the reduction of caffeine. (Frankel)

TO SIMMER (to (cause to) cook gently in liquid at or just below boiling point) - готовить (на медленном огне) в жидкости при температуре кипения чуть ниже 100 градусов С, кипятить на медленном огне:

When the recipe says to simmer, cook the food over low heat so the bubbles that rise to the top are slow and lazy-like. (Kids Cooking, a guide for beginning cooks)

TO STEW (to cook in a covered container over a longer period) – готовить в накрытой крышкой посуде в течение длительного времени, тушить, варить (мясо или рыбу с овощами):

Brisket: A fatty joint but with a good flavour; sold on and off the bone. Slow roast, braise or stew; often salted for boiling. (The Hostess Cookbook)

First the turkey giblets are stewed for 24 hours ... (Townsend)

TO TOAST (to make (bread, cheese, etc.) brown by placing it close to heat) – подрумянивать на огне, поджаривать (обычно - хлеб, булочку):

When the top of the range was covered with pots, and Granny wanted to make a bit of ham and eggs for my mother coming in from work, she would lay strips of ham in a shallow baking tin, carefully break an egg over them, and then prop the tin at just the correct angle in front of the glowing fire, to let everything grill evenly. What a delicious smell would waff through the kitchen, and how fascinating we children found this method of cooking, watching with bated breath the tiny bubbles forming as the bacon took the heat of the fire, and the egg slowly firmed but never overcooked. And, of course, we toasted our bread at the glowing bars, and were warmed through and through at the same time. (Weir)

They were in Will's kitchen, toasting crumpets under the grill; it was a Thursday afternoon routine they'd got into. (Hornby)

Итак, центром английского ЛФП является лексема COOK, вокруг группируются 11 ядерных лексем: BAKE, BOIL, BRAISE, BROIL, CONCOCT, FRY, GRILL, ROAST, SIMMER, STEW, TOAST.

Как показал анализ, ядерные лексемы рассматриваемого ЛФП в русском и английском в большинстве своем являются прямыми соответствиями, напр.: TO BAKE – печь; TO BOIL – варить; TO BRAISE – тушить; TO FRY – жарить; TO STEW – тушить. Имеются также некоторые векторные соответствия, напр.: ВАРИТЬ ПИВО – brew beer; ВАРИТЬ ВКРУТУЮ – to

hard-boil; ВАРИТЬ ОБЕД – to cook dinner. Наблюдаются также случаи, когда, при наличии и в русской, и в английской национальных кухнях одних и тех же способов готовить, имеются различия в номинации этих способов – лексема или ЛФ сочетание: TO GRILL – жарить на гриле; TO SIMMER – варить на медленном огне. Глагол TO CONCOCT интересен тем, что он не имеет в русском языке соответствий, и для многих носителей английского языка часто ассоциируется со сказочным контекстом приготовления магических зелий и напитков ведьмами.

Раздел 4. Сопоставительные исследования концептосфер

И.А.Стернин
Воронеж

Challenge и вызов – новый концепт в русской концептосфере?

В публицистическом стиле русского языка в последние годы стало часто употребляться слово *вызов* в новом для русского языка значении – для обозначения некоторых важных проблем, требующих неотложного решения: *Необходимо ответить на вызовы нового времени, Ответы на вызовы современности, Современный мир и новые вызовы* и под.

Новое употребление слова *вызов* в данном случае – калька с английского challenge. Среди переводчиков бытуют разные точки зрения на правомерность подобного перевода – одни полагают, что калька – неудачный вариант перевода, другие считают, что это наиболее подходящий вариант передачи соответствующего концепта на русский язык.

Представляется, что этот вопрос можно решить, определив, возникает ли в русском сознании новый концепт в связи с таким словоупотреблением, или нет (и, соответственно, требует ли он тогда нового, собственного обозначения).

Вопрос о наличии или отсутствии концепта в национальной концептосфере – один из труднейших вопросов не только переводоведения, но и контрастивной лингвистики, а также когнитивной лингвистики.

Как справедливо отмечает В.И. Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик, с.112).

Безэквивалентные концепты в принципе обнаруживаются через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия

концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими русские безэквивалентные концепты: *авось, духовность, интеллигенция, непротивление, пошлость, порядочность, смекалка, разговор по душам, выяснение отношений, соборность*.

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англо-саксонского мира: *life quality, privacy, self, quality time, tolerance, political correctness, fun, fortnight, challenge, efficiency, dignity, fair play, etc.*

Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность – не обязательно показатель безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский национальный концепт *ling shi* «нулевая еда» (например, семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть, но является невербализованным (мы понимаем, что такая еда есть, что это не «настоящая еда», говорим «Разве это еда?»), но у нас нет отдельной специализированной языковой единицы для ее обозначения, хотя китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа. При этом анализ номинативного поля концепта остается основным, базовым средством анализа безэквивалентности концепта.

Рассмотрим с этой точки зрения концепт *вызов* в русской концептосфере. Зададимся вопросом: есть ли в англо-американской концептосфере особый национальный концепт *challenge*?

Лексема *challenge* в английском языке является ключевым словом-репрезентантом соответствующего концепта. Слово *challenge* давно существует в английском языке (глагол с 13-го, существительное - с 14 века). Данное слово многозначно, имеет развитую полисемию как в субстантивной, так и в глагольной форме.

Так, в Большом англо-русском словаре под редакцией Ю.Д.Апресяна приводятся следующие значения:

I.

1. 1) вызов (на состязание, соревнование 2) вызов на дуэль; картель - to address a challenge to smb. - послать кому-л. вызов (на дуэль); to have a challenge delivered [carried, brought] by a second - послать [передать, получить] вызов через секунданта

2. сомнение; постановка под вопрос - to bring smth. into challenge - поставить что-л. под сомнение; бросить тень сомнения на что-л.; to bring smb.'s title into challenge - оспаривать чьё-л. право; a challenge of the premises of an argument - возражения против предпосылок рассуждения

3. 1) испытание, проба (своих) сил; напряжение сил; нечто требующее мужества, труда - my new job is not easy but it's a challenge - моя новая работа нелегка, но для меня это будет проба сил; 2) сложная задача; проблема: the challenge of a nuclear age - задачи, которые ставит перед нами ядерный век - to issue the challenge - ставить задачу; to meet the challenge - оказаться на высоте

4. 1) отвод присяжного заседателя; peremptory challenge - отвод присяжных заседателей без указания причины; challenge to the array - отвод всего жюри; challenge to the polls - отвод отдельных присяжных заседателей; challenge to the favour - отвод по мотивам заинтересованности/знакомства/; to uphold [to overrule] the challenge - удовлетворить [отклонить] отвод 2) возражение (против чего-л.) в ходе процесса

5. 1) недопущение избирателя к голосованию 2) требование об аннулировании избирательного бюллетеня или результатов голосования - the election of a new government was met by a challenge from its opponents - противники нового правительства требовали считать недействительным его избрание

6. претензия, притязание - challenge of superiority - притязание на превосходство; to lay challenge to smth. - предъявлять претензию на что-л.

7. опознавательные (сигналы) 8. оклик (часового) to give the challenge - окликать 9. контрольное, проверочное заражение вакцинированных животных 10. лай собак, дающий знать, что они напали на след

П.

1. (to) 1) вызывать (на дуэль); бросать вызов 2) вызвать на соревнование - to challenge smb. to run a race - вызывать кого-л. на соревнование по бегу

2. 1) сомневаться; отрицать - to challenge smb.'s knowledge - сомневаться в чьих-л. знаниях, ставить под вопрос чью-л. осведомлённость 2) оспаривать, подвергать сомнению - to challenge the accuracy of a statement - оспаривать правильность утверждения; to challenge the wisdom of a procedure - выражать сомнение в целесообразности какой-л. процедуры

3. требовать (усилий) - this job will challenge your abilities - эта работа будет испытанием ваших способностей/должна показать, на что вы способны/; this event challenges an explanation - это событие требуется объяснить

4. 1) отводить, давать отвод 2) отводить присяжного заседателя 3) возражать (против чего-л. в процессе)

5. 1) давать отвод избирателю (как не имеющему права голоса) 2) требовать признания недействительным избирательного бюллетеня или результатов голосования

6. окликать (о часовом); спрашивать пропуск, пароль

7. показывать опознавательные знаки

В англо-русском словаре К. Мюллера находим:

challenge 1. noun 1) вызов (на состязание, дуэль и т. п.) 2) оклик (часового) 3) сложная задача, проблема 4) мор. опознавательные (сигнал) 5) юр. отвод (присяжных)

2. v. 1) вызывать, бросать вызов 2) сомневаться, отрицать - the teacher challenged my knowledge - учитель усомнился в моих знаниях 3) оспаривать; подвергать сомнению - to challenge the accuracy of a statement - оспаривать правильность утверждения 4) требовать (внимания, уважения и т. п.) 5) окликать (о часовом); спрашивать пароль, пропуск 6) мор. показывать опознавательные 7) юр. давать отвод присяжным

В словаре Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 11th Edition (2003) интересующее нас слово представлено следующими значениями:

I. verb (challenged; challenging) transitive verb 1. to demand as due or deserved ; require < an event that challenges explanation > 2. to order to halt and prove identity < the sentry challenged the stranger > 3. to dispute especially as being unjust, invalid, or outmoded ; impugn < new data that challenges old assumptions > 4. to question formally the legality or legal qualifications of < challenge a juror > 5. a. to confront or defy boldly ; dare < he challenged his critics to prove his guilt > b. to call out to duel or combat c. to invite into competition < he challenged his brother to a tennis match > 6. to arouse or stimulate especially by presenting with difficulties < she wants a job that will challenge her > 7. to administer a physiological and especially an immunologic challenge to (an organism or cell

intransitive verb 1. to make or present a challenge 2. to take legal exception • challenger noun

II. noun 1. a. a summons that is often threatening, provocative, stimulating, or inciting ; specifically a summons to a duel to answer an affront b. an invitation to compete in a sport 2. a. a calling to account or into question ; protest b. an exception taken to a juror before the juror is sworn c. a sentry's command to halt and prove identity d. a questioning of the right or validity of a vote or voter 3. a stimulating task or problem < looking for new challenges > 4. the act or process of provoking or testing physiological activity by exposure to a specific substance ; especially a test of immunity by exposure to an antigen

В Оксфордском словаре синонимов (The Oxford Thesaurus - An A-Z Dictionary of Synonyms - Lingvo 10.0 English-Russian Edition.Version 1.5 11/03/2005) приводятся следующие значения слова challenge:

1. question, dispute, defy, object to, take exception to, contest, doubt, call into doubt, call into or to question, impugn: I challenge the validity of your accusation.
2. invite, dare, summon, call out, provoke: The duke was challenged to a duel.
3. brave, dare, confront, defy, contest: We could challenge criticism with an easy confidence.
4. question, dispute, doubt: His opinions are open to challenge.

5. invitation, dare, summons, provocation, confrontation, defiance; ultimatum: An older opponent might not have issued such a challenge.

6. problem, demand, stimulation, trial, test: Are you sure that Mr. Wilson will be able to meet the challenge of the new position?

У слова *challenge* имеется словообразовательный ряд *challenge* - to *challenge* – *challenger*, значения слова имеют обширные синонимические ряды (ср. приведенные выше примеры).

Таким образом, слово *challenge* парадигматически хорошо освоено системой английского языка. Оно относится к частотной лексике, что означает, что номинируемый ею концепт обладает рекуррентностью, а значит – актуальностью для национального сознания. Все это показывает, что лексема *challenge* номинирует устойчивый концепт англоязычной концептосферы.

Существует ли аналогичный концепт в русской концептосфере?

Трудности перевода концепта *challenge* на русский язык позволяют в этом усомниться. Что касается используемого в последнее время для передачи английского концепта *challenge* слово *вызов*, то оно не имеет в своей семантической структуре адекватного значения.

Сопоставим русские значения слов *вызов*, *вызвать* (Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова):

Вызвать

1. офиц. куда-нибудь, откуда-нибудь. Попросить, пригласить, потребовать показаться, явиться. - В. врача. В. родителей телеграммой. В. в школу, на работу. В. к телефону. В. из зала, из отпуска. В. артиста (аплодисментами попросить выйти на сцену еще раз). Вызвать ученика к доске (отвечать урок). В. духов (на спиритических сеансах, при гадании и т.п.). В. на ковер.

2. Призвать, побудить к каким-либо действиям - В. на бой, на поединок, на соревнование. В. бороться. В. на разговор, на объяснение, на откровенность. В. на спор, на ссору, на скандал (спровоцировать).

3. Только 3 л. Воздушить, породить, явиться причиной чего-л. - В. в сознании какой-либо образа. В. к жизни какое-л. явление, событие. Фильм вызвал много откликов, шутка вызывала улыбку. Доклад вызвал интерес. Чем вызван ваш гнев?

Вызов

1. К вызвать (1-2 зн.) - В. врача на дом. В. свидетелей. В. родителей в школу. В. «скорой помощи». В. на дуэль.

2. Офиц. Документ, содержащий требование, предложение, просьбу прибыть куда-нибудь - Прислать в. на конференцию. Получить в. из-за рубежа.

3. Стремление, готовность вступить в борьбу и т.п. (выражение во взгляде, голосе, действиях и т.п.) - В. коллективу, общественному мнению. Откровенный, прямой, дерзкий в. С вызовом посмотреть на кого-либо. Бросить В. кому-л. (о поступке, идущем вразрез с общепринятыми нормами).

Из всех значений английского глагола *challenge* нас в данной статье интересуют следующие значения:

- 1) испытание, проба (своих) сил; напряжение сил; нечто требующее мужества, труда: *my new job is not easy but it's a challenge* - моя новая работа нелегка, но для меня это будет проба сил; 2) сложная задача; проблема: *the challenge of a nuclear age* - задачи, которые ставит перед нами ядерный век; *to issue the challenge* - ставить задачу; *to meet the challenge* - оказаться на высоте. (Апресян)

- требовать (усилий) *this job will challenge your abilities* - эта работа будет испытанием ваших способностей/должна показать, на что вы способны/; *this event challenges an explanation* - это событие требуется объяснить (Апресян)

- сложная задача, проблема (Мюллер)

- a. to confront or defy boldly; dare < he challenged his critics to prove his guilt >
b. to call out to duel or combat c. to invite into competition < he challenged his brother to a tennis match > (Merriam-Webster's Collegiate Dictionary)

- a stimulating task or problem < looking for new challenges > (Merriam-Webster's Collegiate Dictionary)

- invitation, dare, summons, provocation, confrontation, defiance; ultimatum: An older opponent might not have issued such a challenge. (The Oxford Thesaurus - An A-Z Dictionary of Synonyms)

Как видно из словарной дефиниции слова *вызов* в русском языке, интересующее нас значение слова *challenge* в русском языке соответствия в слове *вызов* не имеет, и перевод его словом *вызов* является новым явлением для русского слова, семантическим неологизмом.

Рассмотрим, как значения английского *challenge* передаются на русский язык русскими двуязычными словарями. Обратимся к словарю Ю.Д. Апресяна, в котором наиболее полно представлена смысловая структура английского слова. Английские значения передаются следующими единицами метаязыка:

1. вызов на состязание, соревнование; 2. вызов на дуэль; 3. постановка под вопрос; 4. испытание, проба (своих) сил; напряжение сил; 5. сложная задача, проблема; 6. отвод присяжного заседателя; 7. недопущение избирателя к голосованию; 8. требование об аннулировании избирательного бюллетеня или результатов голосования; 9. претензия, притязание; 10. опознавательные сигналы; 11. оклик часового; 12. лай собак, дающий знать, что они напали на след.

Значения 7, 8 и 12 можно рассматривать как безэквивалентные для русского языка – они передаются свободными словосочетаниями. Остальные передаются лексемами или устойчивыми сочетаниями слов и должны быть признаны межъязыковыми соответствиями.

Вопрос возникает относительно значений 3 и 4 - *постановка под вопрос и испытание, проба (своих) сил; напряжение сил*. Первое является в целом искусственным сочетанием – в русском языке есть устойчивое сочетание *ставить под вопрос*, но субстантивная форма является конструктом; второе значение передано группой синонимов, что обычно является свидетельством неточного, приблизительного перевода. Эти факты дают основание присмотреться к этим значениям на предмет анализа их безэквивалентности.

И они действительно являются таковыми. Именно эти значения (см. приведенные словарные толкования из разных словарей) передаются в русском языке калькой *вызов*, что подтверждает ощущаемую переводчиками неадекватность предлагаемых словарями переводных соответствий.

При этом русское слово *вызов*, как ясно из приведенных толкований, соответствующего английскому значения не имеет.

Если проанализировать попытки перевода концепта *challenge* различными лексемами и словосочетаниями в двуязычных словарях, то вырисовывается следующая картина. Значения этих номинативных средств репрезентируют следующие когнитивные признаки: *испытание, проба (своих) сил, напряжение сил; сложная задача; проблема; проба сил; требовать (усилий); нечто требующее мужества, труда; ставить задачу; оказаться на высоте; испытание способностей; показать, на что вы способны; сложная задача, проблема*.

Английские толкования исследуемых значений предлагают следующие единицы метаязыка: *to confront or defy boldly; to arouse or stimulate especially by presenting with difficulties; a stimulating task or problem; brave, dare, confront, defy, contest; invitation, dare, summons, provocation, confrontation, defiance; ultimatum; problem, demand, stimulation, trial, test*.

Анализ приведенных лексических единиц, образующих номинативное поле интересующего нас концепта, показывает, что концепт *challenge* в том аспекте, в котором он представлен этими языковыми единицами, очерчивает примерно следующую содержательную область:

некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляемая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при ее решении.

В современном употреблении в публицистике это содержание, по нашим наблюдениям, приобретает дополнительные признаки – это *общественный*,

часто глобальный характер проблемы, большое общественное значение решения этой проблемы, ее новизна и высокая актуальность для общества.

В совокупности названных когнитивных признаков данный концепт не имеет в русском языке номинативного обозначения, и перевод его калькой *вызов* представляется вполне оправданным. Данный концепт существует в англо-американской концептосфере, репрезентируется ключевой лексемой-репрезентантом *challenge* и через кальку *вызов* передается в русском языке, что ведет к формированию данного концепта в русской концептосфере и формированию нового значения в смысловой структуре русского слова *вызов*.

Таким образом, концепт *вызов* отсутствует в русской концептосфере и формируется в ней в настоящий момент. Соответственно, новый концепт требует самостоятельного обозначения, и употребление лексемы *вызов* мотивировано обеспечивает языковую объективацию формирующегося концепта.

Концепт *вызов* может быть сформулирован следующим образом:

новая сложная личная или общественная проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям или обществу проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте и справиться с ней.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг. - М.: Гнозис, 2004.

В.В. Сычёва, Л.В. Лаенко
Воронеж

Национальная специфика репрезентации концепта «близкий» в семантическом пространстве русского и английского языков

Как известно, выявление концептуального содержания того или иного мыслительного образа предполагает классификацию и анализ всех типов языковых средств – от слова до текста. Руководствуясь в разработке проблемы, отмеченной в названии статьи, именно этой стратегией исследования, мы в настоящей работе предлагаем результаты его первого этапа – контрастивного анализа русского и английского прилагательных **БЛИЗКИЙ** и **NEAR**.

Пространственная категория признака «близкий» хорошо разработана в обоих языках. Достаточно упомянуть ряды синонимов в каждом из них. В современном английском языке синонимический ряд прилагательных с

общим семантическим компонентом «находящийся или происходящий на небольшом расстоянии от чего-либо» составляют следующие лексические атрибутивные единицы с большим номинативным потенциалом: NEAR, CLOSE, ADJACENT, ADJOINING, BORDERING, CONTIGUOUS, NEIGHBOURING, NIGH(POETIC OR OLD USE), PROXIMATE, TOUCHING, WITHIN SNIFFING DISTANCE (informal), HANDY (informal). Русский ряд синонимов составляют НЕДАЛЕКИЙ, БЛИЖНИЙ, БЛИЗЛЕЖАЩИЙ, ОКРЕСТНЫЙ. Семантический анализ отмеченных синонимов и выявление дополнительных концептуальных признаков изучаемого мыслительного образа – задача будущих исследований. В данной же работе предлагаются результаты осмыслиения носителями двух лингвокультур признака «близкий» на основе анализа и сопоставления семантического содержания имен данного признака в двух языках – прилагательных БЛИЗКИЙ и NEAR.

Так, ядром поля английских лексических единиц, характеризующих небольшое расстояние, является лексема NEAR как наиболее общая по дистанционной семантике, раньше других появившаяся в языке, что подтверждается этимологическими изысканиями (ср.: near, adj...to, within or at a little distance – XIII century - Oxford concise dictionary of English etymology, c.310). Появление остальных лексем фиксируется позже - XIV-XVII вв. (там же).

NEAR реализует семему Д1 «близкий, находящийся или происходящий на небольшом расстоянии» при сочетании с существительными, обозначающими:

физические объекты

He again saved his side from the fifteenth minute when he flew across his goal to fingertip around his near post. (Sara Search)

“And now I’m here,” thought Kit, gliding into the nearest empty pew which was opposite his mother’s, and on the other side of the aisle. (Dickens)

территорий, локаций

You know it is near the near town, it’s near good shops, it’s near the schools. (Sara Search)

Here we are, eight hundred miles from the nearest land ... (Linklater)

звуковых реалий

Through the squares of blue darkness that were his open windows, he had heard a faint far-away sound that died upon a bed of wind before identifying itself on his memory, clouded with uneasy dreams. But the sharp noise that had succeeded it was nearer, was just outside the room. (Fitzgerald)

людей

There is some hair-pulling among women folks, and everybody spanks the nearest howling kid to him by the sense of feeling only ... regardless of its parentage and ownership. (O’Henry)

средств передвижения

...the rain began to descend heavily ...I engaged the nearest coach and so got home. (Dickens)

При характеристике физических объектов NEAR, находясь в атрибутивной позиции, чаще всего употребляется в превосходной степени. В предикативной же позиции NEAR употребляется в положительной (нулевой) степени сравнения. По нашим наблюдениям, NEAREST является более частотным, чем NEAR, что подтверждают результаты количественного анализа (собрано 42 примера употребления NEAREST и 19 случаев употребления NEAR).

На основе семемы Д1 лексема NEAR развивает ряд семем Д2. Семема Д2-1 «отдаленный небольшим промежутком времени», по которой выстраивается синонимический ряд APPROACHING, FORTHCOMING, IMMINENT, IMPENDING, LOOMING, NEXT, UPCOMING, реализуется прилагательным NEAR при характеристике:

будущих событий

Guimaraes had emerged from near retirement to play a prominent public role in the process to impeach Collor. (Sara Search)

частей суток

In this way they traveled on until near midnight ... (Dickens)

физиологических состояний

Many claim to have had these near death, floating near the ceiling while looking down at their dying (or clinically dead) physical frames. (Sara Search)

When an eagle loses hope then death is near. (Sara Search)

будущего периода времени

Therefore, at present, it is wise to design to work with systems which are likely to be available in school in the near future... (Sara Search).

Семема Д2-2 «почти такой же по степени сходства или родства» реализуется в следующих контекстах:

If there is to be a fairly detailed piece of note writing it very often is a fairly near or an exact copy of something that's already gone before. (Sara Search)

By comparison with his three immediate predecessors; Kilwardby, Pecham and Winchelsey; he may well appear near illiterate. (Sara Search)

Английская лексема NEAR развивает также ряд метафорических значений:

- семему К1-1 «связанный тесным личным отношением, родственными узами». Данное значение репрезентируется не только в семантике прилагательного NEAR, но и таких его синонимов, как AKIN, ALLIED, ATTACHED, CONNECTED, DEAR, FAMILIAR, INTIMATE, RELATED. В сочетании *smb's nearest and dearest* актуализуется сема высокопарного или ироничного отношения к родственникам: *It was then, when the love of two dead people who had been nearest and dearest to his heart, was all transferred to this slight creature, when her face constantly before him, reminded him, from hour to*

hour, of the two early change he had seen in such another – of all the suffering he had watched and known, and all his child had undergone. (Dickens)

- семему К1-2 «доставшийся с трудом, трудный, кропотливый»: *near victory* – победа, доставшаяся с трудом; *near work* – кропотливая работа

- семему К2 «скупой, жадный». Данный образ весьма востребован в английской лингвокультуре: ср. синонимический ряд по отмеченной семеме - CLOSE-FISTED, MEAN, MISERLY, NIGGARDLY, PARSIMONIOUS, STINGY, TIGHTFISTED, UNGENEROUS.

Русское прилагательное БЛИЗКИЙ реализует семему Д1 «находящийся или происходящий на небольшом расстоянии от какого-то места» при характеристике:

расстояний

Кити посмотрела на его лицо, которое было на таком близком от нее расстоянии, и долго потом, через несколько лет, этот взгляд,... которым она тогда взглянула на него и на который он не ответил, мучительным стыдом резал ей сердце (Л. Толстой)

общественных заведений

До ближайшего кабака считалось всего с полверсты... (Тургенев)

природных явлений

На меня пахнуло жаром близкого пламени ... (Тургенев)

звуковых реалий

Перед ним на мутно-голубом небе... показалась летящая птица. Она летела прямо на него: близкие звуки хорканья, похожие на равномерное надирание тугой ткани, раздались над самым ухом (Л.Толстой)

световых реалий

И стал бродить, как метеор,

Во мраке полночи глубокой...

И мчался путник одинокий,

Обманут близким огоньком. (Лермонтов)

воздуха

Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалось мне ее ускоренное, близкое дыхание ... (Тургенев)

территорий, локаций

Левину самому захотелось зайти в эти местечки, но местечки были от дома близкие, он всегда мог взять их ... (Л. Толстой)

Прилагательное БЛИЗКИЙ реализует семему Д2-1 «отдаленный небольшим промежутком времени» при характеристике:

будущих событий

Явись мне в грозный час страданья,

И поцелуй пусть будет твой

Залогом близкого свиданья

В стране любви, в стране другой! (Лермонтов)

физиологических состояний

Ужели сон так близок может быть

К существенности хладной? Нет!

Не может сон оставить след в душе. (Лермонтов)

частей суток

Моя чета, раскинувшись небрежно,

Покоилась, не думая о том,

Что небеса грозили близким днем. (Лермонтов)

Семема Д2-1 «отдаленный небольшим промежутком времени» всегда ориентирована на события, которые произойдут в будущем. Если говорят, скажем, о близких выборах, то ясно, что выборы еще предстоят, а не только что прошли. Используя в четверг выражение *ближайшая среда*, говорящий имеет в виду не только что прошедшую среду, а среду следующей недели.

БЛИЗКИЙ развивает и семему Д2-2 «сходный, похожий» при описании, в первую очередь, **чувств**: *К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию* (Чехов).

В современном русском языке метафорическое употребление прилагательного БЛИЗКИЙ «связанный тесным личным общением» (К1-1), описывает личные, дружеские, любовные отношения, тесное знакомство. Это значение реализуется при сочетании с существительными, обозначающими людей, связанных кровным родством или близкими узами (близкий родственник), людей, являющихся любовниками, друзьями или хорошими знакомыми: *Посмотревшись в зеркало, Левин заметил, что он красен; но он был уверен, что не пьян, и пошел по ковровой лестнице вверх за Степаном Аркадьевичем. Наверху, у наклонившегося, как к близкому человеку, лакея Степан Аркадьевич спросил, кто у Анны Аркадьевны, и получил ответ, что Воркуев. (Л. Толстой)*

Помимо этого, близкий может обозначать «что-то дорогое кому-нибудь, тесно связанное с кем-нибудь/чем-нибудь» (семема К1-2). В этом случае данная лексическая единица указывает на дружелюбие, чуткость, душевную теплоту. Это значение реализуется при сочетании с существительными, обозначающими:

отношения

С этою-то Ресслих господин Свидригайлов находился издавна в некоторых весьма близких и таинственных отношениях. (Достоевский)

объекты материального мира

Степану Аркадьевичу название этого места, столь близкого его сердцу, уже было привычно, и он, не ошибаясь, быстро выговаривал его. (Л.Толстой)

группы лиц, связанных общими интересами

Другой близкий Анне кружок - это был тот, через который Алексей Александрович сделал свою карьеру. Центром этого кружка была графиня Лидия Ивановна. (Л.Толстой)

Таким образом, анализ семантики и синтагматики лексем БЛИЗКИЙ и NEAR показывает, что прилагательные эквивалентны по семеме Д1 «находящийся или происходящий на небольшом расстоянии». Это дает нам право предположить, что концептуальная информация, содержащаяся в ядре концепта «близкий» в национальном сознании русских и англичан, аналогична. Данные лексические единицы эквивалентны и по семемам Д2-2 «сходный, похожий» и К1-1 «связанный тесным личным отношением, родственными узами».

Своеобразием английской лексемы NEAR является наличие в её семантике национально-специфических семем:

- К1 «доставшийся с трудом, трудный, кропотливый»
- К2 «скупой, жадный».

Национально-специфичным для английского языка является и то, что во фразеосочетании smb's nearest and dearest актуализуется сема высокопарного или иронического отношения к родственникам. Русская же лексема БЛИЗКИЙ этих смыслов не передает.

Литература

1. Oxford concise dictionary of English etymology. - Oxford University Press, 1996.

Е.И. Новикова

Самара

Концепт «душа» в русской и немецкой лингвокультурах

Концепт как всякий сложный когнитивный термин не имеет однозначного толкования в науке о языке на современном этапе ее развития. Согласно научным дефинициям концепт – это многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем (Красавский, с. 42). По мнению Е.О. Опариной, концепт выражает связь понятия как способа отражения мира в процессе его познания с использованием языка в процессе этого отражения (Опарина, с.81). Хорошо известно, что проблема особенностей языкового мировосприятия с давних времен волновала умы

многих мыслителей (В. Гумбольдт, М. Хайдеггер, Л.В. Щерба, А.А. Потебня и др.) Не потеряла она своей притягательности и для многих современных исследователей (А. Вежбицкая, Г.В. Колшанский). Не менее известен также факт доказанности в современной науке этноспецифики культурных концептов. Концепт есть некая идея, фрагмент общей человеческой культуры, «живущий» в сознании как целых народов, так и отдельных социальных групп и конкретных индивидуумов (Красавский, с. 56). По мнению одних ученых, понятия во всех языках тождественны, хотя выражаться они могут по-разному. Согласно другой точке зрения (в настоящее время более распространенной), понятия, концепты в разных языках и культурах обычно не совпадают, поскольку разные языки по-разному отражают действительность. То есть, в каждом языке для понятий характерна своя специфика. Наиболее правомерным представляется объединение существующих подходов. Нельзя категорически утверждать ни одно, ни другое. Присоединимся к мнению Н.А. Красавского, который утверждает, что транслируемость смыслов, актуализированных языком в одной культуре, принципиально невозможна в другой. При этом не исключена объективная потеря, «непереносимость» некоторых периферийных компонентов переводимого смысла, идеи. Этот факт объясняется не только «техническими» возможностями того или иного языка, не интралингвистическими, а скорее культурными, экстравалингвистическими факторами. Смыслы, идеи, понятия, концепты переносятся в другое культурное пространство, обладающее собственными специфическими характеристиками, своей системой координат, сформировавшихся в определенных исторических условиях (Красавский, с. 48).

В настоящей статье мы проследим особенности функционирования концептов *душа* и *Seele* на примерах метафор. Каждая концептуальная метафора артикулирует отрывок из существующего опыта того или иного культурного общества. Традиционно повышенный интерес к изучению метафоры, не угасающий с античных времен, причем не только в филологии, но и в философии, культурологии, этнографии, психологии, социологии, объясняется ее культурной релевантностью. Культурная релевантность метафоры как лингвокогнитивного феномена заключается в ее полифункциональной природе. Возникновение метафоры базируется на существовании определенных концептов, системой которых обладает каждый человек.

Ассоциативность нашего мышления ведет к установлению формальных и функциональных сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними. Обнаружение подобного рода ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено: в этносе в разное время его существования легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры. Ими оказываются наиболее психологически и культурно релевантные феномены с

точки зрения того или иного человеческого сообщества на конкретном историческом промежутке его развития. Н.А. Красавский отмечает важность лингвокультурологического анализа номинаций (в особенности метафорических) для изучения, прежде всего, духовной жизни того или иного этноса. Лингвокультурологические исследования метафоры – одно из надежных средств выявления системы приоритетных ценностей как в синхронии, так и в диахронии человеческой культуры (Красавский, с. 281).

Многие исследователи выделяют следующие составляющие концепта: понятийный, образный, ценностный компоненты (В.И. Карасик) основной, актуальный признак; дополнительные или пассивные признаки; внутреннюю форму (Ю.С. Степанов). Отмечается, что этимологический признак или внутренняя форма является наименее актуальным для языко- и концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются лишь специалисты конкретных наук (Красавский, с. 43). Тем не менее, уже на уровне внутренней формы слова (этимологическом) можно сделать любопытные заключения о функционировании концептов в языке. Обратимся к этимологии слов *душа* и *Seele*.

Слово *душа* восходит к старославянскому *доуша* и далее – к индоевропейскому *dheus*, *dhuss*, что значило «рассыпаться, рассеиваться в пространстве (об искрах, пыли)». Таким образом, можно заключить, что русское видение души изначально связывают с чем-то легким, летучим, способным к рассеиванию в пространстве (Цит. по: Цветкова, с. 222). Это может объяснить, почему понятие «душа» в русском языке носит пространственный характер – в нем присутствуют пространственные характеристики: душа имеет глубину, она может быть широкой, открытой, может быть нараспашку. Душа – важная характеристика русского менталитета, что подтверждают многочисленные исследования.

Немецкое слово *Seele* – в средневерхненемецком *sele* – восходит к индоевропейскому *selas* – море. Слово *Seele* трактуется в этимологических словарях как «нечто, принадлежащее морю». Согласно представлениям древних германцев души мертвых жили в воде (Duden Universal, с. 1377).

Таким образом, концепты «душа» и «Seele» изначально имеют принципиально различные значения. Этим объясняется и разница в их функционировании. Концепт «душа» является одним из центральных концептов русского ментального мира. Не случайно существует понятие «русская душа». Мы не говорим «немецкая душа», «американская душа», а выражение «русская душа» содержит в себе многие компоненты русского менталитета.

Душа человека издавна ассоциируется с тем, что в ней содержатся человеческие переживания. Она служит центром для хранения эмоций и абстрактных понятий. Одно то, что такого органа с медицинской точки зрения не существует, уже делает любое словосочетание или предложение с

данным именем метафорическим. В душе могут происходить различные процессы:

Was für ein Kampf zwischen Tod und Leben in einer weiblichen Seele (J.Lenz).

В душе может царить пустота:

Rechnet man dazu die Leerheit in der Seele (J.Lenz).

В душе могут находиться различные абстрактные сущности:

Menschheit in der Seele tragen (Hölderlin).

Наблюдаются значительные сходства в функционировании данного концепта в русском и немецком языках. Так, выражение *Kraft in der Seele (Arnim)* сходно с русским *сила духа*.

Следующие примеры:

Welchem Weibe aber gehörte die Stimme, die mir so süß unheimlich in die Seele drang...? (H. Heine);

Seine Küsse gingen mir in die Seele (Hölderlin)

соответствуют русским: *проникать в душу, запасть в душу*.

В русском наивном сознании душа – это, с одной стороны, некое закрытое пространство, а с другой, в соответствии с религиозными представлениями – некое бесплотное существо, пребывающее в этом пространстве. Душу можно *открыть, распахнуть, в нее можно влезть, войти. Душа тоскует, просит, требует, уходит в пятки, бывает не на месте, душу можно отвести, вымотать, положить за кого-нибудь* (Ермакова, с. 295).

Душа представляет собой некое пространство – в нем есть бездны, пропасти, глубины, пустыни. Несмотря на то, что душа – это бесплотное существо, она может обладать некоторыми пространственными характеристиками. В русском языке к душе прилагаются все пространственные параметры, составляющие четкие оппозиции (*широкая – узкая, глубокая – мелкая, высокая – низкая*): *Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть (Н. Бердяев).*

У души, как и у жизни, есть дно, но это два разных дна, хотя в обоих случаях речь идет не о физическом пространстве. *На дне жизни* живут люди, достигшие крайней степени падения. Выражение *на дне души* никакой оценки не содержит. Например, *Я скрою тайну на дне души*.

Наше исследование показывает, что в немецком языке понятие *дно души* заменяется понятием *глубина души*:

Ich war recht im innersten Herzen vergnügt (Eichhendorff).

Следующее различие в функционировании концептов *душа* и *Seele* заключается в том, что восприятие человека и души как разных сущностей характерно для русского сознания: *Человек, может, и вынесет такое, а душа нет.*

В немецком понимании человек и душа представляют собой единую сущность:

Die See, das Wesen des Menschen (A. Arnim).

Следует отметить близость понятий *душа* и *сердце* в обоих языках. Сердце представляет собой невидимую часть человеческого тела, поэтому оно часто рассматривается как средоточие эмоционального опыта (Вежбицкая, с. 549). Нередко то, что выражается понятием *сердце* в одном языке, соответствует понятию *душа* в другом и наоборот. Ср.:

große Seele – *большое сердце*;

recht fröhlich im Herzen – *на душе радостно, душа радуется*.

So blieb doch das Innere seines Herzens ein Heiligtum (J. Lenz) - *чужая душа* - *потемки*

Есть и другие различия - так, например, в немецком языке слово *Herz* не используется для выражения *сказать что-то в сердцах*.

Несмотря на указанные расхождения, можно заключить, что в функционировании концептов *душа* и *Seele* наблюдается больше сходств, чем различий. Так, и в русской, и в немецкой лингвокультурах человек обращается к своему сердцу, к душе, чтобы они помогли ему разобраться в трудных жизненных ситуациях. Человек бывает обижен до глубины души:

dann fühl ich mich in der Seele beleidigt (A. Arnim).

Душа, сердце являются неким пространством, куда помещается не физические страдания, а боль, полученная в результате переживаний:

Ich aber hatte Zahnweh im Herzen (H. Heine);

Es tut mir in der Seele weh (H. Heine);

Mir aber liegt ein Schmerz in der Seele (A. Arnim).

Душа и сердце употребляются для усиления чувств:

Ich grüßte in meinem Herzen die schöne Heimat (J. Eichendorff);

Oh, dass ich Falarika hervorschließen könnte aus meinem Herzen (H. Heine);

... da ich diesen ängstlichen Abschied im Herzen hatte (J. W. Goethe).

Мы видим, что чувственная метафорика очень продуктивна. Метафоры мотивируются культурными моделями, в русском языке в таком типе метафор преобладает предлог *на*. Мы говорим: «У меня тяжело *на душе, на сердце* неспокойно, *на душе* кошки скребутся». В немецком языке, как видно из примеров, преобладает предлог *in*. Лишь в редких случаях можно встретить употребление предлога *auf* -

... aber wie mir das Schmerzliche im Leben zu kränkend auf die Seele fällt... (A. Arnim);

... gäbe es doch keine Blitzableiter, die man auf dem Herzen tragen könnte (H. Heine).

Так как общепринято, что душа расположена там же, где и сердце - в груди человека, то нередко для описания эмоциональных процессов служит словосочетание *in der Brust*:

Bleibt nur in meiner Brust, ihr Schmerzen (H. Heine);

„Es gibt ein Verstummen in der Seele“, sagtest Du, „wo alles tot ist in der Brust (A.Arnim).

Выше говорилось о необходимости изучения функционирования концептов в диахронии. Сравнительный анализ языка немецкоязычных авторов рубежа 18-19 вв. и современных писателей позволяет выявить некоторые тенденции. Так, в первый период понятия *die Seele, das Herz, die Brust* объединены общей идеей – они служат объемом, вмещающим эмоции и чувства. Эти понятия входят в концепт *die Seele* на данном периоде развития немецкого языка. Примечательно, что среди материала, выбранного из произведений современных авторов, значительно сократилось количество подобных примеров.

Так, например, для первого периода характерны выражения типа: *und konnte sie wünschen, dass er in ihrer Seele lesen möchte* (Goethe). В настоящее время преобладает выражение *in den Augen lesen*. Возможно, это объясняется тем, что в настоящее время глаза воспринимаются как зеркало души, в них можно что-то увидеть, «прочитать»:

Franziska konnte die leise Angst in seinen Augen sehen und die Erleichterung... (A. Andersch);

Sie erinnerte sich, dass in seine Augen die Farbe des Hasses getreten war (A.Andersch).

Метафора, отражающая концепты *души* и *Seele*, возникает на основе национально-культурных ассоциаций. Языковое поведение личности выступает частью его картины мира, которая формируется концептуальным и языковым компонентами. Человек прежде всего отображает предметы, явления, события, состояния, действия и т.д. на фоне самого себя. Сначала восприятие происходит в направлении «я – окружающий мир», а уже затем отображается сам объект, сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную деятельность по аналогии с пространством и временем мира, данного человеку в непосредственных ощущениях (Левицкий, с. 17).

Человеческий ум формировался в процессе постепенного удовлетворения биологических нужд человека и сначала освоил окружающие его конкретные предметы. Чтобы выделить из живого организма его психический компонент, требуется приложить немало усилий. Примером этому может служить долгая история формирования идеи «я». Сначала вместо «я» говорили «мое тело», «моя душа», «мое сердце», «моя плоть». Затем человек начинает познавать себя через свои принадлежности и появляется притяжательное местоимение «мое». Личные местоимения появляются позднее. Сейчас для описания чувств мы употребляем личные местоимения, в то время как раньше использовались слова «душа», «сердце». Душа и сердце в какой-то мере связаны с областью чувств, а, исходя из описанной схемы формирования человеческого сознания, сначала персонифицируются отдельные части

человеческого тела, связанные с областью чувств, и лишь затем абстрактные понятия, служащие для описания чувств и ощущений человека. Метафора, таким образом, является ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире.

Литература

1. Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке. Неуниверсальность «базовых человеческих эмоций»//Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.504-545.
2. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке//Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 289-297.
3. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001.
4. Левицкий А.Е. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Киев, 1999.
5. Опарина Е.О. Концептуальная метафора и ее функции в языке (на примере субстантивных метафор): Дис. канд. филол. наук. – М., 1990.
6. Цветкова М.В. Русский концепт «душа» и английский «soul» и проблема перевода//Компаративистика: современная теория и практика. – Том 1. - Самара, 2004. - С. 221-222.
7. Duden Deutsches Universal Wörterbuch. – Dudenverlag, 1989.

Н.Л. Беляева
Воронеж

Концепт «расплата» в русском и немецком языках

Товарно-денежные отношения имеют богатую «родословную», восходящую к самим истокам формирования общественных отношений, и представляют очень важную область человеческой деятельности, охватывающую все периоды развития человеческого общества от уровня сакрально-религиозных смыслов до современного состояния сознания человека вeka технического прогресса. В силу этого концептосфера «товарно-денежные отношения» включает, наряду с экономическими понятиями, понятия из сферы морально-этической, а языковая презентация данной концептосферы характеризуется тесной этимологической и культурологически обусловленной взаимосвязью номинаций этих двух видов понятий. В данной статье мы рассматриваем эту взаимосвязь на основе анализа семантической структуры некоторых русских и немецких лексем - репрезентантов концепта «расплата», с привлечением этимологических и культурологических справок.

В рамках русского языкового пространства лексема *расплата* несет денотативную семему «полный расчет, оплата того, что необходимо заплатить кому-л. за что-л.» (*расплата с кредиторами, оплата долгов*):

Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждые полгода, и день расплаты почти всегда бывал днем холерины. (Достоевский)

Наряду с денотативным значением, лексема *расплата* развивает коннотативное переносное значение «кара», «взмездие»: *Настал час расплаты за измену*. С этим значением лексема используется для характеристики морально-этической сферы человеческих отношений при актуализации эмоционально-оценочных сем. Так, при актуализации эмоциональной оценки возникает «психологический» вариант семемы «кара» - коннотативная семема «душевные мучения, которые возникают из-за жизненных неурядиц»:

*Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас - дремала кровь.
О, дочь Элизы, Камерата.*

Ты знала, как горит любовь. (Цветаева)

Нюансы репрезентации концепта «расплата» с ориентацией на субъекта и объекта действия детализирует глагол *расплатиться*: 1) «отомстить, наказать кого-л. в взмездие за что-л.» и 2) «понести наказание за что-л.».

По эмоционально-оценочным семам лексема *расплата* пересекается с целым рядом лексем, участвующих в репрезентации концепта «расплата» в семантическом пространстве русского языка (*кара, взмездие, воздаяние*):

*И вот – теперь – дрожа от жалости и жара,
Одно: завыть, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться – понять – что сладострастью кара –
Жестокая любовь и каторжная страсть. (Цветаева)*

Вот и случилось, что за гибель армии Самсонова ему пришлось держать ответ уже перед Советской властью... взмездие было неизбежно, и ревтрибунал вынес ему смертный приговор. (Пикуль)

В морально-этическом плане человек, совершивший какой-либо поступок, повлекший за собой негативные последствия, может загладить свою вину, но только искупив ее. В силу этого семантическая репрезентация концепта «расплата» связана с лексемой *искупление*, актуализирующей признак «добровольное лишение, возмещение чего-л. с целью искупить вину, заслужить прощение»: *Страдание принять и искупить себя им, вот что надо. (Достоевский)*

По оценкам культурологов, искупление - это акт, позволяющий преступнику вернуться к нормальной жизни, на свое обычное место в сообществе. Характерно, что в истории культуры выделялись также преступления, которые невозможно было чем-то искупить. Жрецы не в состоянии были загладить совершившееся зло или обратить его в добро. Это

случаи, когда виновный оказывается неискупимо осквернен, т.е. в буквальном смысле слова, никакой обряд очищения не сможет избавить его от энергетической стихии, которой он отяготил себя, совершив запретный поступок. Виновный вступил в мир божественного - отныне богам и надлежит его спасти или погубить.

Дабы искупить вину, необходимо совершить жертвоприношение, в ходе которого верующий становится заимодавцем - и ждет, что читимые им силы *расплатятся* с ним, выполнив его желание.

С искуплением связано и историческое появление жертвы, которая должна была *расплатиться* за все грехи, т.е. *искупить* их. Жертва выбиралась из мелкорогатого скота и называлась «козлом отпущения».

В немецком языке лексеме *расплата* в денотативном значении соответствуют лексемы *die Auszahlung, die Bezahlung*. В коннотативном переносном значении «кара, возмездие» русской лексеме соответствуют в немецком языке лексемы *die Vergeltung, die Strafe*: “*Aber das ist ja unerhoert! ausstossen, aber auch diesmal kam ihm der Rex zuvor, dem jetzt nichts anderes mehr uebrig blieb, als Vergeltung zu ueben. (Andersch)*

Семемы «возмездие», «искупление» реализуются также в семантической структуре немецких лексем *die Suehne, suehnen*.

В контексте рассматриваемой нами проблематики показательна трактовка значения лексемы *die Suehne (suehnen)* в этимологическом словаре Фридриха Клуге посредством сочетаний: *Ersatz beilegen* – «получить согласие заменить», или *Ersatz zahlen* – «оплатить замену», актуализирующих возможность денежного возмещения ущерба, убытка, или поступка, имевшего негативные последствия, что связано с утратой традиции кровной мести в прошлом и признаком развития товарно-денежных отношений.

Таким образом, проведенный анализ, выявляя номенклатурную и семантическую специфику языковой репрезентации рассматриваемого концепта в русском и немецком языках, свидетельствует о наличии тесной семантической связи отражаемых в языке предметно-материальных и морально-этических характеристик.

А.В.Скворцова
Пушкин

Сопоставление базовых признаков концепта «родственные отношения» в русском и английском языках

Особенности исторического развития разных народов, формирования их культуры, различные условия проживания способствуют возникновению различных представлений об окружающей действительности, на основе которых в дальнейшем формируются

национальные концепты, порой весьма специфичные, а порой схожие с концептами других народов.

Очевидно, что русский концепт “родственник” соответствует, в той или иной степени, английскому концепту “relative”. Вопрос в том, какова же степень соответствия. Отметим, что в данной статье концепт “relative” рассматривается как составная часть более крупного ментального конструкта “relations”, в рамках которого на основе словарных дефиниций можно выделить три основных семантических признака – similarity, connection, association.

Рассматривая ЛСГ, вербализующую в современном английском языке концепт “relative” и сравнивая его с русским аналогом “родственник”, можно отметить, что английский концепт базируется в основном на признаке отнесенности (к группе) и утратил, в отличие от русского концепта, признак рода как основной (по сравнению с устаревшим термином kinsman, где kin - род).

Существенным является и отличие в определении значений лексем “relation” (relative) в английском языке и “родственник” в русском. В то время как в дефиниции “relation” присутствует уточнение “a person who is related by blood or marriage” (Collin’s English Dictionary), “родственник” определяется как “человек, который находится в родстве с кем-н.” (словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). В английском языке семантическое наполнение лексем, обозначающих родственников по крови или по браку, четко прослеживается в их внешней структуре, благодаря заимствованному элементу *in-law* [от англонорманнского *en ley*, старофранцузского *en loi* (*de mariage*); *brother-in-law* (XII), *father-in-law* (XIV)] (Oxford concise dictionary of English Etymology). В русском языке сохранились только наименования общеславянского и собственно русского происхождения, в структуре которых не содержится явного указания на принадлежность к группе некровных родственников (шурин, деверь, сноха, тестя, теща, свекровь, свекор и др.).

Явная принадлежность к группе по социально-родственному признаку проявляется в английском языке и в возможности объединить названия некровных родственников, используя лишь второй, общий для всех, элемент в форме множественного числа – *in-laws*. В русском же языке потребуется перечисление наименований или уточнение – родственники жены/мужа.

Согласно этимологическому словарю русского языка М. Фасмера в слове тесть “обычно видят ласкательный оттенок, связывая его частично с тетя, частично – с греческим *téttta* со значением «батюшка, отец»”. Там же упоминается возможная этимология от и.-е. *tek* – производить, рождать. Наименование сноха (жена сына), восходящее к индоевропейской основе, родственное древнеиндийскому *snusā*,

древневерхненемецкому *snur* и англосаксонскому *snoru*, в некоторых этимологических словарях сближают с основой наименования сын. То есть, в русском языке осуществляется перенос родового признака. В качестве подтверждения можно привести пример использования глагола породниться в случаях, когда речь идет о родственниках молодоженов.

Таким образом, для русского концепта в меньшей степени свойственно деление по принципу кровный/некровный родственник. Так проявляется стремление к объединению, более целостное восприятие родственных отношений, что отличает русский концепт от английского, отражающего склонность к обособленности.

Выделяя в качестве одного из основных признаков английского концепта “*relations*” также признак связанности (*connection*), обнаруживаем некоторое сходство в этом отношении с русским концептом. Хотя в семантике слов, объективирующих русский концепт “родственник”, этот признак прослеживается не столь явно, обращает внимание изначальная мотивировка некоторых наименований, скрытая для современных носителей языка. Показательны в этом отношении термины шурин, который пытаются сблизить с индоевропейским *siēu-*: *siū-* “связывать, шить”, и сноха, восходящее к индоевропейской основе *sneu-* “вязать”.

Использование термина in-laws не ограничивается обозначением родственников по браку, оно подразумевает также и сводных родственников (*step relationship*). С одной стороны, возможность использования in-laws для обозначения stepmother, stepfather, stepbrother, вновь подчеркивает “социально-родовое” разграничение, с другой стороны, именно при сопоставлении наименований сводных родственников наиболее очевидно прослеживается наличие признака *similarity* (сходства) в обоих концептах. *Stepfather* – отчим (подобный отцу, вместо отца), *stepmother* – мачеха (подобная матери).

Сопоставление средств вербализации концептов “*relative*” и “родственник” с точки зрения их структуры и этимологии позволяет сделать вывод, что признаки, являющиеся базовыми для английского концепта, характерны также и для русского.

Существенное отличие заключается в том, что при объективации английского концепта эти признаки представлены в номинации. Так, имя концепта “*relation*” (*relative*) синонимично connection, семантически предполагает отнесенность к группе (association), наименования некровных родственников, представляющие собой сложные слова (mother-in-law, brother-in-law), характеризуются метафоричностью, т.е. подразумевают сходство (similarity) соответственно с матерью, братом и т.д.. В то время как в русском языке эти признаки скрыты, а

единственным выраженным (проявленным) в языковом отношении концептуальным признаком является родовой.

Д.А. Морель Морель
Белгород

Лексикализации концептосферы "пища" во французском и русском языках

Основываясь на материалах проведенного ранее исследования (см. Морель Морель), мы смогли выявить систему лексических средств, фиксирующих во французском языке фрагмент концептуальной картины мира (ККМ), соотносящийся с пищей неантропонимов. Мы выдвинули предположение, что аналогичная русская система не должна обнаруживать принципиальных отличий от французской. Подтверждение данной гипотезы является *целью* настоящей работы.

Начнем с рассмотрения особенностей отражения связи концептосферы (КС) "ПИЩА" с живой природой, фиксируемых в семантике ее французского и русского имен nourriture и пища.

Проведенный нами детальный анализ основного значения имени КС выявил весьма показательные черты сходства (1) и различия (2) структуры вышеприведенных имен в том, что касается репрезентации упомянутой связи.

1) Данная связь расценивается представителями как французского, так и русского языковых коллективов как тесная и органичная. Этому имеются объективные предпосылки: с одной стороны пища происходит (преимущественно) из живой природы (*органические* вещества), с другой – потребители пищи (без которых она не существует *как таковая*) являются объектами живой природы.

2) В структуре французского имени КС "ПИЩА" в качестве потребителей *эксплицитно* зафиксированы представители двух основных царств живых существ: растений и животных (исключая человека). Русское имя КС фиксирует только одну категорию неантропонимичных потребителей: животных.

Впрочем, анализ данных лексикографических источников (ЛГИ) показал, что ни французский, ни русский языки не располагают сколько-нибудь значимым количеством наименований, служащих непосредственно для обозначения пищи нефаунонимов.

- В ранненовофранцузском существовала номинативная единица *nourriture* "пища растений"
- Современные французский и русский языки располагают раздельнооформленными номинативными единицами bouillon de culture ("liquide destiné à la culture des micro-organismes"), milieu de culture ("produit

nutritif artificiel qui permet la croissance plus ou moins rapide des populations bactériennes ou l'isolement de celles-ci en colonies séparées, dans un dessein diagnostique") и питательная среда ("жидкая или твёрдая смесь веществ, на которой выращиваются микроорганизмы"), которые соотносятся с микроорганизмами как потребителями. Однако компонентный анализ показывает, что из них только устойчивое словосочетание milieu de culture может быть непосредственно соотнесено с ядром КС "ПИЩА" ("produit *nutritif*"). Два других могут быть соотнесены с данной КС только косвенно ("бульон", "питательная") и занимают периферийное положение в системе средств лексикализации рассматриваемой КС.

- Отдельного упоминания заслуживают наименования ambroisie / амброзия и nectar / нектар, обозначающие пищу *сверхъестественных существ* – богов Олимпа, имевших, впрочем, преимущественно *антропоморфный* облик.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что предельная антропоцентричность КС "ПИЩА" (и, соответственно, национальных систем средств ее лексикализации) не позволила сформироваться в ККМ четкой дихотомии "пища человека" vs. "пища неантропонимов". Последний концепт не выявляется ни во французской, ни в русской ККМ. Соответствующий фрагмент системы знаний представлен двумя концептами более низкого иерархического уровня "Корм" и "Удобрение".

В качестве французского имени концепта "Корм" было выбрано наименование pâture, как имеющее наиболее широкую концептуальную соотнесенность, в т.ч. в плане видовой принадлежности потребителя. Средствами лексикализации ядра концепта "Корм" во французском языке выступают наименования ЛСГ "Pâture": affenage, affourrée, affouragement, becquée, carnage (vx.), chair, colifichet, creton(s), croquette, curée, 2. dragée, dravière (vi), 1. fourrage, gorge (vx.), hivernage, lait, mangeaille, miel, mouée, pâtée, pâture, picotin, provende, ration, repas, soupe, 1. tourteau, viande. Периферию данного концепта репрезентируют а) наименования ЛСГ "Appât": amorce, appât, asticot, boëtte, devon, esche, 1. manne, mouche, 2. rogue, ver, vif, б) наименования, лежащие на участке суперпозиции лексико-семантических полей (ЛСП) "Nourriture" и "Plante": avoine, alpiste, céréale, féverole, lupin, etc., в) наименования proie, gibier.

Русское имя концепта "Корм" также отличается предельной широтой концептуальной соотнесенности ("Пища животных"). Средствами лексикализации ядра данного концепта в русском языке выступают наименования ЛСГ "Корм": дерть, жмых, жом, зерно, квашенина, комбикорм, концентрат, корм, месиво, мука, подкорм(ка), пойло, сенаж, сено, сечка, силос, фураж, а также мезга, меласса, мякина, полова, отруби, солома (растительные отходы сельскохозяйственного производства, используемые в качестве корма). Также, как и во французском языке, периферия

рассматриваемого концепта объективирована а) наименованиями ЛСГ "Приманка": мотыль, наживка, насадка, привада, приманка, прикорм(ка), б) наименованиями, лежащими на участке суперпозиции ЛСП "Пища" и "Растения": вика, клевер, люцерна, мятлик, овес, рапс, турнепс, и т.п.

Как показал анализ электронных ЛГИ с привлечением приема поиска по ключевым словам, французское и русское имена концепта "Корм" преимущественно употребимы по отношению к консументам первого порядка (травоядным (копытным) млекопитающим, грызунам) и мелким всеядным: птицам (нехищным), рыбам, кошкам, собакам, насекомым. Значительно реже они употребляются в сочетании с обозначениями крупных всеядных (медведи, приматы) и хищников (песцы, хищные птицы, в частности совы. Случаев сочетания наименований pâture и корм с обозначениями прототипичных хищных млекопитающих в обследованном словарном материале (в т.ч. в приводимых примерах) не выявлено.

При этом французское имя концепта обнаруживает четкую тенденцию к сужению концептуальной соотнесенности в плане видовой принадлежности потребителя до травоядных млекопитающих (копытных). В результате сужения концептуальной соотнесенности фиксируется появление номинативной единицы pâture "растительный корм скота". В конечном итоге признаки, указывающие на растительное происхождение корма ("fourrage") и на растительноядность его потребителя ("bétail") приобретают статус родового и дифференциального соответственно.

Несколько обособленное место в национальных системах обозначений пищи неантропонимов занимают ЛСГ, репрезентирующие концепт "Удобрение". Подобное положение обусловлено увеличением в XX в. функциональной значимости искусственных минеральных удобрений и, соответственно, усилением "прототипичности" соответствующих наименований (соотносимых языковым коллективом, в первую очередь, с химической промышленностью). При этом если данная соотнесенность не доминирует в семантике обоих имен концепта ("*Produit organique ou minéral incorporé au sol pour en maintenir ou en accroître la fertilité*", "органические и минеральные вещества, содержащие элементы питания растений"), то по отношению числа соответствующих наименований к общей численности русская ЛСГ обнаруживает явное преобладание над французской: 55% против 20% (лексическое "эхо" советской политики массированной мелиорации).

Подводя итоги, отметим, что проведенное нами исследование подтвердило справедливость выдвинутой гипотезы. Русская система обозначений пищи неантропонимов не обнаруживает принципиальных отличий по составу и структуре от аналогичной французской. Подобное сходство обусловлено а) универсальностью пищи как онтологической категории, б) одинаковым антропоцентричным и прагматичным подходом представителей обоих

языковых коллективом к реалиям, фиксируемым рассматриваемым фрагментом ККМ, в) сходством традиционных сельскохозяйственных технологий в близких климатических условиях.

Литература

1. Морель Морель Д.А. Многоуровневость структуры лексического значения (на материале наименований французского языка, соотносящихся с концептуальной сферой "Nourriture"): автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Воронеж, 2004.

А. В. Малюгина
Воронеж

Изоморфизм фразеологической и синтаксической объективаций (на материале русского и английского языков)

Известно, что внутренняя организация любого языка обнаруживает тесные связи между всеми конституирующими элементами: от отдельных категорий и форм до крупных составных частей – уровней.

На современном этапе языкознания остается актуальным вопрос о том, действительно ли тождественно описание одного и того же объекта или одной и той же ситуации, когда оно построено при помощи разноструктурных средств языка (Баранова, с. 39).

В науке известен термин изоморфизм (< греч. *Isos* - равный, одинаковый, подобный и *morphe* – форма), который обозначает сходство свойств элементов или их совокупностей, определяющее их способность замещать друг друга в каких-либо соединениях; соответствие объектов, тождественных по своей структуре, сходство в чертах строения, организации. Применительно к лингвистике изоморфизм означает «наличие общих или соотносительных свойств у единиц, принадлежащих разным уровням языковой структуры (например, у слова и предложения)» (Пескова, с. 133).

Изучая общие и соотносительные свойства у метафоры и ее неметафорического «двойника», Ч. Стивенсон, отмечает, что можно говорить только об условном совпадении содержания, поскольку дать точный перевод метафоры на неметафорический язык невозможно. Ч. Стивенсон акцентирует внимание на различии буквального значения метафорического предложения и его *интерпретации*, определяемой как предложение, которое должно пониматься буквально и дескриптивно значить то, что метафорическое предложение выражает ассоциативно. Как утверждает Ч. Стивенсон, функция интерпретации заключается в том, чтобы дублировать ассоциативную силу метафоры в других словах, имеющих тот же эффект не

вследствие их ассоциативных свойств, но как часть их дескриптивного значения, реализуемого обычным способом (см. Стивенсон).

Идея дублирования смысла, высказанная Ч. Стивенсоном на примере метафоры и ее различных интерпретаций,озвучна известной концепции И. С. Торопцева. Ученый вводит понятие «сintаксической» и «лексической» объективации. В сintаксической объективации смысл носит составной характер, он слагается из семантики составляющих его компонентов. Лексическая объективация – «это материализация смысла целиком». Например, *прибор для измерения времени* – сintаксическая объективация, а *часы* – лексическая (Торопцев, с. 87-88). И. С. Торопцев отмечает, что речевые отрезки *часы* и *прибор для измерения времени* совпадают по семантическому содержанию, но в первом случае – смысл целостен, он не складывается из «смыслов» его частей – *час-* и *ы-*; во втором случае содержание выражено по частям, материализованным в компонентах, входящих в состав словосочетания *прибор для измерения времени*.

Поскольку план содержания фразеологизма стремится к выражению единого, целостного понятия так, как это происходит в лексеме (Копыленко, Попова, с. 65), аналог лексической объективации можно искать и в средствах выражения фразеологизмов, а значит, вести речь о некой «фразеологической» объективации, противопоставляя ее «сintаксической» объективации.

Например: ...*Про этого Пищеничникова говорили, что он знает чуть ли не шесть языков, имеет познание в физике, математике, экономике и отчасти во всех остальных науках. ...хорошо разбираясь во всех местных проблемах, держит в голове все цифры показателей промышленного и сельскохозяйственного производства...* - сintаксическая объективация, представленная развернутым описанием, а фразеологизм *Его называли ходячей энциклопедией*, представляющий собой кульминацию всего литературного фрагмента (Войнович) - фразеологическая.

В отличие от лексической объективации, фразеологическая объективация выражается устойчивым словосочетанием. Возможность замены сintаксической объективации фразеологической зависит от того, знает ли носитель языка «код обратимости» (когда контекст «подсказывает» употребление той или иной идиомы).

Способность человеческого мышления к многостороннему видению мира и отражению его онтологических сущностей обуславливает разные типы концептов, многообразие которых предполагает различные способы их языковой презентации.

Существующие типы фразеологических концептов (для удобства мы будем пользоваться терминами лексический и фразеологический концепты, хотя понимаем, что концепт, являясь «ментальной единицей», не может быть лексическим или фразеологическим – концепты могут *объективироваться* лексемами или фразеологизмами) подразделяются на мыслительные

картинки, схемы, фреймы и сценарии. Например, *мышиный жеребчик* – концепт-картинка; *от горшка два вершка* – концепт-схема; *не в своей тарелке* – концепт-фрейм; *играть в молчанку* – концепт-сценарий.

Необходимо отметить, что выявление фактуры концепта, осуществляется не только по словарному толкованию, но и в ходе анализа контекстного окружения репрезентирующей его языковой единицы (Бабушкин, с. 93)

Цель настоящей статьи – рассмотреть на материале русского и английского языков синтаксические объективации, представленные в форме контекста-интерпретации, потенциально способные к реорганизации во фразеологические объективации концептов разных типов на основании изоморфности когнитивных структур этих объективаций.

Приведем ряд примеров, в которых контекст обуславливает появление фразеологических концептов картинок, схем, фреймов и сценариев.

У палисадника на лавочке сидит Пелагея Кузнецова, древняя горбатая старуха, вся в черном, злая и страшная как Баба-Яга. (Рыбин)

В описательном выражении «*древняя горбатая старуха, вся в черном, злая и страшная*» без труда усматривается образ сказочного персонажа Бабы Яги, объективирующий в сознании фразеологический концепт-картинку.

В следующем примере имеет место дублирование синтаксической объективации фразеологической, репрезентирующей концепт-схему:

«Вы с ним вместе служили, в одном полку?» - спросил я... «И в одном полку, и в одной роте, и в одном взводе, и в окопе рядом, локоть к локтю». (Гайдар)

Использование фразеологизма *перевернуто вверх дном*, объективирующего концепт-фрейм, оправдано «фактурой» идиоматически нейтрального участка текста, сопряженного с фразеологизмом:

31 августа, в субботу, в доме Ростовых все казалось перевернутым вверх дном. Все двери были растворены, вся мебель вынесена или переставлена, зеркала, картины сняты. В комнатах стояли сундуки, валялось сено, оберточная бумага и веревки. (Л. Толстой)

Примером фразеологического концепта-сценария, вербально эксплицированного фразеологизмом, служит оборот *показывать товар лицом*:

Потекли мероприятия по плану боевой подготовки. Корабли показывали товар лицом: умело перестраивались по сигналам флагмана, отражали атаки катеров и самолетов-торпедоносцев... (Азольский)

Тип фразеологического концепта-сценария соответствует когнитивной структуре контекста. Контекст, в состав которого инкорпорируется фразеологизм, не является произвольным – он обуславливает фактуру фразеологизма синтаксическими средствами.

Очевидно, принципы изоморфности когнитивных структур фразеологической и синтаксической объективаций могут быть выявлены и на

материале других языков, в частности, английского языка. Так, например, «заданность» контекстом появления фразеологического концепта-картинки *the greyhound of the ocean* – быстроходный океанский лайнер (*the greyhound* – букв. борзая) может быть проиллюстрирована следующим примером.

Gilda. They call the Mauretania “The Greyhound of the ocean”. I wonder why?

Leo. Because it's too long and too thin and leaps up and down (Coward)

(Гильда. «Мавританию» называют «океанской борзой». Интересно знать почему?)

Лео. Потому что этот корабль очень узкий и длинный и, кажется, что он несется по волнам скачками.)

Обращает на себя внимание поясняющий, толкающий характер контекста – *Because it's too long and too thin and leaps up and down.*

Приведем пример характерной организации контекста, заключающейся в развернутом пояснении фразеологизма-схемы:

Everything was done on a big scale: the buying of sugar, tea, and provisions, the pickling of cucumbers, the preserving of apples and cherries, jam-making – everything now assumed enormous proportions (см. Лубенская, с. 410).

(Все пошло на большую ногу; закупка сахара, чаю, провизии, соленье огурцов, моченье яблок и вишень, варенье – все приняло обширные размеры.)

И в этом случае содержание устойчивого словосочетания как бы «дублируется» в контексте, т.е. контекст имплицирует и определенным образом повторяет идею, заложенную в плане содержания фразеологической единицы, создавая почву для формирования концепта-схемы.

Рассмотрим фрагмент текста, в котором к репрезентации смысла фразеологизма-фрейма *in the cart* (*в тяжелом, затруднительном положении*) подводит соответствующая организация контекста:

Lena Fontaine and Huckaby had put them in the cart. They were left, they were done, they were stung. (Locke)

(Лена Фонтен и Хакеби поставили их в тяжелое положение. Они остались одни, они были обмануты, они были оскорблены)

В данном примере план содержания контекста-интерпретации реорганизуется во фразеологизм-фрейм, внутренняя форма которого аналогична смыслу, реализуемому самим контекстом.

Фразеологизм *move into action* (*приступить к действиям, вступить в борьбу*) реализуется в сознании в виде сценария, и несомая в этой когнитивной структуре информация «перекликается» с информацией, содержащейся в примыкающем к фразеологизму контексте:

International reaction, alarmed at the failure of the fascist coup planned by Franco and his fellow generals, moved into action... Arms, planes, tanks, artillery units, military personnel, advisers and technicians flooded into Spain from Italy and Germany. ('Daily Worker')

(Международная реакция, обеспокоенная провалом фашистского переворота, организованного Франко и его генералами, приступила к действиям... Оружие, самолеты, танки, артиллерийские подразделения, военные советники и технический персонал – все это нескончаемым потоком вливалось в Испанию из Италии и Германии)

Итак, свободные словосочетания служат строительным материалом для создания фразеологических концептов, которые, с позиции когнитивной семантики, могут интерпретироваться как концепты-картинки, концепты-схемы, фреймы и сценарии. Тип концепта определяется характером этого «строительного материала» и запрограммирован им. Контекст, представляющий собой декодирование признаков какого-то явления посредством развернутого описания, «готовит» к восприятию концепта определенного типа. Принимая во внимание возможность выделения принципов изоморфности когнитивных структур фразеологической и синтаксической объективаций на материале разных языков можно полагать, что они имеют универсальный характер.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996.
2. Баранова К. М. Разноструктурные средства выражения посессивности в современном английском языке. М.: ГОМЦ «Школьная книга», 2000.
3. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1978.
4. Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь – 2-е рус. изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004.
5. Пескова Н. А. Когнитивная парадигма: фреймовая семантика и номинация //Межвузовский сборник научных статей. Вып. I. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – С.133-139.
6. Стивенсон. Ч. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129-154.
7. Торопцев И. С. Язык и речь. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1985.

Раздел 5.

Сопоставительная лингвокультурология и перевод

М.В. Жехрова
Воронеж

Проблемы взаимодействия ценностей отечественной и иноязычной культур

Ценности как система непосредственно транслируются культурой, живут в ней и усваиваются индивидом через непосредственное родственное окружение и через общение индивида со всем культурным многообразием. Базовым элементом культуры являются общечеловеческие ценности. Они аккумулируют исторически накопленный социальный опыт. В них человек отражает, оценивает, понимает мир, сводит в целостное мировоззрение все явления действительности, связывает прошлое, настоящее, будущее конкретной общности и социума.

Сознавая сложность определения культуры (в современной научной литературе встречается более 250 определений культуры), мы отметим, что важнейшей целью культуры является формирование разносторонне развитого человека, обогащение его духовного мира, обеспечение возможности для творчества.

Одной из характеристик человека с высокой культурой является способность к непрерывному самообразованию, самовоспитанию, саморазвитию. Формирование иноязычной культуры у учащихся способствует достижению более общей цели – развитию его личности.

В структуре системы культуры исследователи выделяют две большие области: материальную и духовную культуру. Такое деление носит условный характер. В реальной действительности они взаимосвязаны, взаимообогащают друг друга. В настоящее время все более возрастает роль и значение материальной стороны духовной культуры (развитие вычислительной техники, информационных технологий и многое другое). Все это свидетельствует о целостности культуры.

Как показывают исследования, успех овладения иноязычной культурой прямо пропорционален тому, насколько органически вписывается культура иноязычная в контекст культуры национальной, насколько адекватно она понимается и принимается, насколько близок культурный и исторический опыт говорящих различно стран.

Освоение чужих традиций требует адаптации сознания учащегося к новым социокультурным условиям, представляет новые требования к личности, предлагает изменения в иерархии ценностей, образе жизни, человеческих отношениях.

Мы стоим на позиции, утверждающей, что взаимодействие ценностей иноязычной и отечественной культур осуществляется, несомненно, через общечеловеческие ценности.

Содержательно общечеловеческие (базисные) ценности связаны с понятиями человеческой жизни, процессом воспроизведения жизни, взаимодействием личности и общества, человека и государства.

Выступая основой социокультурной идентификации, общечеловеческие ценности являются установками для многих поколений, превращаются в основу исторической памяти народа. В общечеловеческих ценностях наиболее полно отражается своеобразие духовной этнонациональной культуры.

Общечеловеческие ценности – это мировоззренческие универсалии, в которых отсélectionирован, передан непосредственным и опосредованным путями и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический и социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов, представления о достойном, лучшем, авторитетном в культуре. Они являются общими точками соприкосновения в отношениях людей в поликультурном мире. На этих, общих для всех культур, звеньях возможно формировать ценностное отношение к иноязычной культуре.

Вот почему важнейшей проблемой для позитивного решения вопросов взаимодействия ценностей отечественной и иноязычной культур является формирование аксиологического отношения к другой национальной культуре: надо научить человека ценить эту культуру, ибо будущей гражданин информативного общества должен хорошо себе представлять вклад других народов во всемирное содружество наций.

По убеждению многих ученых, гибкая национальная политика, поддерживающая национальную идентичность и достоинство всех этнических образований, способствует национальному согласию. В некоторых западных странах эта проблема решается на конституционном уровне, через организацию управления «культурными отношениями».

Ученые Питсбургского университета (США) Хирри Хамфрис и другие решают проблемы нравственно-психологического сближения молодежи через преподавание многокультурных циклов, познание студентами культур других народов. Здесь определяющим является поликультурное образование. Его цель не в том, чтобы заставить людей отказаться от своей культурной самобытности, а в том, чтобы помочь каждой этнической группе оценить в равной мере собственную и чужую культурную идентичность. Невозможно не согласиться со словами Нильса Бора, что путь примирения заключается в свободном признании различий и в замене враждебности между народами чувством, позволяющим осознать, что они дополняют друг друга.

Ю.А. Мартынова
Саратов

Языковые клише в лингвострановедческом аспекте (на материале русского и английского языков)

Клишированными выражениями являются более или менее устойчивые формулы, используемые в характерных ситуациях – формулы общения, приветствия, типовых просьб и распоряжений, вывески, объявления, например: «*How are you?*», «*Mind the doors!*», «*Перед употреблением взбалтывать*», «*По газонам неходить*», «*Ты не стеклянный!*». Другими словами, клише – это стереотипная языковая формула, воспроизведенная в готовом виде в повторяющихся речевых ситуациях.

Несмотря на широкое употребление в речи, клишированные выражения остаются практически неизученными. Недостаточно глубокое внимание было уделено и их национально-культурной специфике. Единственной группой клише, получившей довольно подробное описание в лингвистической литературе, являются клише речевого этикета. Так, грамматические, лексические и стилистические особенности русских клише детально рассматриваются Н.И. Формановской (см. Формановская).

В сравнительном аспекте предпринимались попытки сгруппировать эквивалентные клише разных языков по лексико-грамматическому и стилистическому признакам (см. Ступин, Игнатьев). Указанные характеристики обычно рассматривались внутри одной из тематических групп, на которые легко распадаются клише речевого этикета (формулы приветствия, прощения, благодарности, просьбы и т.п.). В.Г. Гак (см. Гак) сравнил ситуативные обозначения русского и французского языков и предложил различные способы их классификации с точки зрения различий национальных культур, отражаемых данными единицами языка. Однако автор остановился только на одной группе клишированных выражений (сituативных обозначениях), не рассматривая другие типы подобных единиц.

Выбор того или иного клише полностью мотивируется ситуацией, в которой оно используется. Можно сказать, что клише подставляются в высказывание почти машинально, в виде стереотипного выражения применительно к характеру общения и условиям, вызывающим их употребление в речи, то есть, узусом, под которым понимаются «такие реализации языковой системы, которые пригодны для данных условий общения» (Верещагин, Костомаров, с. 93). Другими словами, узус – это соединение способа выражения с условиями коммуникации, подходящая для данной конкретной ситуации форма речи. Очевидно, что узус – это не только лингвистическое, но и социальное явление. Социальные отношения ограничивают и определенным образом организуют поведение людей,

ориентируют их на внешне заданные правила, которые формулируются «от имени» всего общества и выполняются в повторяющихся ситуациях. Каждой социальной ситуации соответствует речевая ситуация, которая представляет собой общий комплекс условий и реакций человека в этих условиях, вызывающих соответствующее лингвистическое оформление. Следует отметить, что речевые ситуации могут быть как стандартными, так и вариабельными (Верещагин, Костомаров, с. 95). Примером стандартной ситуации может служить покупка билета в железнодорожной кассе, отправки или получения посылки на почте и т.п. В таких ситуациях поведение человека строго регламентировано – как в отношении вербального, так и невербального поведения. Стандартная ситуация полностью предписывает, что человек должен делать и говорить.

В вариабельных (переменных) ситуациях форма речи не так тесно связана с содержанием. Переменные речевые ситуации обусловлены социально-личностными взаимоотношениями собеседников, их общеобразовательным уровнем, а также тональностью общения, то есть степенью соблюдения коммуникантами этических норм взаимодействия (Скребнев, с. 186). От изменения любой из этих характеристик зависит изменение формы речи, хотя содержание высказывания остается тем же. Так, например, в русском языке при встрече с приятелями часто употребляется клише «Привет!», а при встрече с человеком малознакомым или более старшим по возрасту или положению – «Здравствуйте!» (ср. также в английском: «Hi!» и «Hello!»). Хотя вариабельные ситуации, также как и стандартные, тесно связаны с формой выражения, в них говорящий сталкивается с выбором из ряда возможностей, тогда как стандартная речевая ситуация диктует практически одну единственную узальную фразу. Вариабельные ситуации обслуживаются клише речевого этикета (ситуации прощания, приветствия, благодарности, извинения и проч.), нередко являясь составной частью более крупных ситуаций общения. Напротив, стандартные речевые ситуации практически уникальны (если формула приветствия пригодна и в магазине, и на почте, и в ресторане, то «магазинное» поведение и «магазинные» узальные фразы не годятся для переноса ни на почту, ни в ресторан, ни вообще куда-либо). В стандартных ситуациях используются обиходно-бытовые клише, например, в магазине: «Платите в кассу», «Вот ваши чеки», «Вам завернуть?», «Here's the change», «What size do you take in shoes?».

Узус определяет употребление тех или иных клише. Правила речевого узуса охватывают ситуацию в целом, выбирая языковые средства в соответствии с требованиями национальной культуры. Одна и та же ситуация в разных языках нередко вызывает употребление разных выражений. Например, английское клише «What do you want?» не является эквивалентом русскому выражению «Что вы хотите?», часто используемому в сфере обслуживания. Функциональным эквивалентом русского «Что вы хотите?»,

употребляющимся в аналогичной ситуации, будет английское «*Could I help you?*» или «*What can I do for you?*». Что касается выражения «*What do you want?*», то оно может быть переведено русским стилистически сниженным клише «Чего тебе?» или «Чего/чё тебе надо?», которое употребляется в других речевых ситуациях.

Внеязыковые особенности, присущие данным языковым коллективам, определяют выбор устойчивых выражений во внешне похожих ситуациях. Клише, в отличие от других языковых единиц, тесно связаны с бытом, с жизнью общества, пользующегося данным языком. Так, например, в Британии и Америке принято поздравлять родных и знакомых с Рождеством, а в России – с Новым Годом. В английском языке отсутствует эквивалент русскому приветствию «*С легким паром!*», потому что в Англии нет обычая приветствовать только что попарившегося, помывшегося человека. Также непонятен будет англичанину, попавшему на русскую свадьбу, смысл восклицания «*Горько!*», потому что в Англии отсутствует подобная традиция.

Культура каждой отдельной языковой общности влияет на выработку типичных именно для этого национального коллектива социальных норм поведения. Культура, таким образом, является системой стандартизованного поведения. Клише являются наглядным примером подобной стереотипности поведения людей в обществе, так как употребление их системно и привязано к определенным жизненным ситуациям. Этим обусловлено и то, что клише в большей степени, чем другие лексические единицы несут на себе отпечаток национальной культуры: такие выражения, как «*Присядем на дорожку!*», «*Хлеб-соль!*» или «*Kill the Bill!*», «*I like Ike!*» обозначают сугубо национальные реалии, не имеющие аналогов в другом языке.

Практически все клише в большей или меньшей степени обладают национально-культурной спецификой. Так, для говорящих на русском языке характерным ответом на вопрос типа «*Как дела?*» будет «*Ничего*», а в английском языке в такой ситуации, скорее всего, будет дан ответ «*Quite well, thank you*».

Знание различных клише очень важно для межъязыкового общения, а между тем, перевод таких выражений крайне сложен и связан с целым рядом проблем. Так, в большинстве случаев клише не переводятся поэлементно: например, русскому выражению «*Не кладите трубку*» соответствует английское «*Hold on*» или «*Hold the line*», дословно означающее «держите линию». Так что «*Не кладите трубку*» и «*Hold on!*» / «*Hold the line*» являются не столько переводными, сколько функциональными эквивалентами. Сравним другую пару клише: русское «*Окрашено*» и английское «*Wet paint*»: и здесь налицо как структурные, так и лексические различия.

Подбирая русские эквиваленты к английским клише и наоборот, мы имеем дело с разной степенью их соответствия друг другу. Они могут быть практически идентичными («*Вход*» и «*Entry*»); могут совпадать частично

(«Доброе утро!» в русском языке – только приветствие, а «Good morning!» в английском служит и прощанием и приветствием); и могут совершенно не иметь соответствия в другом языке («С легким паром!»).

Даже более или менее соответствующие друг другу клише могут различно употребляться в реальной действительности. Так, перевод английского клише «Mind the doors!» русским выражением «Осторожно, двери закрываются!» является лишь частичным соответствием, так как в Британии эти слова («Mind the doors!») можно услышать только в метро, тогда как русские употребляют клише «Осторожно, двери закрываются!» в любом виде транспорта.

Итак, сравнивая русские и английские клише на уровне способов языкового обозначения, необходимо учитывать и те их особенности, которые обусловлены системой языка, и те, которые имеют национально-культурное происхождение. К первым относятся различия, обусловленные несовпадением объема значений слов, наличием или отсутствием определенных грамматических категорий и способов построения предложения. Ко вторым относятся такие клише, своеобразие которых связано не с использованием языковых средств как таковых, а с различием в их употреблении. Во многих случаях мы имеем дело с сочетанием и того. И элементов обеих групп.

Литература

1. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М.: МГУ, 1973.
2. Гак В.П. Ситуативные обозначения в лингвострановедческом аспекте //Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М.: МГУ, 1974.
3. Скребнев Ю.М. Очерки теории стилистики. - Горький, 1975.
4. Ступин Л.П., Игнатьев К.С. Современный английский речевой этикет. - Л.: ЛГУ, 1980.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: «Русский язык», 1982.

Т.Ю.Тамерьян
Владикавказ

Сравнительно-сопоставительный анализ ядра языкового сознания осетин

Изучение ментального лексикона человека осуществляется в рамках нескольких направлений – когнитивной психологии, когнитивной лингвистики и психолингвистики.

Концепция лексикона как динамической функциональной системы, самоорганизующейся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами была разработана А.А.Залевской (Залевская 1977).

Слово признается единицей лексикона и средством доступа к информационной базе человека. Формальные (звуковые, графические), грамматические, семантические признаки, а также их комбинации служат параметрами для поиска слов в памяти.

Выделение ассоциативных признаков базируется на тезисе об ассоциативном характере человеческого мышления. Исследования показывают, что функционирование слов в индивидуальном сознании носителей языка обусловлено ассоциативными связями между словами (построением ассоциативных полей), а ассоциативные связи между словами формируются на основе мыслительных операций с приписываемыми им признаками.

Ассоциативное поле слова-стимула, получаемое в результате ассоциативного эксперимента, – «это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» (Уфимцева 1996, с. 140).

Выделение ядра и периферии лексикона осуществляется по принципу частотности, с которой слово употребляется в качестве реакции на различные стимулы.

Независимо от принадлежности тому или иному этносу, ядро лексикона в различных языках образуют слова, выражающие универсальные в своей сущности понятия. Межъязыковое сравнение ассоциатов позволяет выявить универсальное и этноспецифическое. Было подтверждено наличие некоторых универсальных моделей связей в лексиконе, обнаружена национально-культурная специфика их реализации (Залевская 1979).

В эксперименте, проведенном с осетинами-билингвами, было получено 14678 слов-реакций и 145 отказов. В 252 словах были допущены орфографические ошибки, что составляет 5.8% от всех полученных слов-реакций.

В качестве материала для сравнения рассматриваются ядро языкового сознания русских и ядро языкового сознания англичан. Ядро языкового сознания русских было выявлено Н.В.Уфимцевой по материалам «Русского ассоциативного словаря» (Караулов и др. 1989-1998); ядро языкового сознания англичан выделила А.А.Залевская по материалам «Эдинбургского ассоциативного тезауруса» (Kiss et all 1972). Сопоставительные исследования ядра лексикона в русском и английском языках были осуществлены Н.О.Золотовой (Золотова 1981; 1991) и Н.В.Уфимцевой (Уфимцева 1996; 1998; 2000).

В таблице 1 приведены первые 50 слов ядра осетинского языкового сознания, как имеющие наибольшее количество связей в ассоциативной вербальной сети. Цифры слева от слова обозначают ранг в ядре языкового сознания, цифры справа указывают число разных стимулов, вызвавших данное слово в качестве реакции по сумме двух этапов эксперимента.

Таблица 1.
Ядро языкового сознания осетин

Ранг	Ассоциат	Перевод ассоциата на русский язык	Кол-во стимулов
1.	зæгъын	сказать	1131
2.	лæппу	мальчик; молодой человек	712
3.	чызг	девочка; девушка; дочь	677
4.	æз	я	675
5.	уæвын	быть	659
6.	лæг	мужчина; человек; муж	580
7.	адæм	люди	550
8.	ды	ты	512
9.	бон	день	458
10.	хъæу	село	420
11.	ус	женщина; жена	410
12.	зæрдæ	сердце	382
13.	хорз	хороший	372
14.	хæдзар	дом	324
15.	рæсугъд	красивый	319
16.	уарзон	любимый	265
17.	мах	мы	257
18.	фырт	сын	249
19.	æхца	деньги	237
20.	зонын	знать; уметь	226
21.5	рæстæг	время	219
21.5	хур	солнце	219
23.	ныйяраæг	родитель	215
24.	амонд	счастье; судьба, доля	196
25.	уарзондзинад	любовь; приветливость	194
26.5	къах	нога, стопа	186
26.5	зæронд	старый	186
28.	сывæллон	ребенок	165
29.	дзырд	слово	155
30.	тынг	очень; сильно; крепко	151
31.	кæнын	делать	139
32.	бæлас	дерево	136
33.	зæхх	земля	127

34.5	хæхтæ	горы	112
34.5	мад	мать	112
36.5	дуар	дверь	103
36.5	æхсæв	ночь	103
38.	райсом	утро	100
39.	аз	год	97
40.	уыдон	они	96
41.	уынг	улица	95
42.5	дзул	хлеб	94
42.5	фыд	отец	94
42.5	бæстæ	страна; край	94
44.	иннæ	другой; иной	88
45.	цард	жизнь	86
46.	хистæр	старший; старейшина, тамада	83
47.	кусын	работать; действовать	82
48.	сай	черный; траур	81
49.	хъæуын	быть нужным; недоставать	79
50.	æгъдау	закон, обычай, традиция; порядок, правило; дисциплина, поведение; приличие; нрав	77

В осетинском языковом сознании наиболее важными являются такие реалии, как: **бон** «день», **хъæу** «село», **зærда** «сердце», **хæдзар** «дом», **сæр** «голова», **рæстæг** «время», **хур** «солнце», **амонд** «счастье; судьба, доля», **уарzonдзинад** «любовь», **къах** «нога», **дзырд** «слово», **бæллас** «дерево», **зæхх** «земля», **хæхтæ** «горы», **дуар** «дверь», **æхсæв** «ночь», **райсом** «утро», **аз** «год», **уынг** «улица», **дзул** «хлеб», **бæстæ** «страна, край», **цард** «жизнь», **æгъдау** «закон, обычай, традиция; порядок, правило; дисциплина, поведение; приличие, нрав». В русском языке – **дом, жизнь, деньги, лес, день, любовь, работа, вода, радость, дело, смерть, стол, дорога**. В английском языке – **sex, money, work, food, water, time, life, love, car, house, death, home, bed**.

Наиболее распространенные оценки в осетинском языке – **хорз** «хороший», **тынг** «очень; сильно» и **бира** «много»; качества – **рæсугъд** «красивый», **зæронд** «старый», **иннæ** «иной, другой», **сай** «черный, траурный», **ног** «новый», **дæу** «твой», **мæгуыр** «бедный», **хъæздыг** «богатый», **æвзæр** «плохой, дурной». Наиболее частотные оценки в русском языке – **плохо, хорошо, много, быстро, всегда**; качества – **большой, хороший, мой, старый**; в английском языке – **good, nothing, bad, now, never, happy, great**.

Человек в ядре осетинского, русского языкового сознания и в ядре языкового сознания англичан определяется преимущественно как существо мужского пола: **лæппу/лæг, человек, man**.

Традиционная осетинская семья, домочадцы составляют центральную зону семантической группы «Человек»: **чынз** «невестка», **фырт** «сын», **ныйяраэг** «родитель», **сывәллон** «ребенок», **мад** «мать», **фыд** «отец», **хистәр** «старейшина», **бинонтаэ** «домочадцы», **xo** «сестра», **афсымәр** «брать». Формирование этнических осетин происходит под влиянием старших, рода, коллектива, сквозь призму родовых норм поведения.

Гостеприимство (**уазәг** «гость») является неотъемлемой чертой осетинской культуры. В то же время враг (**знаг**) – это человек, нарушивший **аегъдау**, преступивший закон. Чаще всего **знаг** понимается как «кровный враг», враг семьи, рода.

В языковом сознании осетин отмечаются наиболее частотные связи слов: **ләг** «мужчина; человек, муж» – **ус** «женщина; жена»; **ләг** – **фыд** «отец»; **ләг** – **хистар** «старший»; **ләг** – **фырт** «сын»; **ләг** – **афсымәр** «брать»; **ләг** – **ләппу** «молодой человек»; **ләг** – **уазәг** «гость». **Ус** «женщина; жена» – **чынз** «невестка»; **ус** – **мад** «мать»; **ус** – **сывәллон** «ребенок», **ус** – **xo** «сестра».

Важное место в образе мира русских занимает понятие **друг** (ранг 9.5), у англичан, склонных к личному уединению и индивидуализму, слово **friend** занимает одну из последних позиций (ранг 73). В Осетии, где основным регулятором социальной жизни является традиция, слово **друг** не вошло ни в список наиболее частотных слов осетинского языка, ни в ядро ментального лексикона осетин. По-видимому, в силу того, что у осетин существует понятие **«назывной брат»**, близкое по своему значению слову **друг**. Кроме того, многочисленные родственники в значительной степени компенсируют потребность в общении.

Следует отметить, что, по-видимому, в силу более строгого соблюдения речевых этикетных норм в ядре языкового сознания осетин, в отличие от русских и англичан, отсутствует слово **әдылы** «дурак».

Ядро лексикона отражает актуальную для носителей осетинского языка картину окружающей жизни, условия, в которых живут осетины, их уклад: **хъәу** «село», **хәдзар** «дом», **әхца** «деньги», **хур** «солнце», **бәлас** «дерево», **зәхх** «земля», **хәехтәэ** «горы», **дуар** «дверь», **уынг** «улица», **дзул** «хлеб», **бәстәэ** «страна; край», **худ** «папаха, шапка», **хәринағ** «еда, пища», **хәст** «битва; война», **Ирыстон** «Осетия».

Присутствие в ядре языкового сознания осетин обозначений времени (**бон** «день», **рәстәэг** «время», **әхсәэв** «ночь», **райсом** «утро», **аз** «год») свидетельствует о необходимости исчисления сроков сельскохозяйственных работ, о значимости соблюдения религиозных и обрядовых праздников, а также рабочих дней. В XIX веке у осетин было только три рабочих дня – вторник, среда и четверг. Пятница считалась днем Марии-Богоматери, в субботу разрешался только **зиу** «общественные работы», воскресенье был день божий, а в понедельник не работали, так как это был начальный день недели (Тменов и др., с. 87).

Этнокультурным выражением духовной жизни осетин являются понятия: **зәрдә** «сердце», **амонд** «счастье», **уарзондзинад** «любовь», **цард** «жизнь», **ныфс** «надежда», **хабар** «новость», **зонд** «ум», **хъуыды** «мысль», **кад** «почет».

Сердце «зәрдә», по данным ассоциативного эксперимента, осуществляет «помимо физиологической, и другие важнейшие жизненные функции: духовную, морально-нравственную, эмоциональную, психологическую и т.д.» (Бижева, с. 60). Например: **зәрдә әхсайын** «бесспокоиться», **зәрдә бавәрын** «обнадеживать», **зәрдә дарын** «надеяться»; **зәрдә райын** «радоваться», **зәрдә тәнын** «питать симпатию», **зәрдә бамағуыр уын** «чувствовать разочарование», **зәрдәмә исән** «впечатлительный»; **зәрдә зонын** «чувствовать» и др.

Если типичными для русских действиями являются **жить**, **думать**, **говорить**, а для англичан – **work**, **help**, **drink**, то диапазон действий в ментальном лексиконе осетин значительно шире: **зәгъын** «сказать», **уәвын** «быть», **зонын** «знать; уметь», **кәенын** «делать», **кусын** «работать; действовать», **хъәуын** «быть нужным; недоставать», **зарын** «петь», **дзурын** «говорить», **бадын** «сидеть».

Свои особенности в осетинском, русском и английском языковом сознании имеет приписывание оценок. В ядре языкового сознания русских и англичан оценка смешена в сторону положительного признака: **большой** (ранг 5) – **маленький** (ранг 68), **хороший** (ранг 12.5) – **плохой** (ранг 23.5); **good** (ранг 3) – **bad** (ранг 16). В языковом сознании осетин оценка в сторону положительного признака отмечается в паре: **хорз** «хороший» (ранг 13) – **әевзәр** «плохой» (ранг 70). Оценка в сторону отрицательного признака представлена в парах: **зәронд** «старый» (ранг 26.5) – **ног** «новый» (ранг 52), **мәгуыр** «бедный» (ранг 56) – **хъәздыг** «богатый» (ранг 66). Антонимическая пара **хистәр** «старший» (ранг 46) – **кәестәр** «младший» (ранг 75) отражает контрапротивную связь.

Оценки **рәсугъд** «красивый» и **уарzon** «любимый» прежде всего связаны с домом (**хәдзар**), женщиной (**ус**), невесткой (**чынз**), девушкой (**чызг**). **Сау** («траурный, черный») ассоциируются со словом день (**бон**) и еда (**хәринаг**). Наиболее типичным сочетанием со словом **бира** (много) является **адәм** (люди), а самая типичная связь наречия **тынг** «сильно; крепко; очень» - **хъәуын** «недоставать, нуждаться».

Человек, по данным «Русского ассоциативного словаря», оценивается прежде всего как **хороший** или **плохой**. Результаты ассоциативного эксперимента подтверждают, что **добро** также относится к первичным ценностям осетинской культуры. Однако второй по значимости являются оценки «бедный» (**мәгуыр**) – «богатый» (**хъәздыг**).

Базовые этнокультурные ценности, выявленные в результате свободного ассоциативного эксперимента (**зәрдә** «сердце», **хәдзар** «дом», **фырт** «сын»,

ный арæг «родитель», амонд «счастье», уарzonдзинад «любовь», сывæллон «ребенок», дзырд «слово», зæхх «земля», мад «мать», фыд «отец», бæстæ «край, страна», цард «жизнь», хистæр «старший, старейшина», æгъдау «обычай, закон», бинонтæ «домочадцы», ныфс «надежда», уазæг «гость», зонд «ум», Ирыстон «Осетия», кад «почет, уважение», кæстæр «младший») являются отражением миропонимания осетин, закрепленного в народном сознании.

Ядро языкового сознания осетин представлено наиболее частотными словами осетинского языка. Ведущее место в ядре лексикона осетин занимают существительные (66.7%), что соотносится с выводами Н.О.Золотовой о том, что 70% слов ядра языкового сознания русских составляют существительные (Золотова 1987). В ядре языкового сознания англичан существительные занимают 64%. Как отмечает А.А.Залевская, «ведущее место существительных в ядре лексикона человека согласуется с предположением о первичности существительных в развитии речи как в филогенезе, так и в онтогенезе» (Залевская 1982, с. 39).

Сравнительный анализ ядра языкового сознания осетин, русских и англичан позволил выявить национально-культурную специфику и универсальный характер ядра языкового сознания. Национально-культурная специфика проявляется на уровне отдельных слов – именно на этом уровне обнаруживаются максимальные различия между языками. В то же время обнаруживается универсальный характер по линии концептуального сравнения в разных языках. Ядро языкового сознания осетин, по сравнению с русскими и англичанами, отражает более традиционную этнокультурную картину мира.

Литература

1. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. – Нальчик: Эльбрус, 2000.
2. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: КГУ, 1977.
3. Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. – Калинин: КГУ, 1979.
4. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. – Калинин: КГУ, 1982.
5. Золотова Н.О. К проблеме «ядра» лексикона человека// Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. - Калинин: КГУ, 1981. – С.45-48.
6. Золотова Н.О. Разграничение ядра и периферии в исследованиях организации лексики//Психолингвистические исследования: звук, слово, текст. – Калинин: КГУ, 1987. – С.102-105

7. Золотова Н.О. «Картина мира» и ядро лексикона носителя английского языка//Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь: ТГУ, 1991. – С. 40-45.
8. Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н. Религиозные воззрения осетин (история религии – история народа). – Владикавказ: ИГСИ, 2000.
9. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания// Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 1996. – С.139-162.
- 10.Уфимцева Н.В. Этнический характер и язык русских//Этнокультурные исследования языкового сознания. – М.: Инт-т языкоznания РАН, 1998. – С. 158-170.
- 11.Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян//Языковое сознание и образ мира. – М.: Ин-т языкоznания РАН, 2000. – С.207-219.
- 12.Kiss G.R., Armstrong C.M., Milroy R. The Associative thresarus of English. – Edinburgh, 1972.

С.Я. Гельберг, В.В. Смирнова
Ижевск

Кельты и удмурты – сходства и различия

Проникновение в историческое прошлое народов/этносов предоставляет исследователю возможность сравнить образ жизни цивилизаций, древнейших этносов. Интересным оказалось изучение этносов Евроазиатского мира, в частности кельтов - представителей Британских островов и удмуртов – народа поликультурного региона России.

Кельты были частью захватчиков, двигавшихся последовательными волнами, начиная со II тысячелетия до н.э. Они были западной волной пришельцев в Европу и истребили или ассимилировали предшествовавшие популяции. Кельты или Галлы (название получили от римлян) были предками части немцев, бельгийцев, швейцарцев, итальянцев. Индоевропейский мир - это совокупность языков и культур, составной частью которых являются и кельты.

Ученые не имеют единого мнения о первоначальных территориях, населенных кельтами. Считают, что кельтский мир зародился в III тысячелетии до н.э., событие связывают с появлением шнуровой керамики и боевых топоров.

Трудно определить расовую принадлежность кельтов. Античные авторы оставили противоречивые описания этноса: одни отмечают их как рослых людей, белокожих, золотисто-рыжеволосых, другие - как смуглых с курчавыми волосами, менее высоких, менее светлых, чем германцы.

В IV в. до н.э. они начинают вторгаться в этруссскую и римскую Италию. Существует предание об их осаде Рима, жителей которого спасло гоготание священных гусей. К V-IV векам до н.э. большая часть Британии тоже была завоевана кельтами. Археологические находки доказывают, что во II веке до н.э. кельты уже обитали в Ирландии. Отсюда их принято называть островными кельтами, в отличие от кельтов материковой Европы.

Мощное продвижение кельтов произошло в IV веке до н.э. в Юго-Восточной Европе, на Балтике, в Западной Турции. Дошли также сведения о том, что кельты прибыли в Грецию и пытались ограбить святилище в Дельфах, но им помешал снег, магически выпавший там как будто по воле бога Аполлона.

Греки провели различие между восточными кельтами, назвав их галатами и кельтами в Западной Европе (Keltoi). Римляне ввели дополнительные разграничения, обозначив французских кельтов именем галлы (Galli), британских кельтов – белги (Belgae, на территории современной Бельгии) и бритты (Britanni).

Кельты не написали собственной истории и не создали своего государства. Античные описания заимствуют информацию из других более ранних источников, поэтому их следует воспринимать критически. Одно оказывается подтверждено археологическими раскопками – кельты имели жестокие обычаи и глубоко верили в сверхъестественное.

В древнекельтском обществе основными единицами были семья и род. Роды объединялись в кланы, кланы в племена. Род был связан круговой порукой. Несмотря на общинно-родовое устройство, у кельтов существовало имущественное и социальное расслоение. Выделяются три социальных слоя: король, благородные (знатные) и свободные; были еще и рабы. Влиятельным слоем у древних кельтов были всадники. «Их уважали как превосходных наездников, стремительных бойцов, которые, проскакав много миль, могли вступить в долгую и тяжкую схватку» (Мифы и верования древних кельтов, с. 19). Кельты были чрезвычайно храбры. Главным оружием были мечи, литые копья или пики, позднее – щиты. Авангардом кельтского войска были боевые колесницы, иногда в бой вводили специально обученных псов.

Королевская власть была сильной, король отвечал за ведение войны, выполнял обязанности жреца, решал наиболее важные судебные дела. Суд принадлежал главе клана или народному Собранию. При вынесении приговора жрецы могли совершать магические действия. Жрецы/друиды пользовались большим влиянием в обществе. Совет старейшин формировался из знати, управлял общиной, решал вопросы войны и мира.

Многочисленные кельтские племена обитали на больших пространствах, покрытых лесам, и в долинах рек. Они занимались скотоводством, земледелием и охотой. Кельты хорошо знали обработку металлов, гончарное дело и ткачество. Они первыми заложили соляные копи и первыми

научились получать из железной руды железо и сталь, и этим определили конец бронзового века в Европе. Они владели высокими для того времени технологиями (изобрели столярный верстак), развили ремесла. Вершины их производства касаются изготовления стальных мечей, шлемов, кольчуг – тогда лучших в Европе.

Основой экономики древних кельтов было сельское хозяйство, они жили в деревнях среди полей, строили деревянные дома с соломенной или тростниковой крышей. Ю. Цезарь называет эти поселения *vici*. Сельским поселениям Ю. Цезарь противопоставляет укрепленные галльские поселения – *oppida*. Кельты имели свои названия таких мест – *dunum*. Характерными признаками были стена, вал и ров.

Единицей ценности считались полоски необработанного железа с отверстием внутри, расширенные по середине, одного и того же веса. В III веке кельты начинают чеканить первые «варварские» монеты в Европе.

В кельтском мире образование, литература и религия были сосредоточены внутри строго организованной системы трех профессий: друиды, барды и прорицатели, известные как *vates* в галльской и *filidhs* в ирландской традициях. Друиды были наделены высочайшим социальным статусом, *vates* исполняли многие обязанности друидов; барды занимались изящной словесностью и пользовались почти таким же уважением, как друиды.

Кельты придавали большое значение числам, в частности числу «3». Одним из наиболее широко распространенных образов является божество с тремя головами или с тремя лицами – Трицефал.

Любопытно, что наряду с культом Трицефала господствовал культ богинь-Матерей; найдены два памятника (в Треве и в Меце), на которых изображены три богини, причем та, которая в центре, стоит на поверженном боге с тремя лицами и попирает его ногами.

Если у человека кельты утраивали самую драгоценную часть его тела – голову, то у животных они утраивали самую опасную часть – рог. Так, было широко распространено изображение быка с тремя рогами. Культ быка часто встречается в разных частях античного мира и раннюю эпоху, однако только в Галлии находят этого трехрогого монстра.

Кроме того, что кельты утраивали самую важную в том или ином отношении часть в изображении божества, они были также склонны объединять своих богов в триады. Так, на барельефах, происходящих из римской Галлии, женские божества, так называемые богини-Матери, очень часто сгруппированы по три.

Эта распространенная тройственность божественных образов, представленных на галло-римских памятниках, является хорошо известным приемом, называемым «повторение интенсивности», в основе которого лежат число и умножение. В этой множественности кельты отдавали предпочтение числу «три».

УДМУРТЫ – это один из народов финно-угорской группы, к которой относятся также марийцы, мордва, коми-зыряне, коми-пермяки, ханты, манси, эстонцы, финны, венгры, карелы и т.д. – всего около 20 наций. Район проживания древних финно-угорских народов охватывает широкое пространство Волго-Камья, включая территорию современной Кировской области, республики Марий Эл, прикамские районы татарской республики, восточные пределы Вологодской, Костромской, Нижегородской областей, северо-восточные районы Чувашии, юго-западные районы Башкортостана. Это был огромный регион от Урала на востоке и до Скандинавии на западе.

Но со II – III в.в. н.э. начинается вторжение на территорию Прикамья южных и восточных племен. Под их напором часть местного населения уходит в другие, необжитые места. Начинается массовое переселение побежденных. Это было первое переселение удмуртов и других финно-угорских народов со своих насиженных мест.

Удмурты пришли с берегов Енисея, где жил народ арины (ср. **ар** – тюркское название удмуртов).

К началу II тыс н.э. четко обозначились южные удмурты, оставшиеся от переселений и занимавшие территорию нижнего течения реки Камы и Вятки. Эта группа называлась Арской группой. Существовали северные удмурты, обосновавшиеся в среднем течении рек Вятки и Чепцы, и центральные удмурты, проживающие южнее реки Чепцы, т.е. по рекам Кильмезь, Вала, Иж.

Откуда же произошло название «удмурты»? Существовало четыре названия этого народа: «ар», «од», «вотяк» и «удмурт». Первые упоминания об удмуртах в литературных источниках мы встречаем у известного арабского путешественника Абу Хамид ал-Гарнати, который совершил путешествие в Восточную и Центральную Европу и описал народ, который называли арами. Под таким названием удмурты вошли и в первые русские летописи. Кроме того, удмурты, коми и пермяки в русских источниках, таких как «Повесть временных лет» фиксировались под названием «Пермь», а народ, проживавший в бассейне реки Вятка, в памятнике русской письменности «Слово о погибели русской земли» упоминается под названием «вяда». Но первым названием удмуртов, которым их именовали другие народы, было слово **«ар»**.

Марийцы их называли **«од»**, **«одо»**. Русские, соприкоснувшись с коренными жителями вятского края, стали их называть вотяками. Само же название местного населения было **«удмурт»** (**«удыс»** - земля, **«мурт»** - человек, т.е. «человек земли»).

Удмурты входят в Волго-Уральскую историко-этнографическую область, для которой характерно устойчивое сочетание этнокультурных компонентов разного исторического происхождения, обусловленное спецификой географического местоположения Поволжья, находящегося на стыке Европы

и Азии. Удмурты испытали длительное этнокультурное воздействие со стороны своих соседей, в свою очередь активно воздействовали на них, что способствовало сложению общих культурно-бытовых черт, наблюдавшихся в сфере языка, материальной и духовной культуры этих народов.

Древнейшими хозяйственными отраслями были охота, рыболовство, бортничество, собирательство. По мере развития производительных сил предки удмуртов довольно рано (с эпохи бронзы) перешли к производящим формам хозяйства: земледелию и животноводству.

Удмуртам, как и другим народам, характерно приписывание магических свойств числам и счету. В первую очередь здесь следует говорить о цифрах **3, 4, 7 (3+4=7)**.

На основе комплексных фольклорно-этнографических и археологических источников возможна реконструкция космической модели мира удмуртов. Трихотомическая по своей структуре, она представлена небесной, земной и подземной/водной сферами, или тремя мирами, два которых потусторонние. Трехчастная структура мира особенно наглядно прослеживается в системе жертвенных даров, т.к. все три сферы, три мира обязательно умилостивлялись.

Трехчастная композиция с подчеркнутым выделением трех смысловых зон широко распространена в удмуртском народном искусстве. Так, в ансамбле женского народного костюма сохранялась образно-символическая структура, которая заключала в себе представления о трехчленном делении Вселенной. В археологических, декоративно-прикладных, фольклорно-этнографических источниках удмуртов встречаются изображения, связанные с цифрами, например, изображение солнца с четырьмя ногами, трехголовый конь и т.д.

Для пантеона удмуртской религиозно-мифологической системы мира характерно большое количество всевозможных богов, божеств, духов и различных мифологических существ, их число составляет порядка четырех десятков. Среди них встречаются триады богов. Например, Инмар-Кылдысин-Куазь осознавались как светлое, доброе начало, покровительствующее людям, природе. Их мифологической оппозицией, сосредоточением темных, злых, разрушительных сил воспринимались Луд-Кереметь-Шайтан. Агни – бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. Агни – это огонь на небе-Солнце, у него тройная природа, троекратный свет, три головы, три силы, три языка. Его определяют эпитетом «имеющий три обиталища». Это мистическое представление о трех ипостасях одного великого божества находит отражение в религиозном обряде удмуртов – разжигании трех жертвенных костров. Эти три костра отражены в фильме «Соперницы», созданном на этнографической основе в деревне Улын Юри Малопургинского района Удмуртской республики в 1928г.

Числовая магия действовала в традициях и обрядах удмуртов. При угощении кумышкой не обязательно выпивать всю рюмку, достаточно

трижды пригубить. В родильном обряде баню топили три дня подряд для родов и послеродового очищения; во время похорон клали в гроб семь нитей пряжи, равных длине тела, по три нити раздавали пришедшим проститься в день похорон; во дворе гроб ставили на чурбак и трижды поворачивали против солнца и т.д.

Заклинательный текст удмуртов – куриськон – имеет каноническое построение. Его трехчастная композиция соответствует трихотомической модели мира, где верхний и нижний ярусы отведены божествам, а в среднем живут люди со своими многочисленными заботами, надеждами и просьбами. Магию чисел использовали и знахари, процедуру лечения проводили трижды. В одной удмуртской песне поется «...если срубить вершины 77 елей, увижу ли я свои родные края?» - цифре 7 в удвоенном виде у удмуртов также придается особое значение.

В заключение отметим, что кельты и удмурты демонстрируют поразительное совпадение в использовании числовой символики - чисел 3, 4 и 7, что может быть связано с верованиями этносов и их восприятием мира.

Литература

1. Миры и верования древних кельтов.- Сингапур-Москва: Арт-Родник, 2003.

Д.А.Халиуллина
Ижевск

Взаимодействие английского и французского языков в среднеанглийский период (на материале денежно-торговой лексики)

Культурная и экономическая жизнь Англии в средние века богата событиями. В экономике наблюдается бурное развитие торговли и промышленности. Ведущая роль в этом процессе принадлежала купцам, ремесленникам и подмастерьям, которые прибыли в страну из Франции после норманнского завоевания и внесли значительный вклад в язык и культуру Англии.

Развитие внешней торговли во многом связано с норманским завоеванием. Во-первых, в это время в жизнь вошла масса предметов роскоши, завезённых французскими дворянами. Во-вторых, норманское завоевание сопровождалось появлением в Англии различного рода торговцев, привозивших ткани, соль, пряности, вина, строительный материал для постройки замков. Средневековая Англия успешно осваивает торговлю на

континенте, экспортируя шерсть, олово и сукно во всей Европе и импортируя различные предметы роскоши, в первую очередь французского производства.

Вследствие расширения экономических отношений между Англией и Францией в средние века, а также в результате норманского завоевания, в среднеанглийском происходит тесное взаимодействие англо-саксонского и англо-норманского элементов. Исследователи выделяют два типа контактов:

1. тип А – устойчивый и длительный контакт между соседствующими системами, которые сопредельны по горизонтальной (региональной) или вертикальной (социальной) оси;

2. тип Б – внезапный контакт систем, которые раньше в контакте не находились. Тип Б может возникнуть в результате нашествия, миграции или иных событий в жизни населения.

Представляется сложным отнести взаимодействие английского и французского к какому-либо из данных типов контактов в чистом виде, поскольку эти взаимоотношения объясняются как сугубо политическими причинами (норманское завоевание) – тип Б, так и историко-культурными – тип А.

Данные исторические процессы обусловили появление в этот период многочисленных новых понятий, что сопровождалось пополнением английского языка значительным количеством новых слов и выражений.

Во второй половине XIII и в начале XIV вв. пополнение английской денежно-торговой лексики осуществлялось путём заимствования французских слов. Слова англо-саксонского и англо-норманского происхождения в равной степени использовались для ведения торговли. Среди них можно выделить:

названия денег и монет (англ.-сакс.: *pans*, *penny* (пенс), англ.-норм.: *besaunt* (золотая монета), *coupe*, *moton* (монета, равная по стоимости одному барану), *noble* (золотая монета);

названия торговых агентов (англ.-сакс.: *bigger* (покупатель), *chapman* (торговец), *cheap-ild* (торговка), *dal-neominde* (партнёр), *tene* (посредник); англ.-норм.: *achatour* (покупатель), *brokour* (посредник), *chaunger* (меняла), *paier* (покупатель), *purveyor* (поставщик), *regrater* (перекупщик), *isurer* (ростовщик);

названия денежных процедур и сделок (англ.-сакс.: *biyng* (покупка), *chaffer* (сделка), *dele* (ведение торговли); англ.-норм.: *achate* (покупка), *cheuisance* (сделка), *exhibition/paiement* (оплата);

абстрактные понятия, объединённые общим значением «некоторая сумма денег» (англ.-сакс.: *bigete* (прибыль), *fee* (деньги), *lean* (плата), *lennunge* (долг), *worthnesse* (стоимость), *yeldinges* (долги); англ.-норм.: *arrerage/dette* (долг), *cost/tresour* (цена), *profit* (прибыль);

торговые действия (англ.-сакс.: *beswynke* (зарабатывать), *biggen* (покупать), *chaffaren* (вести торговлю), *chepen* (торговать), *creauncen*

(занимать), *hukkan* (вести розничную торговлю); **англ.-норм.:** *achate/purchacen* (покупать), *converten* (переводить деньги), *regrate/retaille* (вести розничную торговлю);

названия товара и его качества (англ.-сакс.: *goedes/chaffer* (товар); **англ.-норм.:** *marchaundise* (товар), *meuprise* (гарантия), *excellence* (высокое качество товара).

Как правило, заимствовались слова, обозначавшие предмет или понятие, уже известное англичанам и имевшее обозначение в их языке. В большинстве случаев они заимствовались как синонимы английских слов и впоследствии вытесняли исконные эквиваленты: сакс. *biggen* < норм. *purchacen* (покупать), сакс. *getting* < норм. *profit* (прибыль), сакс. *chepe* < норм. *bargayn* (сделка), сакс. *wandan* < норм. *converten* (переводить деньги), сакс. *worthnesse* < норм. *prys* (цена), сакс. *hukker* < норм. *retailer* (розничный торговец) и др. Это связано с избыточной полисемантичностью исконных слов (англ.-сакс. *fee* обозначало «скот, собственность, деньги»; **chaffare** имело значения «торговая сделка, продажа, товар»). Большинство английских слов торговой лексики имели значения, лишь отдалённо связанные какой-либо ассоциацией. К примеру, два весьма слабо связанных между собой значения слова **copen** (“обменивать товар” и “встречаться”) были впоследствии вытеснены французскими глаголами *barter* и *encounter* соответственно, которые выражали значения точнее и не предполагали ложных интерпретаций. Более того, значения исконно английских слов могли быть даже антонимичными. Так, глагол **chepen** утратил оба своих антонимичных значения “покупать” и “продавать” и был заменён англо-саксонскими *biggen* и *sellēn* и французскими *purchase* и *achate*, а сохранился лишь в сочетании “*good chepe*” (ходкий, дешёвый).

Норманские элементы быстро ассимилировались в среднеанглийском, обеспечивая большую терминологическую дифференциацию, что связано с высоким уровнем развития французского общества данного периода.

В XIV-XV столетиях, когда торговая лексика обильно пополняется новыми словами, выражающими более сложные понятия и дифференциацию старых понятий, ведущую роль в производстве новых слов приобрело **словообразование**.

Основным и самым продуктивным способом словообразования в среднеанглийский период является **суффиксация**.

Индоевропейский суффикс **-er(e)** весьма широко использовался для образования имён деятеля. Суффикс **-er(e)** служил для образования новых слов от исконных и заимствованных основ: *hukker* (англ.-сакс. “розничный торговец”), *retailer* (англ.-норм. “розничный торговец”). В связи с неустоявшейся орографией того периода и диалектальными различиями, суффикс **-er(e)** мог иметь различное написание (*regratour*, *brokour*; *usurier*, *vitaillier*). Таким образом, французские заимствования могли иметь

написание, близкое к старофранцузскому или англо-норманскому, полностью воспроизводить французский графический состав или получать написание, близкое к английскому.

Существительные, образованные с помощью общегерманского суффикса **–ing(e)**, создавались на основе **исконно английских глаголов** (*borwen, biggen, chaffaren, delen, lennen, sellen, yelden*) и глаголов **французского происхождения**, заимствованных английским языком в это же время или несколько раньше (*bargaynen, ernen, merchaundisen, paien, purchase, retailen*).

Весьма продуктивными в рассматриваемый период оказались исконно английские суффиксы **–nesse, -hode/-hede**.

Суффикс **–nesse** (др.-а. **–ness, -nyss**) дал много образований в среднеанглийском и использовался для образования от основ прилагательных отвлечённых существительных, выражающих качество. В денежно-торговой лексике этот суффикс входит в состав многих абстрактных существительных **исконно английского** (*bysinesse, chepenesse* ‘дешевизна’, *worthynesse* ‘стоимость’) и **французского происхождения** (*derenessse* ‘дороговизна’, *profitablenessse* ‘прибыльность’).

Исконно французские суффиксы **–ry/-rye** и **–age** в сфере торговой лексики использовались для создания единичных образований, таких как **borwage** ‘поручительство’, **chapmany** ‘положение торговца’, **hoxterye/hukkerye** ‘занятие розничной торговлей’.

Итак, в связи с укреплением торговых отношений между Англией и Францией происходит активное вовлечение французского элемента в среднеанглийский словарь. Заимствования быстро ассимилируются в среднеанглийском, вытесняя исконные синонимы. Французские элементы участвуют в словообразовательных процессах наравне с исконно английскими, образуются слова на основе морфем различного происхождения.

Е.В. Пелипец
Ижевск

Немецкие заимствования в английском языке молодежи XX века

Общество представляет собой объединение различных социальных групп (служащих, рабочих, учителей, студентов, школьников и т.д.). Язык общества может рассматриваться с точки зрения **социальной дифференциации** как состоящий из многочисленных социальных диалектов (социолектов).

Термин «социолект» возник в лингвистике сравнительно недавно – во второй половине XX в. **Социолектом называют совокупность языковых**

особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.д. – в пределах той или иной подсистемы национального языка (Швейцер).

В настоящее время возрос интерес к молодежному социолекту. Рассмотрим его на примере английского языка.

Современный английский язык молодежного общения представляет причудливую смесь общеупотребительной лексики и ненормативных выражений, своеобразного молодежного сленга и заимствований из жаргонной речи. Язык особенно интересен характером словарного состава, что во многом объясняется историческими процессами массового проникновения иноязычной лексики.

На основе материалов словарей английского языка и английского сленга (The Oxford Dictionary of Modern Slang by John Ayto, John Simpson; The Concise Oxford Dictionary of English Etymology by T.F. Hoad; Dictionary of Contemporary Slang by Tony Thorne; Longman Dictionary of English Language and Culture) можно говорить о масштабном проникновении в английский язык иноязычных слов. Нам удалось выявить в английском языке молодежи 69 немецких заимствований, которые можно распределить по следующим семантическим группам:

Характеристика личности

Fink «доносчик»

Gunsel, gonsil, gunshel «простак», «молодняк»; «информатор»

Kvetch, kvetsch «раздражающий, презренный человек», «ябеда»

Schnook, shnook «простак», «несчастный малый»

Schlitzmazl, shlemazl «неудачник»

Негативные слова, обличающие:

- Дурака

Dumbo, dumb «дурак», «глупец»

Dummkopf, dumkopf, dumbkopf «дурак», «идиот»

Geek «дурак», «сумасшедший», «чудик»

Klutz «дурачок», «неумеха», «неряха»

Shmuck «тупица», «зануда»

- Лодыря

Bummer «лентяй», «лодырь»

Schlump, schlump, shlump «скучный, неряшливый человек», «лентяй»,

Schnorrer «попрошайка», «прихлебатель», «лодырь»

- Безнравственного человека

Shark «вымогатель», «барыга»

Shyster «бесчестный человек», «стряпчий по темным делам»

Snide «мошенник», «жулик», «симулянт»

Состояние человека

Blitzed «мертвецки пьяный»

Floozling «неуклюжий», «неумелый»

Shtum «немой», «безмолвный», «молчаливый»

Zaftig (о женщине) «пухленькая», «с округлыми формами»

Оценка предмета или действия

Dreck, drek «гадость», «мусор», «грязь», «отбросы»; «самый дешевый, некачественный товар»

Schlock «дешевка», «подделка», «безделушка»

Schmutz, shmutz «мерзость», «грязь», «пакость»

Shice «ничто», «поддельные деньги»

Принадлежность к немецкой нации

Heinie «немец», «немецкий солдат»

Kraut «немецкий солдат», «немец»

Kriegie «военнопленный», «заключенный в Германии во время второй мировой войны»

Денежные единицы

Gelt «деньги»

Oof «наличность»

Слова, характеризующие предметы и явления повседневной жизни

Flak «критика», «вражда», «проблема»

Glitch «непредвиденная ошибка», «поломка», «загвоздка»

Heist «(совершать) ограбление»

Katzenjammer «похмелье»

Nosh «еда», «легкая закуска»

Ryebuck, ribuck «гениально», «супер»

Schmeck «наркотик»

Shtick «трюк», «уловка»

Spiel «разглагольствование», «пустая болтовня»

Нетрудно заметить, что в большинстве случаев немецкие заимствования в английском языке молодежи несут негативную оценку и относятся к сниженной лексике, что в принципе объясняется тенденцией современной молодежи к сквернословию. Молодёжный язык, как правило, является сниженным средством речевого общения (см. Милютин).

В тематическом плане молодёжный язык охватывает широкий круг понятий и явлений, актуальных для его носителей: "человек", "чувства, состояния", "оценка действий", "деньги", "вредные привычки" и др. Он характеризуется вариативностью языковых средств в той или иной области общения (ср., в частности, целую группу немецких заимствований со значением «дурак»: *Dumbo, Dummkopf, Geek, Shmuck*), а также быстротой изменения словарного состава. Молодёжному языку свойственно постоянное обогащение новыми, более яркими, экспрессивными словами и выражениями,

часто заимствованными из других языков, что приводит к быстрому устареванию и замене слов. Так, например, в 60-80 года XX века для обозначения человека немецкой принадлежности широко использовалось слово *Kraut*, в настоящее же время это слово уже устарело и заменено другим немецким заимствованием *Heinie*.

Отметим, что многие немецкие заимствования содержат в себе сочетание фрикативных согласных (например, буквосочетание *Sch~*). Можно высказать гипотезу, что как графическое изображение, так и звуковая оболочка таких сочетаний неизбежно ассоциируется с немецкой письменной и звучащей речью. В психолингвистическом аспекте через подобные «шумы» или «фырканье» передается пренебрежение в речи говорящего.

Среди графических особенностей немецких заимствований отметим:

1. Усечение основы:

Glitz < *glitzerig*; *Schnoz* < *Schnauze*; *Kibitz* < *kiebitzen*

2. Переход немецкого сочетания *sch~* в английское *sh~*:

Shmecker < *schmecken*; *Shmaltz* < *Schmalz*

3. Переход удвоенного написания согласной в одиночное:

Dumkopf < *Dummkopf*; *Blat* < *Blatt*

4. Переход немецкого сочетания *ck~* в английское *k~*:

Drek < *Dreck*; *Schnook* < *Schnucke*

5. Чередование гласных:

Schlump – *shloomp* < *Schlump*; *Gunsel* – *gonsil* < *Gänslein*; *Schlimalz* – *shlemazl* < *schlimm*; *Ryebuck* – *ribuck* < *Reibach*

В заключение отметим, что особенности заимствований в молодежном языке проявляются практически на всех уровнях языковой системы.

Литература

1. Милютин Ю.Е. Размышления о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию. Курс лекций. - С-Пб., 2003. - С.160-166.
2. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – М., 1997.

Е.А. Русина
Курск

Сопоставительный анализ отражения эмоций средствами паразыка в русском и английском художественном тексте

В художественных текстах путем описания различных жестов и телодвижений, мимики и фонаций передаются национальные и индивидуальные особенности, привычки героев, их манера говорения, культура общения и другие характеристики. С помощью

паралингвистических средств отображается психофизиологическое и эмоциональное состояние говорящего, его внутренний мир. Функциональной особенностью паразыковых средств в коммуникации является знаковая и эмоциональная природа, а именно: функциональная эквивалентность паразыковых средств и собственно языковых средств коммуникации (Г.В. Колшанский, И.Н. Горелов).

Теоретически можно было бы предположить, что средства эмоционального выражения различны не только у представителей разных народов, но и у разных представителей одной и той же нации, ибо способы выражения эмоций у разных людей чрезвычайно разнообразны, но для всех представителей человеческого рода указанные выразительные движения будут однозначны в пользу доминирующего признака, отражающего его сущность. Еще Ч. Дарвин, В.М. Бехтерев и др. указывали на единую биологическую основу человеческих эмоций.

Степень же активности эмоциональных проявлений и ее воплощение, как вербальное, так и невербальное, этнически вариативны: так, «русские активно и вполне сознательно отдаются во власть стихии чувств» (Wierzbicka, 1995), а англо-саксонской культуре, напротив, бурные проявления эмоций в целом не свойственны, что продиктовано, очевидно, влиянием национальной культуры, обычая и воспитания на одни и те же обусловленные формы выражения эмоций.

В то же время внешние проявления различных чувств и эмоциональных состояний позволяют говорить об их инвариантности в общении русских и англичан, то есть во внешнем проявлении эмоций двух различных культур в подавляющем большинстве случаев наблюдается типологическое сходство.

Сами способы выражения эмоций следует отличать от способов их проявления. Имеются части человеческого тела, которые приспособлены не только для проявления, но и для трансляции эмоций – это голос, глаза, руки. С их помощью осуществляется намеренная контролируемая передача информации. Другие части ориентированы исключительно на внешнее проявление испытываемых ощущений, на непроизвольное и неконтролируемое их выражение. Это, например, щеки, которые могут гореть от стыда или краснеть от смущения, уши, которые пылают от возмущения, или брови, поднимающиеся вверх при удивлении или изумлении. Можно говорить каким-то голосом, глазами или руками, но нельзя говорить ушами, лбом, щеками или бровями. Глаза, руки и голос способны выступать в функции инструмента для выражения эмоций, а щеки, лоб и брови – нет, хотя по внешним симптомам мы часто судим о конкретных эмоциях, испытываемых человеком.

Как известно, в письменном тексте язык выражает все: и мысли, и волю, и чувства, и эмоции. Специфика выражаемого в последнем случае, по мнению В.И. Шаховского (1987), не позволяет это «выражение» поставить в один ряд

с другими «выражениями» (мыслей, воли и пр.), ибо фактически это – манифестация, обнаружение, экспликация, словесная «выдача» эмоций (их вербализация) наружу с целым комплексом сопроводительных моментов: специфической лексикой, синтаксисом, стилистикой, просодией, кинесикой, фонацией.

Выражение эмоций в художественном тексте может быть языковым (отражение эмоций средствами языка) и пааязыковым (мимика, жест, фонация и пр.).

Нами был предпринят анализ произведений И. Гончарова «Обрыв» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» на языках оригинала на предмет выявления лексико-грамматических моделей репрезентации невербальных средств, выявления сходства и различий в выделенных моделях. Проявление эмоций, связанных с воздействием внешних и внутренних раздражителей, сопровождает практически все виды целенаправленной деятельности человека (см. работы В.И. Шаховского, Е.Ю. Мягковой).

При сопоставлении эмотивов русского и английского текстов обратило на себя внимание выражение одного и того же эмоционального состояния различными элементами пааязыка, использование одного и того же элемента для передачи ряда чувств и эмоциональных состояний, преобладание в общении тех или иных форм внешнего выражения эмоций, что определяется конкретной ситуацией, настроением персонажей, образами для подражания, недостатками физического развития или здоровья, а также замыслом автора.

Эмоциональное состояние говорящего находит довольно четкое выражение в характеристиках невербального поведения. Так, выделенные пааязыковые средства, в особенности голос и выражение лица, могут отображать практически все «фундаментальные» эмоции человека, выделенные П. Экманом (см. Givens D., Facial Expression): радость (*весело, с веселым лицом, cheerfully, jolly-faced*); печаль (*(полу)печально, вздохнуть безотрадно, кивнуть с грустью, со скорбным лицом, sadly, distressfully, laugh of sadness, flush with distress, tragical face*); интерес (*взгляд удивления / look of surprise*); удивление (*с удивлением, удивленно, с удивленным лицом, глядеть с изумлением, look round puzzled, his face was perplexed*); презрение (*на лице только нетерпение, furrows of repugnance*); гнев (*(полу)гневно, сердито, сердитое лицо, раздражительно, с примесью раздражения / impatiently, with impatience, with irritation, smile crossly*); страх (*с ужасом, в страхе, побледнеть от страха, испуганное лицо, озираться боязливо, вздрогнуть от испуга, terror was upon her white face, she looked a sudden fear*), а также многие другие эмоции и их комбинации.

П. Экман и В. Фризен (см. там же) считают, что основные эмоции являются универсальными, так как одинаково распознаются разными народами. Все остальные эмоции ученыe относят к дополнительным, или вторичным: они не столь ярко выражены и являются модификацией или некоей комбинацией

основных; культурная вариативность относится только к дополнительным эмоциям и к их выражениям. Паразыковые средства в английском языке изображают и описывают, в то время как русские, как правило, выражают экспрессию, эмоции, оценку.

Нашим исследованием, в частности, было установлено, что русский текст содержит больше контекстов описания средств невербальной коммуникации, так или иначе связанных с эмоциями, а также большее разнообразие паразыковых моделей по сравнению с английским.

Полагаем, высокая частотность употребления паразыковых средств объясняется национальными особенностями: для устного русского общения свойственна большая интенсивность использования невербальных средств по сравнению с английским. Как следствие, «эмоциональная температура текста» у русских весьма высокая, она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках (Вежбицкая, 1997).

С грамматической точки зрения, для экспликации эмоциональных сем наиболее приспособлены прилагательные, причастия, наречия и существительные с предлогами, что и было обнаружено в моделях (преимущественно в русских).

Языковые описания эмоций часто конъюнктивно организованы: языковой портрет человека чувствующего – это языковое перечисление отдельных манифестаций его чувств, порой довольно детализированных и тщательно прописанных, например: *Физиономисту трудно бы было определить по лицу его свойства, склонности и характер, потому что лицо его было неуловимо изменчиво. Иногда он, кажется, так счастлив, глаза горят, и наблюдатель только что предположит в нем открытый характер, сообщительность и даже болтливость, как через час, через два, взглянув на него, поразится бледностью его лица, каким-то внутренним и, кажется, неисцелимым страданием, как будто он отроду не улыбнулся. Он в эти минуты казался некрасив: в чертах лица разлад, живые краски лба и щек заменялись болезненным колоритом. Но если покойный дух жизни тихо опять веял над ним, или попросту «находил на него счастливый стих», лицо его отражало запас силы воли, внутренней гармонии и самообладания, а иногда какой-то задумчивой свободы, какого-то идущего к этому лицу мечтательного оттенка, лежавшего не то в этом темном зрачке, не то в легком движении губ...* Другим случалось попадать в несчастную пору, когда у него на лице выступали желтые пятна, губы кривились от нервной дрожи, и он тупым, холодным взглядом и резкой речью платил за ласку, за симпатию. *Те отходили от него, унося горечь и вражду, иногда навсегда* (Гончаров). ...*women... whose lineaments once seen can never be forgotten. The long painted figures, narrow eye, and smirk of the one so suggestive of merciless treachery; the bill-hook nose, large teeth and bold eye of the other suggestive arrogance to the point of ferocity...* (Hardy).

Изучение паразыковых явлений, таким образом, неразрывно связано с проблемой изучения эмоциональной экспрессии в художественном произведении. Поскольку эмоции сопровождают практически любые проявления человеческой деятельности, то закономерен вывод о том, что любой коммуникативный акт эмоционален в той или иной степени. Эмоциональность проявляется, прежде всего, в невербальных компонентах, влияя на возникновение у говорящего и у слушающего определенных установок на структурно-семантическую организацию высказываний. Вербализованные проявления невербальных форм коммуникации образуют «второе пространство» художественного произведения, что приводит к необходимости учета этих дополнительных смыслов при интерпретации текста.

Литература

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М., Наука, 1980.
4. Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974.
5. Мягкова Е.Ю. «Русский ассоциативный словарь» и проблемы исследования эмоциональности лексики // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 176-180.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во ВУ, 1987.
8. Givens D.B. The Nonverbal Dictionary of Gestures, Signs and Body Language Cues. – <http://members.aol.com/nonverbal2/diction1.htm>
10. Wierzbicka A. Kisses, handshakes, bows: the semantics of nonverbal communication // Semiotica. – Berlin, N.Y., 1995. – Vol. 103, № 3/4. – P. 207-252.

Л.И.Зубкова
Воронеж

Национально-прецедентные и универсально-прецедентные имена

Изучение имен собственных оказывается в русле современных лингвистических направлений, исследующих язык как «зеркало» национальной культуры. Антропонимы – небольшой фрагмент лексической системы языка, они способны отражать и особенности языка, и национальную специфику данной культуры.

Личные имена собственные, получившие известность в определенной лингвокультурной общности благодаря прецедентным текстам либо

прецедентным ситуациям, мы относим к национально-прецедентным, они входят в национально-когнитивное пространство. Литературные персонажи хорошо известных произведений становятся символами этих произведений. Это, например, Катюша Маслова из романа Л.Н.Толстого «Воскресение», чеховский Беликов из рассказа «Человек в футляре» и многие другие литературные образы, отражающие яркие черты характера и известные среднему носителю языка.

Прецедентное имя в реальном тексте – это имя, созданное автором с целью достижения определенного коммуникативного эффекта. Адресат в данном случае – не отдельный человек, а некоторое множество потенциальных представителей определенной лингвокультурной общности, способных адекватно воспринять полученную информацию. С одной стороны, прецедентное имя соотносимо с конкретным образом, с другой стороны, оно выступает как определенная схематизация культурно-исторического опыта членов языкового коллектива.

Благодаря яркости образа и его широкой известности у первичного референтного значения возникают коннотативные компоненты. Поскольку фоновые знания носителя языка включают спектр коннотаций прецедентного имени, информацию о его прототипе и прецедентном тексте или прецедентной ситуации, этот тип имен можно отнести к логоэпистемам: они принадлежат и языку, и культуре. Как считают Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, логоэпистемы «могно называть символами чего-то, стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст» (Верещагин, Костомаров, с. 7-8). Прецедентные имена также «отсылают к какому-либо прецедентному тексту (дискурсу, знанию, событию, факту), являясь его «сверткой» или просто символом» (там же). «Обращаясь к культурной памяти, носителями которой они являются, логоэпистемы, помимо всего прочего, обеспечивают ощущение принадлежности к определенной социально-культурной группе, к нации» (Костомаров, Бурвикова, с. 255). Семантика прецедентных имен включает весьма устойчивый объем национально-культурных коннотаций. Их изучение как феномена культуры чрезвычайно важно, поскольку дает возможность проникнуть в глубины языка и лучше понять духовную жизнь народа, его менталитет.

Исследования последних лет показали, что антропонимы способны развивать референтные сознания (коннотемы), которые из окказиональных могут перейти в узульные. У каждого, кто читал роман И.А.Гончарова, существует собственное представление об Илье Ильиче Обломове. Однако существует некий единый для всех носителей русского языка инвариант восприятия этого имени с весьма ограниченным набором дифференциальных признаков (а возможно, и только с одним дифференциальным признаком – ленью). Причем, когда говорящий по-русски называет кого-либо Обломовым,

и он сам, и реципиент понимают, что этот некто был охарактеризован как ‘лентяй’. Свернутая культурная информация прецедентного имени функционирует в отвлечении от денотата имени. Произошло обращение не к художественному образу Обломова, весьма сложному и диалектичному, а к минимизированному и упрощенному инварианту восприятия этого имени, само же имя превращается в имя-символ. С.Е.Отин относит коннотативные личные собственные имена подобного типа к внутриязыковым (интралингвальным) коннотонимам, которые бывают как общеизвестными - узуальными, так и окказиональными -речевыми, индивидуально-авторскими. Внутриязыковые узуальные коннотонимы также обнаруживают различия по широте и сферам употребления. Они могут быть широко употребительными в речевом общении всего народа или в литературном языке на определенном этапе его развития (Отин, с. 8). Обобщенный образ, выбранный для презентации признака, опирается на национальные ориентиры восприятия действительности и предопределяется сложившейся в сознании носителей языка оценкой. «Знание того, какими референтными и эмоционально-экспрессивными коннотациями обладают собственные имена, способность адекватно понять и употребить их в своей речи – одно из слагаемых речевой культуры» (Отин, с. 7). Прецедентные имена находятся на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании.

Помимо национально-прецедентных имен, мы выделяем универсально-прецедентные имена (термин, предложенный Д.Б. Гудковым для прецедентных феноменов, используется нами применительно к прецедентным именам, чтобы избежать терминологического многообразия), которые переросли границы своей национальной известности. Универсально-прецедентные имена известны не только представителям национально-культурного сообщества, но и любому современному *homo sapiens*. Такие имена, как Дон Кихот, Гамлет, Маугли переросли свою национальную известность и понятны представителям многих культур, имена Атос, Парлос, Арамис д’Артаньян однозначно связаны с героями А.Дюма из романа «Три мушкетера». Унифицированные прецедентные имена также являются носителем каких-то дифференциальных признаков, становясь именами-символами: Геракл – символ мужества, Одиссей - символ странствия, Пенелопа – терпеливого ожидания, Дон Жуан известен как ‘дамский угодник’, ‘искатель чувственных наслаждений’, ‘соблазнитель’, ‘волокита’. Отелло – символ ревности, Гобсек ассоциируется с непомерной скаредностью, необъяснимой страстью к наживе, накопительству. Справедливости ради следует заметить, что не все универсальные прецедентные имена сохраняют связь с породившим их текстом. Например, не все, употребляющие имя Ловелас, соотносят его с именем персонажа романа английского писателя С. Ричардсона «Кларисса Гардоу», однако это не мешает имени широко употребляться в речи, стать символом

обольстителя, употребляясь для указания именно на этот признак. «Символ становится образным заместителем, иконкой, передающей в пространстве и времени раз и навсегда установленный и закрепленный за ним смысл, соотносимый с конечным рядом свойственных человеку чувств» (Глазунова, с. 82-83). Основная функция символа, считает Ю.П.Солодуб, – «функция гносеологическая. Но в составе художественного текста символ может приобретать и эстетическую ценность, обозначая сложные для понимания объекты действительности в виде ярких, впечатляющих образов. В таких случаях символ характеризуется не только гносеологической, но и эстетической функцией» (Солодуб, с. 54).

Универсальные прецедентные имена вызывают аналогичные чувства у носителей разных языков, т.е. создают аналогичный коммуникативный эффект. Причем в уникально-прецедентных именах актуализируется лишь ведущий признак, но не весь коннотативный потенциал имени. «Коннотативные онимы с вторичными развивающимися сознаниями, вероятно, можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира» (Отин, с. 5). С.Е. Отин относит такого рода личные имена собственные к интерлингвальному типу узуально коннотативных литературных антропонимов, известных в ряде языков (Отин, с. 128). Использование прецедентного имени приводит к большой стилистической экспрессии и эмоциональной образности.

Антропонимы как специфический разряд лексики любого языка являются носителями и выражителями национально-культурной семантики, в них отражены и закреплены компоненты культуроодержащей информации этноса. Имя может быть символом нации. Например, имя *Иван* – символ русского человека, антропоним, достигший высокой степени обобщения русского духа (*Иван* – имя древнееврейское со значением апеллятива «Бог помиловал»). Ассоциативная связь имени *Иван* с носителем русского языка и культуры иллюстрируется следующими примерами: *Поскольку многие из контуженных были взяты с передовой в беспамятстве и оставили там, на поле боя, все, в том числе и свое имя, мы их всех подряд звали Иванами* (В.Астафьев). Имя *Иван* стало восприниматься как типично национальное, специфически русское: *Я весело и беспечно травил про войну: - И вот кричат фрицы нам: «Еван! А Еван! Переходи к нам! У нас шестьсот грамм хлеба дают!» - «А пошёл ты», - отвечают ему наши. Ну, ты знаешь, куда пошёл?..* (В.Астафьев). *Еван* – просторечная форма имени *Иван*, заимствованная немецкими солдатами, по-видимому, из народной речи.

Ассоциативная связь имени *Иван* обусловлена его высокой частотностью употребления. В.А.Никонов отмечает, что в старой русской деревне имя *Иван* носили 16-25% всех крестьян – каждый пятый был *Иваном* (Никонов, с. 12). Благодаря повсеместной распространенности этого имени на территории России, оно со временем стало восприниматься носителями языка как

нарицательное, как знак национальной принадлежности. В. Даль в своем Толковом словаре об этом имени писал, что оно «...по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского» (Даль, т.2, с. 5). Кроме того, коннотативный потенциал имени поддерживается русскими народными сказками.

О наличии национально-маркированных коннотаций может сигнализировать графическая форма имени. Наиболее маркированы в этом отношении формы множественного числа, которые появляются у имени, когда оно начинает обозначать какой-нибудь типичный признак или качество. Форма множественного числа антропонима обычно противоречит его основной функции – индивидуализировать, выделять лицо. Однако индивидуализация здесь происходит на национальном уровне. Форма множественного числа помогает подчеркнуть, что имя является средством типизации определенных качеств, в данном случае – принадлежности к русской языковой общности. Типично русские мужские или женские имена во множественном числе в большинстве случаев имеют значение «русские мужчины/женщины», «русский человек», например, *Иваны, Марьи* и др. Русским именам *Иван* и *Мария* по их национальной маркированности соответствуют английские *John* (Джон) и *Mary* (Мэри). Эти имена получили параллельное развитие и аналогичные общественные оценки. Внутриязыковые и экстралингвистические факторы наложили отпечаток на формирование их национально-культурного своеобразия. Популярность имен Джон и Мэри в Англии в XVI-XVII вв. объясняется экономическими и юридическими причинами. В то время в документах на право владения землей, поясняет А.В.Суперанская, было принято писать, что надел закрепляется за Джоном сыном Джеком и его детьми. В связи с высокой детской смертностью Джек давал имя Джон не одному, а двум или даже трем своим сыновьям, чтобы в случае гибели одного Джона надел все же оставался за семьей. В своей семье они находили средства, чтобы различать Джонов (Суперанская, с. 82). Для каждого русского фамилии Иванов, Петров, Сидоров являются «репрезентативными», т.е. они указывают на «типичного» русского, как *John Smith* – на англичанина. Символическая значимость имени содержится в английском антропониме Санди (*Sandy*) – ‘шотландец’ (уменьшительная форма от *Alexander*, одного из распространенных в Шотландии).

Таким образом, отличие национально-прецедентных имен от универсально-прецедентных сводится к тому, что последние входят в когнитивную базу двух (и более) национально-культурных сообществ. Будучи именами-символами, они становятся носителями дифференциальных признаков, в том числе национально-культурных, понятных любому среднему носителю языка этих национально-культурных сообществ.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1999.
2. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. – СПб, 2000.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс». – 1994. - Т.2.
4. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения //Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999. Доклады и сообщения российских ученых. – М., 1999.
5. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974.
6. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004.
7. Солодуб Ю.П. Текстообразующая функция символа в художественном произведении. – Филологические науки, 2002. - №2. – С. 46-55.
8. Суперанская А.В. Имя и культура. – Наука и жизнь, 1991 - № 11. – С.79-85.

Н.П. Ульянова, О.В. Пристанкова
Воронеж

Некоторые особенности перевода на русский язык предложений, содержащих глаголы с количественным компонентом

Коммуникативная модель перевода, как известно, предполагает учет коммуникативных намерений отправителя исходного текста и отыскание соответствующих лексических и грамматических единиц, используемых в переводящем языке для выражения тех же самых целей общения.

Неизбежные лексические и грамматические трансформации в языке перевода обусловлены тем, что каждый язык проявляет некоторую избирательность в способе описания предметной ситуации.

Целью данной статьи является выявление различных преференций английского и русского языков при описании типовой ситуации «расположение неопределенного количества дискретных предметов или массы вещества на поверхности таким образом, что она оказывается полностью или почти полностью охваченной действием» (см. Падучева). Предикаты, используемые при описании данной предметной ситуации, являются глаголами покрытия, семантика которых имплицирует некоторую количественность актантов, типа *strew, litter, dot, stud* и мн.др. В русском языке исследуемым единицам соответствуют глаголы полного охвата типа

усеивать, усыпать, устилать, разбрасывать, развеивать, испещрять, изобиловать, при помощи которых они и переводятся. Базовым глаголом данной группы является глагол «*to cover*» (покрывать).

Как показывает исследование, одно из проявлений языковой избирательности при дескрипции подобной ситуации состоит в том, что английский и русский языки зачастую выбирают разные предикаты, что, естественно, влечёт за собой определённые переводческие трансформации, а именно: замену предиката состояния предикатом действия. Сравним, например:

- (1) *The streets were littered with the dead.* –
(2) *На улицах повсюду лежали мёртвые тела.*

В данном случае субSTITУЦИЯ обусловлена сложностью подбора подходящего глагола в пассивной конструкции на русском языке.

Среди вариантов русских соответствий глаголу ***litter*** (сорить, мусорить, набрасывать, делать беспорядок) англо-русские словари не приводят глагол **лежать**. Адекватность перевода в данном случае достигается введением в русский перевод наречия **повсюду**, которое имплицитно представлено в английском глаголе.

Анализ показывает, что часто при трансформации залога происходит замена английского глагола физического действия русским глаголом бытия «быть». Для сохранения же количественного смысла в переводное предложение добавляются квантификаторы типа: *много, в большом количестве, в изобилии*:

- (3) *The region was littered with bridges and buildings named after this great man.* –

(4) *В этом районе было много мостов и зданий, носящих имя этого великого человека.*

- (5) *The bay was studded with small islands.* –
(6) *В заливе было множество маленьких островов.*

Нетрудно заметить, что в данных примерах происходит не только замена залога, но также и признака, который используется в качестве отправной точки. Например, в английском высказывании (5) в качестве начальной точки описания выступает залив (bay), т.е. местонахождение, который является локативным субъектом. В эквивалентном же русском высказывании (6) происходит семантический сдвиг – в качестве отправной точки русский язык указывает не на местонахождение островов, а на сами острова, которые и выступают в роли подлежащего.

Описание ситуации в двух языках может быть одинаковым с точки зрения синтаксической модели. Сравним, например:

- (7) *The walls were spattered with placards.* –
(8) *Стены были увешаны плакатами;*
(9) *The stage was strewn with flowers.* –

(10) *Сцена была усеяна цветами.*

В данном случае оба языка выбирают одну и ту же отправную точку – место ситуации, что грамматически проявляется в использовании аналогичного локативного подлежащего – «walls» и «стены», «stage» и «сцена». Кроме того, сохраняется пассивная конструкция исходного предложения. Следует отметить, что изменение синтаксической структуры предложения, а именно: замена английского подлежащего русским обстоятельством места, а также трансформация залога приведёт к некоторому изменению семантики. Для иллюстрации сравним:

(11) *Стены были увешаны плакатами. –*

(12) *На стенах висели плакаты;*

(13) *Сцена была усеяна цветами. –*

(14) *На сцене были цветы.*

Как видим, в предложениях (12) и (14) акцент смещается, и количественный смысл, так ясно выраженный в предложениях (11) и (13), исчезает. Не улучшит ситуацию и вкрапление квантификатора типа **много**. Например, предложение *На сцене было много цветов* неадекватно предложению *Сцена была усеяна цветами* поскольку, прежде всего, оно не передает смысл «распространение повсюду» и не имеет положительной оценочной окраски. Кроме того, во втором предложении незримо присутствует субъект – восторженный зритель.

Встречается, однако, немало случаев, когда акцент можно изменить, не потеряв при этом количественный смысл. Такое преобразование возможно только при условии сохранения пассивной конструкции. В качестве примера можно использовать высказывание (7), которое кроме варианта (8), может также переводиться как:

(15) *На стенах были развешаны плакаты.*

Как видим, количественный смысл высказывания (7) сохраняется как в высказываниях (8), так и в (15). Однако следует отметить, что замена подлежащего обстоятельством места без трансформации залога возможна не всегда, а только в тех предложениях, где активный Дeятель (или Субъект предложения), хотя и отсутствует, но всё же подразумевается. Ведь плакаты не сами появились на стене, их кто-то развесил. Для сравнения возьмём предложение, где нет и не может быть Дeятеля:

(16) *The sky was studded with stars.*

Очевидно, что данное высказывание можно перевести лишь как:

(17) *Небо было усыпано/усеяно звёздами* или

(18) *На небе было много звёзд.*

Вариант: * “*На небе были рассыпаны звёзды*” невозможен, т.к. описывает совершенно абсурдную предметную ситуацию, которая не соответствует реальной картине мира.

Практически любое преобразование неизбежно влечёт за собой другое преобразование. Так, трансформация залога требует замены признака, который используется в качестве отправной точки, а замена глагола одного класса другим – добавления квантификаторов.

Кроме преобразований, затрагивающих синтаксическую структуру предложения, внимание привлекают и случаи с перераспределением семантических компонентов. В качестве примера рассмотрим предложение:

(19) *Her face is dotted with clay.*

При переводе данного предложения, кроме трансформации залога, необходимо также использование и другого приёма: добавления лексической единицы. Соответственно, перевод будет выглядеть следующим образом:

(20) *Крапинки глины усеивают ее лицо.*

В данном случае основанием для появления в переводе слова «крапинки» служит дефиниция английского глагола «to dot» (to cover as if with *dots*), которая содержит указание на то, что объекты, распространяющие действие в примере (20) представляют собой не сплошную массу вещества, а множество дискретных точек или крапинок. Подобные вкрапления в перевод уместны не всегда, а лишь в том случае, когда значение исходной единицы (is dotted) имеет более конкретное значение по сравнению с переводящей (усеивают). В толковом словаре русских глаголов лексема «усеивать» имеет следующее толкование: **покрывать (покрыть) поверхность чего-либо, оставляя после себя что-либо в большом количестве.**

Как видим, между толкованием английского глагола «to dot» и русского «усеивать» существует определённая разница. Для того, чтобы её компенсировать, и добавляется лексема «крапинки». Для сравнения рассмотрим другие примеры:

(21) *The whole interior was sprayed with blood. –*

(22) *Всё внутри было забрызгано кровью или*

(23) *Всё внутри было забрызгано капельками крови.*

(24) *The floor was littered with toys –*

(25) *По полу были разбросаны игрушки или*

(26) *По полу в беспорядке были разбросаны игрушки.*

В данном случае вкрапления в перевод слов «капельки» и «в беспорядке» в предложениях (23) и (26) являются избыточными, т.к. дублируют значения, уже выраженные глаголами. Ведь дефиниции и исходных, и переводящих глаголов содержат аналогичные семы: «небрежности» у глаголов *to litter* и *разбрасывать*, и «покрытие каплями» у *to spray* и *разбрызгивать*.

Следует отметить, что перераспределение семантических компонентов возможно не только между значениями слов, участвующих в построении высказывания, но иногда также и между грамматическими элементами системы языка (как исходного, так и переводящего). Подобные трансформации обуславливаются отсутствием в языке перевода некоторых

грамматических форм, широко используемых в исходном языке. Так, например, в русском языке отсутствуют конструкции с предлогом, которые передавали бы значение «распространения повсюду», которое представлено в английском языке. Однако это не говорит о том, что из-за отсутствия грамматической формы в русском языке нет соответствующего значения. Для русского языка, как языка синтетического, более приемлемым способом передачи аналогичного значения является префиксальный способ, т.е. использование приставок со значением *распространения повсюду*, таких как **раз-(рас-)** *разбрасывать, рассыпать, развеивать; у- усеивать, усыпать, устилать; ис- испещрять, исчёркивать* и некоторые другие.

Подобные случаи ещё раз доказывают, что все языки являются самодостаточными для выражения различных смыслов. Однако при этом они используют разные средства. Соответственно, задача переводчика состоит в дешифровке этого смысла и адекватной его передаче средствами переводного языка.

Основной проблемой, с которой сталкивается переводчик при передаче значений иноязычной языковой единицы, является необходимость выбора одного из нескольких потенциально существующих эквивалентов определённой единицы ИЯ, которая сможет обеспечить наиболее полную и адекватную передачу смысла. Ведь, не существует двух языков, у которых смысловые единицы – слова и устойчивые выражения – совпали бы полностью во всём объёме своих значений. Наиболее распространённым случаем подобных несовпадений является ситуация, когда одному слову в ИЯ соответствует не один, а несколько семантических эквивалентов в ПЯ. Так, одному английскому глаголу, например *«to stud»*, соответствует ряд русских эквивалентов, а именно: *усыпать, усеивать, унизывать, увешивать, обивать, расшивать, инкрустовать* и некоторые другие. Наиболее существенную роль в разрешении подобных проблем играет контекст, т.к. именно в нём представляется возможным установить однозначное соответствие единицы ИЯ. Рассмотрим случаи перевода предложений с глаголом *«to stud»* на конкретных примерах:

(27)...ground was **studded** with dark rocks.

В данном случае сочетание глагола *«to stud»* с существительным, обозначающим объекты неживой природы (*rocks*) справа и с существительным, обозначающим свойство ландшафта (*ground*), слева делает возможным подбор однозначного эквивалента из целого ряда возможных, а именно, лексемы *«усеивать»*. Следовательно, перевод данного фрагмента будет выглядеть следующим образом:

(28)... земля *была усеяна* валунами.

(29)... *clothes were studded with precious and semi-precious stones.*

В данном предложении не представляется возможным перевести глагол «to stud» как «усеивать», ведь одежда не может быть «усеяна» драгоценными камнями, она может быть «расшита» ими:

(30)...одежда была расшита драгоценными и полудрагоценными камнями.

Кроме того, глагол «to stud» может переводиться и как «инкрустовать» в предложениях типа:

(31)...*a silver scabbard studded with precious stones.* –

(32)...серебряные ножны, инкрустированные драгоценными камнями.

Рассматриваемый глагол может также переводиться как «усыпать»:

(33)...*sky studded with tiny twinkling stars.* —

(34)...небо, усыпанное крошечными мерцающими звёздами;

«обивать»:

(35)*He wore a belt studded with brass nails.* –

(36)На нём был пояс, обитый гвоздиками из меди;

«увешивать»:

(37)...*brick walls studded with house plants.* –

(38)...кирпичная стена, увешанная комнатными растениями;

«утыкать»:

(39)...*cushion studded with needles.* –

(40)...подушечка, утыканная иголками.

Необходимо отметить, что выше были рассмотрены только примеры того, как микроконтекст определяет выбор того или иного соответствия при переводе. «Снятие» многозначности языковых единиц и определение выбора переводческого эквивалента, однако, обуславливается не только узким контекстом, но также и широким контекстом (на уровне текста), и экстралингвистической ситуацией. Подобные примеры мы не рассматриваем, т.к. перевод в этих случаях основывается не на семантике исследуемых нами единиц, а на факторах более высокого уровня.

Литература

1. Падучева Е. В. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства. // Вопросы языкознания, 1993. – № 6. – С.5-16.

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области грамматики

В.Ю. Копров
Воронеж

Одноактантные предложения в русском и английском языках

Основные критерии и принципы разрабатываемой нами сопоставительной типологии простых (т. е. моноситуативных, монопредикативных) предложений составляют следующую систему:

1) предложения делятся на классы в зависимости от **количества актантов** в их семантических структурах (безактантные, одноактантные, двуактантные, трёхактантные, четырёхактантные);

2) внутри выделенных классов предложения распределяются по **частеречным** типам (номинативные, вербальные, адъективные, нумеративные, партиципиальные);

3) предложения группируются по выражаемой ими **инвариантной семантической структуре** (ИСС) и характеризуются **структурной схемой** (варианты падежных или предложно-падежных форм компонентов включаются в общую структурную схему предложения);

4) на основе учёта **категориально-семантических признаков** семантических актантов (залоговости, определённости / неопределенности) разграничиваются подтипы предложений;

5) за отправную точку межъязыковых сопоставлений берется более разветвленная синтаксическая система **русского языка** (см. Копров).

Рассмотрим **одноактантные** предложения русского и английского языков.

1. Номинативные предложения N – (cop) N 1/5

Данный тип предложений представлен одной и той же синтаксической конструкцией в обоих языках.

ИСС: "субъект и его опредмеченный признак".

1.1. В русском языке формы координации имеют обе части именного сказуемого, поэтому в предложениях со значением настоящего времени связка регулярно получает **нулевую** форму: N – N.

Мой сын – школьник; Я политрук (Д. Гранин).

В некоторых случаях (рассмотрение специфики которых выходит за пределы номинативного аспекта анализа) связка присутствует:

Скорость света есть величина точная.

1.2. В других временных планах связка представлена; признаковый компонент регулярно получает при этом форму творительного падежа: N – cop – N 5.

Они были / будут инженерами; Боль была главным врагом (Д. Гранин);

Вместо него Блоха будет командиром отделения (А. Бек).

1.3. В английском языке, в отличие от русского, связка обязательно представлена в предложении соответствующей связочной формой: N – cop – N

My wife's one of your fans (M. Spark); Annabel was a waitress in a coffee-bar (M. Spark).

Примеры предложений с так называемым простым именным сказуемым, которые приводит в своей работе Б. Ильиш в качестве иллюстрации возможности и в английском языке бессвязочных предложений (*My ideas obsolete! Splendid game, cricket*) (Ilyish, с. 200-207), являются, на наш взгляд, не отдельными типологически значимыми конструкциями, а речевыми реализациями той же исходной связочной модели.

Ср. также: *Я студент-медик – I'm a medical student; Я вдова – I'm a widow. Я англичанин – I am English.*

2. Адъективные предложения (N) – (cop / cop 3 s) Adj 1/5/sh

При кодировании одноактантных ситуаций с качественным признаком возможны различные способы реализации и актантного, и признакового компонентов.

2.1. Субъект представлен как грамматически определенный носитель признака – подлежащее предложения.

ИСС: "субъект и его качественный признак".

2.1.1. В русском языке прилагательное может быть в **полной** (в именительном / творительном падеже) или в **краткой** форме: N – (cop) Adj 1/5 / sh.

Машина не новая; Мы были молодыми; Компакт-диски дороги.

Вариантные в русском языке полная/краткая формы прилагательного в английском языке передаются недифференцированно одной формой:

Ребенок послушный / послушен – The child is obedient; Венгерский язык трудный – Hungarian is a difficult language; Это довольно дорого для меня – That's rather expensive for me.

2.1.2. В форме настоящего времени связка в русском языке не употребляется. В английском языке употребление связки обязательно. Ср.:

Она симпатичная – She's pretty; Я счастлив – I'm happy.

Встречающиеся иногда в английских текстах высказывания без связочной формы мы относим к числу речевых реализаций рассматриваемой адъективной конструкции. Ср.:

Матрац какой-то вздутый (Д. Гранин) – The mattress, too big somehow.

2.1.3. Русские адъективные предложения обычно передаются соответствующими английскими, и наоборот:

Ваша статья неактуальна (Д. Гранин) – Your article is not topical; Не все юноши так робки (Д. Гранин) – Not all young men are so shy; Условия были трудные (Д. Гранин) – The conditions were difficult; И Борисов, и Виктор были

правы (Д. Гранин) – *Both Borisov and Victor were right.*

I'm not hungry, really (M. Spark) – *Нет, я не голодна;* *The house had been smelly and dirty* (M. Spark) – *Квартира была вонючей и грязной;* *Only the animals remain natural* (M. Spark) – *Натуральны только животные.*

В ряде случаев отмечаются также следующие соответствия:

а) русское адъективное предложение – английское предложение с *it* в позиции подлежащего и атрибутивным прилагательным:

Вечер стоял безветренный, морозный (Д. Гранин) – *It was a windless frosty evening;* *Время было послеобеденное, сонное* (Ю. Герман) – *It was a drowsy after-dinner hour;* *Задача была трудная* (Д. Гранин) – *It was a difficult task;* *Да, квартира была прекрасная* (Д. Гранин) – *Yes, it was a very nice flat;*

б) русское адъективное предложение – английское вербальное посессивное предложение:

Консультант у тебя опытный (Д. Гранин) – *You've got an experienced adviser here;* *Оказывается, зрачки у тебя рыженькие* (Д. Гранин) – *You've got coppery eyes;*

в) адъективное предложение – предложение другого частеречного типа:

Варя была еще совсем маленькой (Ю. Герман) – *Varya was still a baby;* *Совесть ее была спокойна* (Д. Гранин) – *Her conscience was smoothed;* *It's true* (M. Spark) – *Это истинная правда;* *But I'm sick* (M. Spark) – *Но меня же тошнит;* *It wasn't necessary* (M. Spark) – *Необходимости ведь не было.*

2.2. Носитель качественного признака-состояния, представленного кратким прилагательным в безличной форме, не лексикализуется и интерпретируется обобщенно как "окружающая человека среда": (N 3) – (cop 3 s) Adj sh 3 s.

В зависимости от семантики признакового компонента разграничиваются две ИСС:

2.2.1. ИСС "окружающая среда и ее состояние".

В русском языке сама окружающая среда в предложении представлена обобщенно:

Дождливо; Темно; Было пасмурно.

Понятие окружающей среды может конкретизироваться и ограничиваться пространственными или временными локативами:

В Воронеже дождливо; В комнате темно; Вчера было пасмурно.

В английском языке данной русской конструкции соответствует предложение с формальным *it* в позиции подлежащего:

Холодно что-то (Ю. Герман) – *It's rather chilly;* *Поздно* (Д. Гранин) – *It was too late.*

В данной конструкции предикативное прилагательное может трансформироваться в атрибутивное:

Было холодно, ветрено (А. Бек) – *It was a cold, windy day.*

Иногда в английском предложении в позицию подлежащего ставится определенное обозначение среды.

Было нестерпимо жарко и душно (Ю. Герман) – The day was unbearably hot and close; Было тепло... (Д. Гранин) – The room was warm...

При этом в английском предложении субъектом – носителем признака в позиции подлежащего иногда становится локатив русского предложения. Ср.:

Tихо и страшно сделалось за столом (Ю. Герман) – The room grew still and frightening; Тихо стало в доме (Ю. Герман) – The house grew still.

См. примеры обратного соответствия:

The house was very still (M. Spark) – Было очень тихо; But the shop's so dark (M. Spark) – А там темно.

Локатив, обычно находящийся в русском предложении в препозиции, в английском предложении с *it* может перемещаться в постпозицию:

На улице скользко – It's slippery in the street; Зимой там чудесно (Д. Гранин) – In winter it's delightful; Тихо было в аудитории, тихо и напряженно (Ю. Герман) – It was quiet in the lecture hall, quiet and tense.

См. также пример использования английской "бытийной" конструкции с *there*:

В лаборатории было шумно (Д. Гранин) – There was a lot of noise in the laboratory.

2.2.2. ИСС "состояние (ощущение) человека".

В русском языке можно разграничить два варианта данной ИСС:

а) "ощущение человека как следствие состояния окружающей среды"; при этом "среда" не лексикализуется, как и в предыдущем случае, а человек часто предстает как обобщенный носитель состояния:

Холодно; Уютно; Душно.

б) "состояние человека, обусловленное воздействием неопределенных внешних сил"; носитель состояния может быть представлен формой дательного падежа как определенный:

Тоскливо; Мне тоскливо.

Ощущение человека также может конкретизироваться в отношении времени, места и определенности носителя ощущения:

Вчера было холодно; Здесь уютно; В кабинете мне было душно; В выходные дни мне было тоскливо.

В английском языке русским предложениям с имплицитным субъектом регулярно соответствуют:

а) адъективные конструкции с формальным *it*:

Уютно – It's cosy; It's perfectly clear (M. Spark); It's all right now (M. Spark).

б) адъективные предложения с "восстановленным" субъектом:

С ней было просто и легко (Д. Гранин) – Everything had been easy and simple with her; Снова стало шумно и весело (Д. Гранин) – Once more they were gay and noisy; Было весело, шумно и вкусно (Ю. Герман) – The dinner was jolly, noisy and delicious.

Предложениям с определенным субъектом в форме дательного падежа, как правило, соответствуют английские "подлежащные" конструкции:

а) адъективные:

Мне интересно (Ю. Герман) – *I'm curious*; *Им вдруг стало грустно* (Д. Гранин) – *Suddenly they were both sad*;

б) вербальные с полусвязочными глаголами:

Андрею стало грустно (Д. Гранин) – *Andrei felt sad*; *Ему было стыдно* (Д. Гранин) – *He felt ashamed*.

"Бесподлежащее" английское высказывание является речевым эллипсисом подлежащего, например:

– *How do you feel, Annabel?*

– *Chilly. Cold* (M. Spark) ← (*I'm chilly. I'm cold*).

Ср. также: *Здесь кошмарно жарко* – *It's dreadfully hot here*; *На прошлой неделе было очень дождливо* – *It was very rainy last week*.

3. Нумеративные предложения N / N 2 / 3 – (cop / cop 3 s) Num

ИСС: "субъект и его количественный признак".

3.1. Субъект выступает как определенный: N / N 2 – (cop) Num.

В русском языке личное нумеративное предложение встречается в единичных случаях, поскольку субъект имеет форму именительного падежа только в сочетании с числительным *один*:

А Володя между тем был вовсе не один (Ю. Герман).

Безличность других русских нумеративных предложений объясняется отсутствием в них позиции подлежащего. Субъект, представленный формой родительного падежа, выступает как определенный: N 2 – (cop 3 s) Num

У меня таких лабораторий несколько и еще тысячи людей (Д. Гранин); *Шутка сказать – пятьдесят человек в лаборатории* (Д. Гранин).

В английском языке используется конструкция с *there* или двуактантное предложение с глаголом *to have* и атрибутивным обозначением количества.

There are fifteen students in the classroom; there is only one teacher (C. Eckersley);

– *How many students are there in the class, Mr. F.?*

– *There are fifteen* (C. Eckersley).

Ср.: *Такого рода "открытый" было немало* (Д. Гранин) – *There had been many such 'discoveries'*; *Детей у них было двое* – *They had two children*.

3.2. При обозначении возраста в русском языке используется безличная конструкция, субъект которой ставится в форму дательного падежа: N 3 – (cop 3 s) Num

Ей тогда было шестнадцать.

В английском языке используется личное нумеративное предложение; ср.:

I was thirteen (M. Spark) – *Мне было тринадцать*; *Завтра ему исполняется сорок лет* (Д. Гранин) – *Tomorrow he would be forty*.

4. Вербальные предложения (N) – V / 3 pl / 3 s

4.1. Предметный актант в предложении выступает как грамматически определенный: N – V.

Предложения имеют следующие ИСС:

- а) "субъект и его действие": *Птицы улетели; Ребенок капризничает;*
- б) "субъект и его процессуальное состояние": *Дети не болеют.*

4.1.1. Обе указанные выше ИСС широко представлены в сопоставляемых языках идентичными по структуре предложениями, которые служат хорошей платформой как для типологических исследований, так и для практики преподавания языков как иностранных:

Дует сильный ветер – A strong wind is blowing; Он уехал в Москву – He's gone to Moscow.

Наблюдаются и некоторые расхождения. Так, в английском языке русским одноактантным вербальным предложениям с фазисным или с приставочным глаголом движения (в переносном значении) в форме прошедшего времени иногда соответствуют предложения, в признаковой части которых используются местоименные наречия (глагольные послелоги) типа *away, in, out, up, down*:

Oh, we only looked in (M. Spark) – Ну, мы ведь только заглянули на минутку; She looked round (M. Spark) – Она огляделась.

Луна взошла – The moon is out; Поезд пришел – The train is in; Занятия кончились – The lessons are over.

Дверь подвала широко с грохотом распахнулась (А. Куприн) – The cellar door crashed open; Дверца захлопнулась (Д. Гранин) – The door slammed shut; Отряд вернулся утром (А. Бек) – The raiders returned home in the morning.

Кроме того, в английском языке русское вербальное предложение иногда передается адъективным предложением:

Поезд опаздывает – The train is late; Я нервничаю – I'm nervous; Я проголодался – I am hungry; Звонок не работает – The bell doesn't work.

Кривицкий молчал (Д. Гранин) – Krivitsky was silent; Актовый зал опустел (Ю. Герман) – The assembly hall grew empty; Машина запаздывала (А. Бек) – The car was late in arriving; Опасность миновала (Д. Гранин) – The danger was past; Воздух с каждой минутой густел (Д. Гранин) – Every minute the air grew thicker.

Русским предложениям с возвратными глаголами часто соответствуют английские партиципиальные предложения:

Потом он запутывался в экспериментальных данных (Д. Гранин) – Then he got tangled up in experimental data; Оттуда она (бумага) вернулась быстро с уничтожающей рецензией Тонкова (Д. Гранин) – It was quickly returned with an annihilating comment from Tonkov; Очевидно, пробился конденсатор (Д. Гранин) – The condenser was burnt out; Ни одна рука не поднялась (А. Бек) – Not a single hand was raised.

Встречаются также случаи перевода русских одноактантных вербальных предложений английскими двуактантными с глаголом *to have*:

У меня болит голова (А. Герман) – *I have a headache*. У меня болит сердце – *I have a heartache*.

4.2. ИСС: "субъект и его действие". Субъект выступает как грамматически неопределенный: V 3 pl.

Предложения данного типа широко представлены в русском языке: *Стучат*.

В английском языке здесь используется вербальное предложение с "восстановленным" определенным субъектом или предложение с номинализацией действия и с *there* в позиции подлежащего. Ср.:

Сплетничают (Д. Гранин) – *People gossip about each other*; *В палате пересмеивались* (Ю. Герман) – *The other patients tittered approvingly*; *В яме за невысокой насыпью обедали* (А. Бек) – *Some of the men were eating in a sand-pit, behind a small embankment*; *В строю засмеялись* (А. Бек) – *There was laughter in the ranks*.

4.3. ИСС: "окружающая среда и ее процессуальное состояние".

В русском языке предметный актант может не кодироваться: V 3 s

В системе глагола безличность представлена здесь особой лексико-грамматической группой слов, обозначающих явления природы, которые не имеют личных форм: *Вечереет*.

В английском языке для выражения данной ИСС используются такие же "самодостаточные" глаголы, поэтому семантический актант также не эксплицируется специальной словоформой. Лексически пустая форма *it* служит здесь только для представления позиции подлежащего, что придает предложению статус подлежащего, т. е. грамматически личного: *It is snowing*.

Используется также конструкция с *there* и номинализованным признаком:

Чуть подмораживало (А. Бек) – *There was a slight frost*; *В трубке щелкало и шипело* (Ю. Герман) – *There were outside noises on the line*.

Встречается здесь и адъективная конструкция со связочной или полусвязочной формой:

Темнело (Д. Гранин) – *It was nearly dark*. *Темнеет* – *It's growing dark*.

4.4. ИСС "субъект и его состояние".

В русских безличных предложениях с глаголами, не имеющими личных форм, субъект может быть также представлен как определенный демиактивный: N 4 / р N – V 3 s

Такими предложениями передается процессуальное состояние субъекта-антропонима или его неотчуждаемой части, вызванное воздействием эксплицитной или имплицитной причины:

Меня знобит (от высокой температуры); *В горле першило* (от дыма).

В английском языке используются одноактантные адъективные или

вербальные предложения, где в позиции подлежащего находится субъект-антропоним или его неотчуждаемая часть. Ср.:

Меня тошнит – I feel sick; В голове шумело – His head was dizzy.

4.5. ИСС "субъект и его состояние". В русском языке субъект-антропоним или зооним может быть представлен как определенный демиактивный: N 3 – V 3 s refl

Детям не спится; Кошке не лежится.

В отличие от синтаксически менее богатого и более "прямолинейного" английского языка в русском языке часто имеется возможность выбора личной или безличной конструкции для выражения одной и той же семантической структуры.

Вчера он не спал – Вчера ему не спалось.

В личном предложении субъект предстает как более "нейтральный" производитель действия – "не спал, потому что не хотел или не мог в силу каких-то причин". В безличном предложении присоединение к глаголу постфиксa *-ся* изменяет грамматическую форму и семантику субъектного актанта, трансформируя его из именительной формы носителя грамматического признака в дательную форму дополнения. Глагол же, лишившись координирующей именной позиции – подлежащего – приобретает безличную форму. Субъект получает при этом своеобразную характеристику: "не мог спать именно из-за каких-то неназванных причин". В первом предложении субъект выступает как активный определенный, во втором – как демиактивный определенный.

В английском языке вследствие отсутствия в его системе эквивалентных безличных конструкций для передачи подобного оттенка значения используются личные предложения с модальными глаголами:

Вчера ему не спалось – Yesterday he could not sleep; Сегодня мне не работает – I can't work today.

4.6. В русских безличных предложениях субъект может выступать как неопределенный: V 3 s – (N 5)

Здесь воняет; Пахнет мяты.

Интерпретация семантики предложений данного типа не является общепринятой. Мы видим в них способ выражения процессуального признака неопределенного субъекта. Если в предложении есть форма N 5, то она косвенным образом указывает на этот субъект: *Пахнет мяты* ← *Что-то пахнет так, как пахнет мята* = *Что-то имеет мятный запах*.

В английском языке таким конструкциям соответствуют личные вербальные предложения или предложения других частеречных типов, например:

Пахло сыростью и табаком (Д. Гранин) – There was a smell of damp and tobacco; В комнате запахло лекарствами (Д. Гранин) – A smell of medicine pervaded the room; Потянуло холодом (Д. Гранин) – A chill breeze sprang up; It

smelt only of brandy (M. Spark) – Пахло бренди и больше ничем. Из дома повеяло сыростью – The hut smelt of dampness.

5. Партиципиальные предложения N – cop Part act

Одноактантные ситуации реализуются партиципиальными предложениями только оккционально.

ИСС: "субъект и его процессуальный качественный признак".

В русском и в английском языках предложения данного частеречного типа семантически идентичны одноактантным адъективным предложениям:

Лицо мальчика было сияющее – The boy's face was shining.

6. Деепричастные предложения N – cop V adv

ИСС: "субъект и его состояние":

В русском языке деепричастные предложения выходят за пределы литературного употребления и встречаются только в диалектах и просторечии: *Чтой-то ты похудевши*. В английском языке в таких случаях используются предложения с причастием II.

См. пример такого соответствия: *В то время я был уже очень выпивши* (диал.) – *I was really drunk at that time* (Pink Floyd).

Таким образом, изложенное в статье сопоставительное описание одного из классов простого предложения в русском и английском языках носит комплексный характер и ориентировано на специфику изучения русского синтаксиса англоговорящими учащимися (см. Вагнер). На основе семантико-функционального подхода выявлены имеющиеся в данной сфере межъязыковые сходства и расхождения, обуславливающие лёгкость или трудность усвоения русского языкового материала, воспринимаемого через английское языковое сознание.

Литература

1. Вагнер В.Н. Синтаксис русского языка как иностранного и его преподавание: Учебное пособие – М.: Флинта: Наука, 2005.
2. Копров В.Ю. Сопоставительная типология предложения. – Воронеж: ВГУ, 2000.
3. Illyish B. The Structure of Modern English. – L., 1971.

И.М. Сушкова
Воронеж

Атрибутивные словосочетания как средство выражения посессивных отношений в русском и английском языках

Семантическая категория посессивности – это особая семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию отношений обладания и принадлежности, а также соотношения части и целого.

Различные языковые средства, служащие для выражения вариантов посессивных отношений, образуют особое функционально-семантическое поле (ФСП). В ФСП посессивности выделяются два центра, определяющиеся различием предикативной и атрибутивной посессивности (см. Бондарко, Чинчлей).

Рассмотрим посессивные конструкции атрибутивного типа в русском и английском языках, взяв за основу типологию словосочетаний, предложенную В.Д. Аракиным (Аракин, с. 151 – 170). Данная типология характеризует атрибутивные конструкции с учетом способа выражения синтаксических отношений (согласование, управление, примыкание) и положения зависимого слова по отношению к главному (в препозиции или в постпозиции).

Атрибутивные словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для данного языка моделям, которые в речи наполняются разнообразным лексическим материалом, придающим данному словосочетанию конкретный характер. Охарактеризуем конструктивные и семантические особенности рассматриваемых языковых средств в двух разноструктурных языках.

1. Тип атрибутивно-препозитивный с согласованием.

Данный тип посессивных конструкций широко представлен в русском языке. Зависимый компонент находится в препозиции к главному, согласование между ними осуществляется по линии грамматических категорий рода, числа и падежа. Основываясь на том, какой частью речи выражен зависимый компонент, можно выделить следующие группы:

1) Группа адъективно-именная (зависимый компонент – прилагательное): *мамина комната, университетское здание, бедный человек*.

Как видно из примеров, позицию зависимого компонента могут занимать как притяжательные прилагательные, так и большинство относительных, а также качественные прилагательные пропозитивной семантики, указывающие на наличие/отсутствие объекта обладания (в широком смысле).

Русским конструкциям данной группы с притяжательным прилагательным в роли зависимого элемента соответствуют английские словосочетания атрибутивно-препозитивного типа с управлением: *Нередко отцовская рука, вооруженная большой деревянной ложкой, награждала нарушителя порядка звончайшим ударом по лбу* (М. Алексеев) – *Often enough dad's hand armed with a big wooden spoon rewarded the violator of established order with a ringing crack on the forehead*.

Русским словосочетаниям данной группы с относительным или качественным прилагательным в роли зависимого компонента соответствуют английские словосочетания с примыканием, в которых главным компонентом может быть прилагательное, либо существительное в атрибутивной функции: *Упивался Гиричев людским самоуничожением* (Н. Воронов) – *Girichev got a*

lot of pleasure out of human self-abasement; A bicycle wheel hummed like a top in the road, staggered and collapsed (G. Greene) – **Велосипедное колесо** загудело волчком посреди бульвара, дернулось и упало.

Заметим, что в конструкциях с качественными прилагательными главным элементом является существительное, обозначающее посессора, тогда как зависимый элемент обозначает объект посессивности. Таким образом, посессивное отношение представлено в них в ракурсе, противоположном ракурсу в конструкциях с притяжательными и относительными прилагательными (*богатый человек – тетушкино богатство*).

2) Группа местоименно-именная, где в роли зависимого компонента выступают притяжательные местоимения 1 и 2 лица, неопределённые местоимения *чей-то, чей-либо, чей-нибудь*, отрицательное местоимение *ничей: ваш словарь, чья-то тетрадь,ничей* (ср. разг.: *ничейный*) *стол*.

Русским словосочетаниям этой структуры с личным местоимением в роли зависимого компонента соответствуют английские словосочетания с примыканием, в которых зависимый компонент выражен местоимениям того же разряда: *Мой отец отличался мягкостью сердца, легкостью нрава...* (В. Набоков). – *My father was a gentle, easygoing person...*

Словосочетаниям с неопределенным или отрицательным местоимением в роли зависимого компонента соответствуют английские конструкции препозитивного типа с управлением: *somebody's copy-book, nobody's table*.

2. Тип атрибутивно-препозитивный с управлением.

Главным компонентом словосочетаний этого типа является существительное, выражающее объект принадлежности. Зависимый компонент, находящийся в препозиции к главному, имеет форму родительного (притяжательного) падежа. Он может быть выражен существительным, как правило, одушевленным, а также неопределенным или отрицательным местоимением. Словосочетания данного типа характерны только для английского языка. Зависимый компонент принимает морфему принадлежности 's: *my brother's car, his father's house, somebody's books, nobody's thing*.

В русском языке в разговорной речи возможны словосочетания той же структуры с существительным в роли зависимого компонента: *моего брата машина, его отца дом*. Однако они не являются нормой для современного русского языка, их следует рассматривать как речевые варианты словосочетаний атрибутивно-постпозитивного типа с управлением, которые обычно соответствуют английским конструкциям рассматриваемого типа: *It was a bachelor's room ...* (S. Maugham) – *Это была комната холостяка...*

Английским словосочетаниям с местоимениями в роли зависимого компонента соответствуют русские конструкции препозитивного типа с согласованием: *чью-то книги, ничья вещь*.

3. Тип атрибутивно-препозитивный с примыканием.

Характерный признак словосочетаний этого типа – отсутствие какого-либо морфологического оформления синтаксической связи между главным и зависимым компонентом. Эта связь выражается порядком расположения компонентов словосочетания, в данном случае препозицией зависимого компонента.

В английском языке посессивная семантика прослеживается в словосочетаниях с главным компонентом, выраженным именем существительным, и зависимым компонентом, выраженным прилагательным, существительным в роли прилагательного или притяжательным местоимением: *a rich man, castle gates, my dog*.

Соответствующие этим русские словосочетания относятся к атрибутивно-препозитивному типу с согласованием: *богатый человек, моя собака*, или к атрибутивно-постпозитивному типу с управлением: *ворота замка*.

Заметим, что к рассматриваемому типу относятся русские словосочетания с притяжательными местоимениями 3 лица в роли зависимого компонента: *его дом, их идеи*. Им соответствуют английские конструкции того же типа: *Пистолет дрожал в его руке, одеревеневшей от ползанья* (Б. Полевой) – *The pistol trembled in his hand that was numb from crawling*.

4. Тип атрибутивно-постпозитивный с управлением.

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь получает свое морфологическое оформление в виде падежных морфем. В посессивных конструкциях этого типа главным компонентом, как правило, является существительное. Зависимый компонент, находящийся в постпозиции к главному, выражен существительным в форме родительного падежа. Этот подтип широко представлен в русском языке рядом лексико-семантических моделей, например:

а) принадлежность лицу, выраженному главным компонентом: *велосипед брата, собака охотника*.

Соответствующая ей модель в английском языке относится к атрибутивно-препозитивному типу с управлением и, следовательно, отличается от данной русской модели: *Днями узелок матери должен был пополниться* (М. Алексеев) – *In a few days there should be more addition to mum's bundle*.

б) часть (главный компонент) и целое (зависимый компонент): *центр города, ножка стола*;

в) отношение к учреждению, коллективу: *директор фабрики, секретарь общества*;

г) отношение между действием (главный компонент) и его производителем (зависимый компонент): *выступление оратора, игра актера*.

Модели б), в), г) не выражают посессивные отношения в узком смысле этого слова, т.е. собственно обладание и принадлежность, но посессивная сема присутствует и в них. Им в английском языке соответствует модель,

относящаяся к атрибутивно-предложному типу с примыканием: *Подошвы моих ботинок были из фибры, костяной твердости* (Н. Воронов) – *The soles of my shoes were of bone-hard fibre; He spoke like the captain of a school-team...* (G. Greene) – У него был вид **капитана школьной команды**... и т.д.

5. Тип атрибутивно-предложный с постпозицией и управлением.

В этом типе словосочетаний синтаксическая связь главного компонента с зависимым выражена падежным управлением в соединении с предлогом. Главным компонентом, как правило, является существительное. В соответствии с падежной формой зависимого компонента в словосочетаниях русского языка можно выделить следующие подтипы:

1) Предложно-генетивный подтип: зависимый компонент соединен с главным предлогом, требующим формы родительного падежа зависимого компонента (посессора). В зависимости от предлога и передаваемого им значения этот подтип включает следующие лексико-семантические модели:

- а) предмет и его производитель, место его происхождения: *письмо от мужа, журнал из библиотеки*;
- б) предмет, отделенный от другого предмета, но каким-то образом, преимущественно по функции, с ним связанный: *ключ от квартиры, пуговица от пиджака*;
- в) предмет и его назначение: *зал для собраний, вход для артистов*;
- г) предмет и другой предмет/явление, в нем отсутствующие (отрицательная принадлежность, необладание): *дом без лифта*.

Английские словосочетания, соответствующие перечисленным, относятся главным образом к атрибутивно-предложному типу с постпозицией и примыканием: *Marian thrust the letter from Geoffrey into her pocket unopened* (I. Murdoch) – Мэриан сунула *письмо от Джейфри* в карман нераспечатанным; *What's ... Haviland doing, pretending that he is now a character out of H.G. Wells?* (M. Wilson) – Что ждет ... Хэвиленда, вообразившего себя *персонажем из романов Уэллса*?

2) Предложно-творительный подтип: зависимый компонент соединен с главным с помощью предлога, требующего формы творительного падежа зависимого компонента.

В этом подтипе выделяется следующая модель посессивной семантики: главный компонент обозначает лицо, характеризуемое наличием какого-либо признака или предмета, обозначенного зависимым компонентом: *инженер со стажем, человек с ружьем, юноша с талантом*.

Данной русской конструкции соответствует английская конструкция атрибутивно-предложного типа с постпозицией и примыканием: *Он практик со знаниями, добтыми личной пытливостью* (Н. Воронов) – *He is a practician with knowledge acquired through sheer inquisitiveness*.

3) Предложно-предложный подтип: зависимый компонент соединен с главным с помощью предлога, требующего предложного падежа. В этом

подтипе выделяется следующая модель посессивной семантики: главный компонент обозначает лицо или предмет, характеризуемые каким-либо внешним признаком, обозначенным зависимым компонентом (значение локальной конкретизации наличия предмета обладания у субъекта): *женщина в очках, девушка в брюках*.

Словосочетания соответствующей семантики в английском языке относятся к предложно-постпозитивному типу с примыканием: *A lot of old women in black trousers squatted on the landing* (G. Greene) – *У входа, на площадке, сидели на кроточках старухи в черных штанах*.

6. Тип атрибутивно-предложный с постпозицией и примыканием.

В этом типе синтаксическая связь, существующая между компонентами словосочетания, не имеет морфологического выражения и осуществляется фиксированным порядком слов. В посессивных конструкциях английского языка, относящихся к данному типу, главный компонент выражен именем существительным. В зависимости от предлога, входящего в словосочетание, можно выделить несколько групп словосочетаний:

1) Словосочетания с предлогом *of*. Главный компонент – существительное обозначает предмет или явление, имеющее определительное или определительно-объектное отношение к зависимому компоненту. Словосочетания этой группы включают ряд лексико-семантических моделей:

а) часть (главный компонент) и целое (зависимый компонент): *the corner of the room* (угол комнаты), *the people of the district* (жители района), *the butt of the rifle* (приклад винтовки);

б) действие (главный компонент) и его носитель (зависимый компонент): *the song of the nightingale* (песня соловья), *the ring of the bell* (звон колокола);

в) лицо (главный компонент) и его качество (зависимый компонент): *a woman of sense* (разумная женщина), *a man of self-possession* (человек с самообладанием).

Как можно заметить, английским словосочетаниям посессивной семантики с предлогом *of* в основном соответствуют русские словосочетания атрибутивно-постпозитивного типа с управлением, в которых зависимый компонент имеет форму родительного падежа: *“I am accustomed to the ways of young gentleman, m'lady”* (A. Christie) – «Я знаком с привычками молодых джентльменов, миледи».

Однако нередко данным словосочетаниям могут соответствовать русские конструкции атрибутивно-предложного типа с постпозицией и управлением: *“It wasn't a bullet, Countess,” he said. “It's the shell of the cartridge”* (A. Christie) – «Это была не пуля, графиня, – сказал он, – это гильза от патрона».

Модель в) составляет исключение, поскольку, в ней зависимому компоненту – существительному в русском языке чаще всего соответствует прилагательное: *A woman of great wealth, ... she has devoted her money and her*

talent to the public service (A. Christie) – **Очень богатая женщина, ... она посвятила все свое состояние и талант общественной деятельности.**

2) Словосочетания с предлогом *in*. Главный компонент – существительное обозначает предмет, находящийся в определительных пространственных отношениях с зависимым (вторичное средство выражения посессивности). Словосочетания этой группы включают ряд лексико-семантических моделей, широко распространенных в речи:

а) лицо или предмет (главный компонент), ограничиваемые местом или пространством (зависимый компонент, посессор): *the statue in the square* (*статуя на площади*), *the pond in the park* (*пруд в парке*);

б) действие (главный компонент), и место его совершения (зависимый компонент, посессор): *a smile in his eyes* (*улыбка в его глазах*), *the anger in her voice* (*раздражение в ее голосе*);

в) лицо и его социальное положение: *a clerk in a firm* (*служащий фирмы*), *an assistant in a store* (*работник магазина*);

г) лицо или часть тела (главный компонент), характеризуемые наличием предмета (зависимый компонент): *women in suits* (*женщины в костюмах*).

Все приведенные лексико-семантические модели этой группы словосочетаний имеют в русском языке соответствия в атрибутивно-постпозитивном типе с управлением: *Except perhaps for the alert watchfulness in the young man's eyes, nothing had caught his attention* (M. Wilson) – *Ничто, кроме настороженной пытливости во взгляде юноши, не привлекало его внимания.*

Итак, нами рассмотрены наиболее употребительные конструкции атрибутивного типа, выражающие посессивные отношения в русском и английском языках, и обозначены их структурные и семантические особенности. Проведенное сопоставление показывает, что структурные расхождения и соответствия в данной сфере обусловлены общими типологическими характеристиками русского и английского языков; каждой конструкции одного языка соответствует в другом языке конструкция или ряд конструкций, полностью передающих ее семантику, что подтверждает универсальность категории посессивности.

Литература

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1979.
2. Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 99 – 100.
3. Чинчлей К.Г. Общая характеристика ФСП посессивности // Теория функциональной грамматики. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 100 – 105.

Е.В. Копкова
Глазов

Атрибутивные цепочки в английском и русском языках: факторы, определяющие топологию компонентов

Сочетания нескольких определений (атрибутов) в препозиции к опорному слову-существительному давно привлекают внимание исследователей. В данной статье будут рассмотрены атрибутивные цепочки типа ($A_1 A_2 A_3 \dots + N$) на материале английского и русского языков, а также факторы, определяющие порядок взаимного расположения атрибутов в препозиции к имени существительному.

Как отмечает В.В. Бурлакова, закономерности аранжировки нескольких атрибутов при одном определяемом «плохо поддаются формализации и до сих пор еще точно не установлены» (Бурлакова, с. 23). Это связано, на наш взгляд, с *полидетерминированностью*, *поликоординированностью*, т.е. обусловленностью данного языкового явления несколькими факторами. Среди факторов, влияющих на порядок следования атрибутов в цепочке, выделяются категории разного порядка – структурно-семантические, фоносемантические, прагматические, о чём упоминается в работах О.Есперсена, Г.Суита, А.Хилла, отечественных исследователей В.В. Бурлаковой, А.Р.Катанской, Л.Г. Кравец, Т.Н. Борисовой, О.В. Афанасьева и др.

Рассмотрим особенности атрибутивных цепочек в английском языке и их функционирование в текстах различной стилевой принадлежности (художественный стиль и стиль рекламы).

Говоря о специфике рассматриваемых сочетаний в английском языке, следует отметить, что данное явление относится к *идиоэтнической* (специфической) зоне языка. Традиционно в английской грамматике считается, что описательные прилагательные типа *small, good, extraordinary* должны занимать крайнюю левую позицию, ближе к определяемому слову располагаются определения типа *old, new, little*, затем – прилагательные цветообозначения, и рядом с существительным стоят относительные прилагательные. Например, *large new white English tents*. По мнению исследователей, такой порядок компонентов в английском языке является наиболее типичным. Однако допустима перестановка препозитивных определений: *new white large English tents*, хотя последний вариант и менее обычен.

С учетом существующих исследований и на основе собственных данных общая схема расположения компонентов атрибутивных словосочетаний в английском языке имеет следующий вид:

A_{opinion}	A_{size/volum}/A_{temperature}	A_{shape}	A_{age}	A_{colour}	A_{origin}	A_{material/purpose}/Participle II	N
	large			blue		china	jar
	thick	straight		blonde			hair
beautiful			old	dark red	Persian	hand-woven	rug

Как можно заметить, схема расположения прилагательных в определенной степени зависит от специфики их субкатегоризации. Относительное прилагательное в функции атрибута категоризирует, передает внутренние, неизменяемые признаки предмета и непосредственно соседствует с именем существительным. Значение качественных прилагательных абстрагировано, отвлечено от конкретных объектов материального мира. В силу этого они могут располагаться дистантно от ядра и, в том числе, находиться в постпозиции к нему, в отличие от прилагательных относительных, которые приобретают такую способность только в случае *охарактеризации* их лексического значения. Таким образом, одним из факторов, определяющим топологию атрибутов, является *степень специализации значений прилагательных*.

Мы полагаем, словопорядок в атрибутивных словосочетаниях может быть в определенной мере объяснен иконическим принципом синтаксического развёртывания. Такая последовательность передает структуру восприятия человеком окружающей действительности: от внешнего к внутреннему, от явного к скрытому. Так, в первую очередь запечатлеваются внешние, яркие, явно выраженные признаки предмета: его **размеры** (длина, высота, объем), **особенности формы, цвет**. Определения, описывающие наиболее *специфические* признаки предмета, которые не даны в непосредственном наблюдении, занимают в цепочке правую позицию (например, *high grey London sky, large purple satin coverlet*). Восприятие характеризуется субъективностью, личной оценкой, что проявляется через использование субъективно-оценочных прилагательных, которые занимают *начальную позицию* в цепочке атрибутов, так как являются наиболее важными с точки зрения самого говорящего (например, **fine** white fleecy clouds, **neat** little white whiskers).

В английском языке атрибутивная связь характеризуется тесной спаянностью компонентов. В атрибутивных цепочках определение может настолько тесно прымывать к существительному, что происходит его десемантизация. Это приводит к появлению в языке атрибутивных синтагм, которые, по мнению Н.П. Никитиной, часто используются носителями языка как клишированные словосочетания: poor little thing; good little girl; mighty good man; pretty good chance (см. Никитина). Таким образом, в данном случае

определяющим фактором является фактор языковой традиции, когда определенные структуры воспроизводятся говорящими в речи как устойчивые обороты и становятся языковой нормой.

Иногда определенная последовательность атрибутов объясняется логикой высказывания. Например, в таких сочетаниях как: pale **new** moon; red **wet** eyes; long **upper** lip. Тесная смысловая связь между определением и определяемым объясняет невозможность инверсии прилагательных: pale new moon → ***new** pale moon; red wet eyes → ***wet** red eyes; long upper lip → ***upper** long lip. Таким образом, фактор «логической последовательности мысли» (по определению О. Есперсена), соответствие синтагматики речи логике мыслительных процессов является другим, немаловажным фактором, обуславливающим топологию атрибутивных компонентов.

Несмотря на конвенциональный характер распределения атрибутов, возможны отклонения от существующего словопорядка. Это чаще всего вызвано индивидуально-авторскими соображениями (особенностями стиля, эмфазой, pragматическими факторами). Например, в художественной литературе часто встречается инверсия прилагательных, в том числе прилагательных цветообозначения, с целью создания эффекта семантического противопоставления:

(1) **She liked the little trim curly moustache which did not conceal his full red lips** (S.Maugham). Автор помещает слово «little» на первое место с целью эмфазы, чтобы подчеркнуть именно его (Таунсенда) небольшие усы в противопоставление «полным губам» героя. Инверсия используется с целью выделения атрибута, семантически важного в цепочке прочих определений, характеризующих образ героя:

(2) **From this mask her black, slightly slanting, large eyes burned like lakes of liquid jet** (S.Maugham).

(3) **Why should that man with his yellow, flat face have tears in his eyes?** (S.Maugham) Позиционное «выдвижение» прилагательных свидетельствует о том, что в данных контекстах они pragматически мотивированы. В примере (2): глаза - «черные», точнее, «темные как смоль». Это сочетание усиливает значение прилагательного «black». В примере (3) автор стремится подчеркнуть изменения во внешности героя накануне смерти: «желтое, осунувшееся лицо». Кроме того, наблюдается пунктуационное выделение прилагательного.

(4) **It was, in its way, a very charming room, with its high-panelled wainscoting of olive-stained oak, its cream-coloured frieze and ceiling of raised plaster-work, and its brick-dust felt carpet strewn with silk long-fringed Persian rugs** (O. Wilde). Описание комнаты передает изысканность обстановки, эстетические пристрастия хозяина комнаты. Именно *шелковые* с длинной бахромой персидские ковры подчеркивают аристократичность обстановки.

(5) **He looked at the clasps and bracelets of diamonds and pearls, at the little flat gold watch with a great diamond set in sapphires, at the chains and rings, each in its nest, and the tears rushed up in his eyes dropped upon them** (J. Galsworthy). Подчеркивается размер небольших (дамских) золотых часов, украшенных драгоценными камнями.

В следующем примере определенную роль при организации прилагательных в цепочке может играть как фактор эмфатического выделения прилагательного цветообозначения, так и *соображения благозвучия* (эвфонии): **She liked his black, bushy eyebrows. She wondered whether it was they that gave his blue eyes their disturbing expression** (S.Maugham). Сочетание начальных звуков в слове «black» фonoсемантически является более благоприятным, нежели в слове «bushy».

Интересно функционирование атрибутивных конструкций в публицистическом стиле и его подstile – рекламе. Примеры, взятые из рекламных текстов, где ярко проявляется функция воздействия, оригинальны с точки зрения прагматического посыла. Так, при описании того или иного товара или услуги, с целью наиболее полной, выигрышной характеристики используются достаточно распространённые атрибутивные конструкции:

Our Italian Leather Muti-Adjustable Office Chairs Are Designed For Their Comfort, Quality And Tremendous Value (Financial Times). Наблюдается инверсия относительного прилагательного «Italian» и определения-существительного «leather» - подчеркивается качественность именно итальянских кожаных кресел. При этом сочетание «office chairs» представляет собой случай тесной семантической связи между определяющим и определяемым словом и не инвертируется.

Примечательным представляется также порядок следования атрибутивных компонентов в структурах, встречающихся во многих объявлениях о сдаче в аренду/продаже жилья. Предполагается, что такая конструкция представляет собой клишированный минитекст с фиксированным порядком компонентов:

Num/Art → A_{opinion/A_{size}} → Participle II → Descriptive Construction → A_{noun} → N

(например: two new spacious detached *three bedroom* family houses).

Таким образом, с одной стороны, говорящий руководствуется принципами прагматического приоритета в высказывании, с другой стороны, наблюдается стремление к воспроизведению общепринятых клише.

Сравним использование атрибутивных цепочек в русском языке. В русском языке в целом отмечается такая же схема словопорядка, как и в английском. Например, **чистый кирпичный пол; большое отцовское ружье; простая крестьянская меховая шапка; радужный длинный узкий сорочий хвост.** Это в первую очередь обусловлено наличием тех же семантических различий и субкатегоризации имен прилагательных.

В других случаях можно предположить, что некоторую роль играет фактор логической последовательности, а также тесная смысловая связь между определением и существительным. Например: *тонкая верхняя губа, короткие передние конечности, белая водяная лилия*. Подобные сочетания характеризуются четко структурированной синтаксической связью, когда крайнее определение характеризует не одно существительное, а *относится к целому словосочетанию*. В таких случаях инверсия прилагательных (если не учитывать прочие прагматические факторы) невозможна. Ср. **верхняя тонкая губа, *передние короткие конечности*.

Прагматическая направленность высказывания может приводить к абсолютно неожиданным сочетаниям, звучащим непривычно в силу своей маркированности. Например, *Весь день он что-то сердито бормотал, жевал сухими желтыми губами и искоса поглядывал на заинлевелого солдата в башлыке, заходившего в сторожку греть красные большие руки* (К. Паустовский). В данном контексте существенно то, что руки были холодные, оттого и красные. Хотя инвертированный порядок атрибутов непривычен, при другом расположении последних (*большие красные руки*) словосочетание звучало бы не совсем адекватно с точки зрения логики. Таким образом, прагматика высказывания и «здравый смысл» мотивируют словопорядок в атрибутивных цепочках в русском языке.

Принцип иконичности также может влиять на последовательность атрибутов в цепочке, например: *колкие ледяные розы, густые высокие ели, в темных глубоких овражных местах, удивительная берестяная трубочка*. Наиболее яркие, существенные с точки зрения говорящего признаки предмета помещаются в начальную позицию.

В качестве отличительной особенности, можно отметить, что в русском языке, языке флективном, атрибуты обладают *большой позиционной свободой*. Отмечены случаи, когда описательное прилагательное в русском языке десемантизируется и занимает контактную позицию с именем существительным (что не находим в английском языке). Относительное прилагательное переосмысливается и становится инициальным, отделяется от существительного (например, *золотые интересные капли, темноволосая застенчивая девушка, маленькие чудесные островки*). Инициальные определения оказываются прагматически важными, существенными с точки зрения говорящего. Относительное прилагательное предшествует качественному (например, *Он захлопнул дубовую чёрную дверь, зажмурился от колючего снега, ударившего в глаза, и перекрестился...* - К. Паустовский). Инверсия прилагательного «дубовый» подчёркивает большие размеры, массивность двери.

Есть также различия в употреблении английских прилагательных *old, young, good, great, little, poor* в атрибутивных цепочках клишированного типа и их русских эквивалентов. В русском языке прилагательное «маленький», к

примеру, может встречаться в различных позициях, не находясь при этом в тесной связи с именем существительным: **маленькое** *чёрное платье* – *чёрное маленькое платье*, **маленький** *хромой утенок* – *хромой маленький утенок*. Инициальное определение оказывается **акцентируемым** и передает **существенный признак**, в то время как последующие атрибуты семантически ослабляются.

Таким образом, несмотря на различную типологическую принадлежность языков, на кодифицированность рассматриваемого явления в английском языке и отсутствие такового в русском, наблюдается общая, сходная для обоих языков картина в структурно-семантическом оформлении атрибутивных цепочек. Это позволяет говорить о единстве мыслительных процессов (фактор логичности, непротиворечивости), об общей тенденции к использованию в речи конвенциональных структур, облегчающих общение и понимание (фактор языковой традиции, «устной договоренности», привычности). В то же время в обоих языках важную роль играет принцип pragmatischen Prioritäts.

Литература

1. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка: Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1984.
2. Никитина Н.П. Рекуррентные синтагмы структурного типа «прилагательное + существительное» в современном английском языке. – Калинин, 1974.

А.Б. Зотова
Воронеж

К проблеме директивных речевых актов, выражаящихся восклицательными предложениями (на материале русских и английских текстов)

Одним из видов речевых актов, которые могут выражаться и русскими, и английскими восклицательными предложениями, является директив. Традиционно считается, что речевые акты директивного типа имеют своей основной целью заставить слушающего сделать или не сделать что-либо (Комина, с. 96), и выражаются, как правило, побудительными/императивными предложениями, в основе которых лежит волеизъявление говорящего, проявляющееся в речевом побуждении адресата сообщения (слушавшего) к определённому поведению (Семина, с. 56).

Употребляя в коммуникации побудительные предложения, говорящий, как правило, выражает ещё и различные эмоции (гнев, злость, ярость, восторг, радость и др.), в результате чего императивные предложения становятся

восклицательными. Традиционно выделяются такие значения императива, как просьба, приказ, команда, требование и т. п., которые выявляются в ситуации речи (Акимова, с. 192). Соответственно можно выделить различные частные подвиды директивных речевых актов, выражающиеся русскими и английскими восклицательными предложениями. Поскольку в лингвистической литературе отсутствует чёткое выделение подвидов директивных речевых актов, целесообразным представляется использовать для их разграничения словарные дефиниции.

Материалом исследования послужили восклицательные предложения, полученные методом сплошной выборки из девяти произведений современных русских писателей (А. Солженицын «Адлиг Швенкиттен», Г. Щербакова «Актриса и милиционер», М. Беленький «Обсерватория», Б. Екимов «Пиночет», Ф. Искандер «День писателя», Г. Балл «Лодка», А. Азольский «Диверсант», Н. Елисеев «Мыслить лучше всего в тупике. Кое-что об экзистенциальных мотивах в нашей литературе», И. Полянская «Читающая вода») и одиннадцати произведений американских писателей, преимущественно современных (F. Raphael “The Glittering Prizes”, Ch. Bukowski “No Way to Paradise”, “Love for 17.5\$”, “The Killers”, “Christ on Rollerskates”, “Confession of a Man Insane Enough to Live with Beasts”, “Guts”, “A Man”, “The Devil was Hot”, S. King “The Green Mile”, I. Welsh “Ecstasy”).

В рамках исследуемого материала директивные речевые акты, выражающиеся как русскими, так и английскими восклицательными предложениями, в соответствии с современной теорией могут быть подразделены на более частные виды, представленные в порядке убывания частотности в процентном соотношении к общему количеству:

1) *Приказ, команда*, не разграничиваемые нами как отдельные подвиды вследствие того, что Словарь русского языка даёт практически одинаковые определения: *приказ* – «распоряжение воинского начальника подчинённым, являющееся для них законом и подлежащее беспрекословному выполнению; официальное распоряжение органа власти, руководителя учреждения, предприятия, организации и т. п.; вообще распоряжение, приказание» (Евгеньева, Т. 3. с. 413); *команда* – «устный приказ командира по установленной форме; указание, приказ, даваемые лицом, которое направляет, регулирует чьи-либо действия в процессе работы» (Евгеньева, Т.2, с. 80). Данный подвид директивных речевых актов, выражающихся русскими и английскими восклицаниями, может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Начинайте работать!* (Б. Екимов) – председатель колхоза Корытин даёт приказ своим подчинённым начинать сеять хлеб; *Stand up!* (Ch. Bukowski) – президент компании Rollerworld приказывает одному из своих работников вставать, когда он входит в кабинет (20% - в русском языке и 19% - в английском).

2) *Просьба* – «обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, какое-либо желание, исполнить, соблюсти что-либо» (Евгеньева, Т.3, с. 530). Этот вид директив, выражающихся английскими и русскими восклицательными предложениями, может быть проиллюстрирован следующими примерами: *For God's sake, will you sit still for two minutes!* (H. Fielding) – Бриджит обыскивает в квартире Дэниэла все ящики, т.к. подозревает его в употреблении наркотиков. Дэниэл просит Бриджит успокоиться, выражает раздражение, негодование, т.к. Бриджит ему не доверяет; *Помоги мне, у меня же нет никакой поддержки!* (Ф. Искандер) – поэт просит Ф. Искандера помочь ему с распространением рекламы о его новой поэме (18% - в английском и 16% - в русском языках).

3) *Мольба* – «горячая, страстная просьба» (Евгеньева, Т.2, с. 295): *Please, sir... I beseech you, in the name of England herself!* (I. Welsh) – солдат умоляет полковника Кокса не вызывать его на дуэль за оскорбление почтенной дамы; *Прости! Прости мою дочушку! За – ради Нового года!* (Б. Екимов) – тётка Проя умоляет председателя колхоза простить её дочери воровство поросёнка, не отдавать в руки правосудия (15% - в английском и 14% - в русском языках).

4) *Требование* – «настоятельная просьба, желание, выраженные в категорической форме (Евгеньева, Т.4, с. 401): *I want some blood up here, and I want it up here NOW!* (Ch. Bukowski) – Мистеру Хинаски стало плохо в больнице, к нему подошёл врач, но не нашёл в его медкарте анализа крови. Врач требует, чтобы медбрать немедленно сделал анализ крови; *На землю, зарплату дайте, как раньше!* (Б. Екимов) – колхозница требует, чтобы председатель колхоза вернул порядки Советского времени и отменил собственность на землю, её приватизацию (13% - в английском и 12,5% - в русском языках).

5) *Призыв* – «звуки, слова, которыми призывают, зовут для чего-либо; обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование» (Евгеньева, Т.3, с. 411-412): *Не надо злобы, писатели русские!* (В. Славецкий) – М. Булгаков призывает писателей не спорить о том, кому принадлежат права на «новый реализм»; *Peace, Peace!* (Ch. Bukowski) – Ред призывает ребят успокоиться и не драться из-за девушки 11% - в русском и 10% - в английском языках).

6) *Совет, рекомендация*, которые в рамках данного исследования не разграничиваются на основании того, что Словарь русского языка определяет одно понятие через другое: *совет* – «указание, предложение как поступить» (Евгеньева, Т.3, с. 702), *рекомендация* – «совет, предложение» (Евгеньева, Т.3, с. 702): *Езжайте в обсерваторию, Дмитрий Иванович!* (М. Беленький) – попутчик Дмитрия Ивановича советует ему ехать в обсерваторию сразу, не заезжая в ресторан на площади, т.к. в обсерватории уже все собрались; *Leave the consideration of your wardrobe in those capable hands, my girl, and turn your*

attention to more pressing matters! (I. Welsh) – Мисс Мэй советует Агнес не волноваться о своём наряде на званом вечере и переключить своё внимание на более важные вещи, такие как её отношения с сэром Рональдом (8% - в русском и 7,8% - в английском языках).

7) *Указание* – «совет, замечание, разъясняющие что-либо, указывающие как действовать; сообщение, доведение до чьего-либо сведения» (Евгеньева, Т.4, с. 478): *Walk over there!* (S.King) – начальник охраны в тюрьме указывает заключённому, куда идти; *Удодов, попусти докладчика!* (М. Беленький) – ротмистр даёт указание городовому Удодову, чтобы тот пропустил докладчика и не держал его в дверях (7,6% - в английском и 7,5% - в русском языках).

8) *Запрет* – «неразрешение делать что-либо, воспрещение, наложение запрета на что-либо, неразрешение пользоваться чем-либо, употреблять что-либо» (Евгеньева, Т.1, с. 560): *Нечего её (дверь) и открывать! Какой прок!* (Б. Екимов) – агроном Петрович спрашивает у сына председателя, почему тот к нему не заходит. Сын председателя говорит, что только что пришёл и открывает дом. Агроном запрещает продолжать открывать хату, т.к. хочет пригласить его к себе; *Don't EAT THAT!* (Ch. Bukowski) – медсестра, увидев, что пациент после операции начал есть, запрещает ему это делать (6,5% - в русском и 6,3% - в английском языках).

9) *Приглашение* – «просьба, предложение сделать что-либо, принять участие в чём-либо, заняться чем-либо» (Евгеньева, Т.3, с. 400). Данный вид директив, выражающийся как русскими, так и английскими восклицательными предложениями, может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Заходи, Нико! Давай поговорим!* (М. Беленький) – духанщик-мингрел приглашает художника Николая к себе домой; *Come and see what Mr Jingles can do!* (S.King) – работник тюрьмы Брутэл приглашает начальника тюрьмы прийти к нему и посмотреть, какие фокусы может показывать его приручённая мышь (1,5% - в русском и 1,3% - в английском языках).

10) *Предостережение, предупреждение*, не разграничиваемые нами как два различных вида директив, вследствие того, что Словарь русского языка определяет данные понятия одно через другое: *предостережение* – «действие, направленное на то, чтобы заранее остеречь человека от чего-либо, предупредить о чём-либо» (Евгеньева, Т.3, с. 367), *предупреждение* – «высказывание, которое заключает в себе предостережение: предупреждающее замечание, сигнал об опасности и т.п.» (Евгеньева, Т.3, с. 374). Данный вид директив, выражающийся русскими и английскими восклицательными предложениями, может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Не подходите близко! Не трогайте глазами! Опасно для жизни!* (И. Полянская) – режиссёр Дзиги предостерегает от опасности, которая хранится в старых, прогнивших кинолентах; *Take care ...*

him! (S. King) – охранник Дин предупреждает начальника охраны в тюрьме, чтобы тот остерегался заключённого Вортона, так как он пытался задушить Дина (1% - в русском и 0,8% - в английском языках).

11) *Разрешение, позволение*, не разграничаемые нами как два отдельных подвида директивных речевых актов, выражающихся русскими и английскими восклицаниями, вследствие того, что Словарь русского языка определяет данные понятия практически одинаково: *разрешение* – «согласие, дающее право сделать что-либо, позволение» (Евгеньева, Т.3, с. 629); *позволение* – «согласие на право сделать что-либо, разрешение» (Евгеньева, Т.3, с. 237): *Ну, пока нет работы – клади головы на столы!* (А. Солженицын) – комбат Овсянников разрешает солдатам отдохнуть, так как делать нечего; *Why of course you can!* (A. Gopnik) – отец разрешает сыну пойти погулять во двор (0,75% - в русском и 0,4% - в английском языках).

12) *Предложение* – «а) заявление о своей готовности, желании предоставить что-либо, уступить каким-либо образом кому-либо; б) просьба кого-либо сделать что-либо, попросить заняться чем-либо; в) сделать что-либо предметом рассмотрения, выбора со стороны других» (Евгеньева, Т.3, с. 365): *Давай я тебе вымою голову!* (Г. Щербакова) – актриса Нора Лаубе предлагает пришедшему к ней милиционеру вымыть голову, так как по его внешнему виду заметно, что он давно не купался; *Here let me help you!* (Ch. Bukowski) – девушка не может сложить все вещи в чемодан и закрыть его, парень предлагает помочь ей закрыть чемодан (0,5% - в русском и 0,35% - в английском языках).

13) *Поучение* – «назидательный совет, наставление, указание о жизни» (Евгеньева, Т.3, с. 338): *Горячие должны быть юни! Горячие! Потому что это – юни! А не больничный супчик!* (Б. Екимов) – агроном Петрович учит свою жену, что суп должен быть горячим, а не тёплым, каким она его подала на стол; *You should be more polite with your mother!* (I. Welsh) – отец учит сына, чтобы тот не грубил своей матери (0,5% - в русском и 0,25 – в английском языках).

14) *Распоряжение* – «указание о выполнении чего-либо; приказание, постановление» (Евгеньева, Т.3, с. 656). Распоряжения, выражающиеся английскими и русскими восклицаниями, могут быть проиллюстрированы следующими примерами: *You go on and kill that raping baby-killer twice, that'd be just fine!* (S. King) – Клаус Деттерик, отец двоих убитых детей, указывает охраннику в тюрьме, чтобы он быстрее казнил преступника; *Слушай, смотри, учись и молчи!* (А. Азольский) – более опытный в военном деле красноармеец Алёша говорит Леониду Филатову, только что окончившему школу, как нужно себя вести в военкомате (0,25% - в английском и 0,2% - в русском языках).

Таким образом, в рамках исследуемого материала были выделены основные подвиды директивных речевых актов, выражающихся как

русскими, так и английскими восклицательными предложениями: приказ, просьба, мольба, требование, призыв, совет, указание, запрет, приглашение, предостережение, разрешение, предложение, поучение и распоряжение.

Представляется целесообразным заметить, что в коммуникации русские чаще используют приказы или команды, в то время как носители английского языка предпочитают речевой акт просьбы. Данный факт может свидетельствовать о том, что русские более категоричны в отличие от американцев, которые, как правило, используют более мягкие формы директив. Однако носители английского языка чаще используют требования и указания. Русские чаще американцев используют призыв, совет, запрет, приглашение, предупреждение, позволение, предложение, поучение, и распоряжение. Полученные данные позволяют выявить специфические черты в использовании речевых актов.

Литература

1. Акимова Т.Г. Повелительные предложения в английском языке // Типология императивных конструкций. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – С.189-201.
2. Комина Н. А. Семантика коммуникативно-прагматических типов высказываний // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: Алт.ГУ, 1983. - С. 93-101.
3. Семина И.А. Способы выражения типов побуждения в современном французском языке (на примере высказываний-просьб) // Лингвистические закономерности организации текста. Сб. науч. тр. Вып. 379. – Москва: Москов. Гос. лингв. ун-т, 1991. – С. 53-59.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т Рус. Яз., под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-ое изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984.

Н.В.Ильичева
Воронеж

Генерализованные предложения с опе и структурно-семантические аспекты их перевода на русский язык

Обобщение является одной из важнейших операций мышления. Будучи изначально категорией философии и логики, обобщение не могло не стать категорией языка. В качестве языковой категории обобщенность формирует свои формы выражения.

При обобщенном значении ситуация, описываемая предложением, рассматривается как возможная для всех и каждого во все времена при

подобных условиях. Субъект действия рассматривается как любой человек, который может попасть в данную ситуацию:

You have made your bed, and you must lie on it. (посл.)

Значение обобщенности – это значение распространенности на всех и любого, но, как видно из примера, не отстраненности, так как говорящий зачастую также включен в этот достаточно широкий круг общности возможных субъектов речи. Зачастую говорящий просто распространяет свой личный опыт на других или опыт других на самого себя:

We are but the veriest, sorriest slaves of our stomach. (Jerome)

To look at Montmorency you would imagine that he was an angel sent upon the earth, for some reason withheld from mankind, in the shape of a small fox-terrier. (Jerome)

Генерализация возможна только при абстрагировании от момента или периода речи, временной нелокализованности того, о чем сообщается. Временная нелокализованность подразумевает, что не описываются никакие действия, происходящие в какой-то момент времени и зачастую неважно, какая временная форма употреблена в предложении, поскольку семантика предложения предполагает распространение информации предложения на все времена:

You would think that Society, for its own sake, would do all it could to assist a man to acquire the art of playing a musical instrument. (Jerome)

You must reap what you have sown. (посл.)

As you sow you shall reap. (посл.)

You never saw such a commotion up and down a house, in all your life, as when, my Uncle Podger undertook to do a job. (Jerome)

Итак, семантика обобщенности должна отвечать следующим условиям:

1) включение говорящего и адресата и любого другого лица на их месте в ситуацию, описываемую предложением; 2) наличие ситуации вневременности; 3) целью обобщения является обозначение типичного собирательного множества объектов/реалий.

Языковая категория обобщенности имеет свое формальное выражение. С одной стороны понятно, что обобщенность задается генерализованным субъектом, поскольку при конкретном субъекте значение предложения ориентируется на данную конкретную ситуацию. Так, определенный субъект *this dog*, заставляет нас рассматривать именно этот субъект в данных определенных обстоятельствах: *This dog doesn't want any encouragement.* Однако при появлении генерализованного субъекта *a dog*, т.е. субъекта, придающего значение обобщенности предложению, предложение будет рассматриваться как истинное для всех и любой подобной пары: *A dog like that doesn't want any encouragement* (Jerome). С другой стороны, выделение формальных признаков генерализованных предложений затруднено и спорно в силу того, что нет определенного набора формальных показателей, которые

были бы характерны только для этих предложений. Местоимение *one* в качестве субъекта предложения является единственным формальным показателем только этого типа предложений. В остальном генерализованные предложения пользуются формами (а именно, субъектами) других типов предложений, которые при указанных выше условиях создают семантику обобщения, например:

But there! This world is only a probation, and man was born to trouble as the sparks fly upward. (Jerome)

In those days, in such cases men did not think of infections but of sins ... (Wells)

After supper, you find your tobacco is damp, and you cannot smoke. (Jerome)

For the man that prophesies us bad weather, on the contrary, we entertain only bitter and revengeful thoughts. (Jerome)

Конечно, генерализованные предложения заимствуют не весь спектр существующих форм - есть более и менее употребительные формы (которые соответственно располагаются в центре и на периферии поля выражения обобщенности), а какие-то формы никогда не употребляются в предложениях данного типа. Кроме того, поскольку формальные средства, представляющие данную категорию являются неспециализированными, выражаемое ими значение генерализации для них вторично и появляется в процессе коммуникации, например: *Well, you don't look for much of voice in a comic song* (Jerome). Субъект предложения *you* формально существует для выражения единичного или множественного лица собеседника, но под влиянием коммуникативной ситуации, т. е. при появлении смысловых признаков генерализованного предложения, в нем развивается дополнительное значение «любой, каждый, всякий в подобной ситуации».

Именно критерий скудности формальных показателей, существующих для обобщенных предложений, дает некоторым ученым основание для отнесения этих предложений либо к определенно-личным, либо к непределенно-личным. Так, например, В. Ю. Копров пишет: "Поскольку различия между предложениями с неопределенным и обобщенным актантом лежат, как правило, за пределами номинативного аспекта, выделение обобщенно-субъектных (так же, как обобщенно-объектных) предложений в отдельные структурно-семантические типы нам не представляется оправданным. Мы относим данное значение к сфере неопределенности актанта" (Копров, с. 81). Однако, как уже было сказано выше, основой для распознавания этих предложений является смысл. Именно семантика предложения, ситуация речи определяют его отнесенность к генерализованным предложениям.

Что касается предложений с местоимением *one* в качестве подлежащего, то они рассматривались многими исследователями как неопределенно-личные. Так, например, Т.Н. Федоровская пишет о реализации в них «категории исключенности», отношений «бытие – обладание – волеизъявление», а также

о специфичном преломлении в них категории экзистенции (Федоровская, с. 3). Предложения с *one* рассматриваются как экзистенциальные, а *one* относится к какому-то одному, неизвестно какому субъекту. Однако при анализе предложений Т.Н. Федоровской выделяются те же критерии, что и для обобщенных предложений, а именно - временная нелокализованность, частотное употребление модальных глаголов. Н.А. Кобриной со своими коллегами, называя такие предложения неопределенно-личными, объясняет значение *one* как «люди вообще» при включении в эту группу говорящего (см. Кобриной).

Именно в референции к субъекту и заключается основное отличие неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений. Обобщенно-личные предложения не лимитируют выбор субъекта, а относят предложение к любому, иногда ограничивая только ситуацию, в которой этот любой может поступить также, испытать тоже и т.д., что и говорящий. Например, предложение *He lives long whom lives well* является обобщенно-личным, поскольку речь идет не об определенном человеке, а о любом, кому хорошо живется. В то же время предложение *He lived long because he lived well* будет определенно-личным, так как имеется в виду определенный человек.

Предложения с *one* имеют семантику обобщения, поскольку они отвечают всем критериям, предъявляемым к генерализованным предложениям:

- обозначение любого лица в подобной ситуации

One does not linger in the neighbourhood of Reading. (Jerome)

- наличие ситуации вневременности

One feels so forgiving and generous after a substantial and well-digested meal – so noble-minded, so kindly hearted. (Jerome)

- предложение имеет целью обозначение типичного, похожего и ничем не отличающегося от других представителя собирательного множества субъектов.

Местоимение *one* в роли субъекта генерализованных предложений не имеет единого способа передачи при переводе на русский язык. В целях адекватного отражения смыла и заполнения этой семантической лакуны в русском языке используются предложения с генерализованной семантикой, где субъект представлен по-разному:

1) местоимение *ты* -

... and *one* had reached the sea – the limitless sea, with its thousand islands, its thousands of islands, and its ships seen dimly far away in their incessant journeyings round and about the greater world. (Wells) /... и тогда *ты* достигнешь моря - бескрайнего моря с тысячью островов - нет, с тысячами островов и смутно видимыми вдали кораблями, что ходят и ходят без устали по широкому свету.

2) глагол в форме 2 л. ед. ч. -

How good one feels when one is full – how satisfied with ourselves and with the world! (Jerome) / *Как хорошо себя чувствуешь, когда наешься! Как доволен бываешь самим собой и всем миром!*

3) существительное человек -

It's surprising how early one can get up, when camping out. (Jerome) / *Просто удивительно, как рано человек может встать, когда ночует на открытом воздухе.*

Если предложение содержит несколько one-субъектов, то в русском возможно употребление разных способов при переводе one -

One does not yearn for "just another five minutes" nearly so much, lying wrapped up in a rug on the boards of a boat, with a Gladstone bag for a pillow, as one does in a feather bed. (Jerome) / *Лежа на досках, завернувшись в плед, с саквояжем под головой вместо подушки, не так хочется «вздремнуть еще пять минут», как если бы ты нежился в мягкой постели.*

Нужно заметить, что производные местоимения one – anyone и no one – имеют более точные эквиваленты в русском языке, поэтому их перевод не вызывает никаких затруднений:

Anyone who knows canine nature need hardly be told that, by this time, all the dogs in the place were fighting as if their hearths and homes depended on the fray. (Jerome) / *Всякий, кто знает собачью натуру, легко догадается, что к этому времени все собаки в вестибюле дрались с таким увлечением, словно от исхода боя зависело спасение их жизни и имущества.*

Другим достаточно частотным способом перевода генерализованных предложений с one являются неопределенно-личные предложения, например:

And one would open the door and mount the steps, and stagger back into the arms of the man behind him;... (Jerome) / *Кто-нибудь открывал дверь и поднимался на ступеньки, но сейчас же, шатаясь, падал на руки соседа.*

В качестве перевода английских генерализованных предложений встречаются также и русские безличные предложения, в которых нет ориентации на говорящего и любого из его собеседников:

He thought how for a day or so one might come down through passes, drawing ever nearer and nearer to its busy streets and ways. (Wells) / *Он думал о том, как в какие-нибудь два-три дня можно дойти до него горными ущельями, с каждым шагом подходя все ближе к его оживленным улицам и проспектам.*

Интересным примером авторского перевода служат предложения определенно-личные, которые репрезентуют определенный субъект действия:

And as one played one loved ... (Wells) / *И во время игр мы горячо привязались друг к другу.*

Понятно, что такой способ перевода встречается не часто, поскольку в данном случае речь идет, прежде всего, об опасности потери необходимого смысла, а также об авторской интенции переводчика.

В целях построения грамматически правильного и стилистически адекватного предложения генерализованный субъект в английском предложении может опускаться. Вместе с субъектом может опускаться окружающая его часть предложения. В других случаях полностью меняется структура предложения (или его части):

And there, unpeopled by mountains, one saw the sky – the sky, not such a disk as one saw it there, but an arch of immeasurable blue, a deep of deeps in which the circling stars were floating. (Wells) / И там, не замкнутое горами, ты увидишь небо - небо, не такое, как здесь, не диск, а купол бездонной синевы, глубь глубин, в которой плывут по круговым своим орбитам звезды.

For example, if one went so, up that gully and to that chimney there, then one might come out high among those stunted pines that ran round in a sort of shelf and rose still higher and higher as it passed above the gorge. (Wells) / Если, к примеру, подняться по этой ложбине, а потом вон по той расселине, то выйдешь высоко между тех корявых сосенок, что разбежались там по уступам скал, забираясь все выше и выше над ущельем.

Таким образом, значение местоимение *one*, представляя собой лакуну в русском языке, имеет множество способов заполнения этой лакуны. В некоторых случаях семантика обобщенности искажается, что, вероятно, неизбежно при переводе аутентичных текстов.

Литература

1. Кобрин Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. – СПб: Союз, 2001.
2. Копров В. Ю. Сопоставительная типология предложения – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.
3. Федоровская Т. Н. Категория неопределенности и ее реализация в неопределенно-личном предложении с “one”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М, 1983.

Джасим Муна Ареф
Аль-Кубайсий Мохамед Дахам

Категории рода и числа в русском и арабском языках

Имя существительное и в русском, и в арабском языках характеризуется наличием грамматических категорий рода, числа и падежа.

Число грамматическое – это грамматическая категория, служащая для выражения количества. Наряду с показателями числа средствами выражения количества в языке могут быть числительные, а также такие существительные, прилагательные и наречия, как, *пара*, *сотня*,

единственный, несколько, много и др. Языки, в которых есть лексические средства выражения количества, но нет грамматических средств (то есть грамматической категории числа), встречаются очень редко. Это прежде всего языки Юго-Восточной Азии (вьетнамский, лаосский и др.) и некоторые языки индейцев Северной Америки. Заметим также, что языки без грамматической категории числа – это явление значительно более редкое, чем языки без категории рода, падежа и определенности/ неопределенности (Виноградов, с. 136).

Предметом исследования в нашей статье являются категории рода и числа и особенности их функционирования в русском и арабском языках.

Сравнительный анализ необходимо, на наш взгляд, начать с рассмотрения категории рода имени существительного. Определение рода существительного очень важно в обоих языках, так как с именами существительными связаны прилагательные, местоимения, порядковые числительные и глаголы прошедшего времени, например:

красивый дом	-	[байтун джами:ль]	-	بيت جميل
большая квартира	-	[шук□атун у:ас'ае]	-	شقة واسعة
многие здания	-	[маба:нин 'ади:дэ]	-	مبان عديدة
он читал	-	[ху:а к□ара']	-	هو قرا
она читала	-	[хи:э к□ар'a т]	-	هي قرات
они читали	-	[хум □ к□ар'a у:]	-	هم قرأوا
второй этаж	-	['ам□а:бк□ 'ас□а : ни:]	-	الطباق الثاني
первая любовь	-	['аль-хуб 'аль-'а у:аль]	-	الحب الاول
первые занятия	-	['а са: 'т 'адира:си:е аль-у:лья:]	-	الساعات الدراسية الاولى

Имя существительное, как и другие имена в арабском языке, имеет мужской и женский род. Различие по родам связано с морфологическими признаками, т.е. существуют определенные окончания, характеризующие имена женского и мужского рода.

Существительные женского рода в арабском языке – это такие имена, которые имеют женские признаки «*ئى* - , *ا:*» ; «*ء* - , *خامза ة* - , *та марбута [e]*» *عبد العال* (سید) *عبد العال*, c.7)

Арабские филологи разделили существительные женского рода по значению на следующие группы:

1. существительные реального рода – (имена собственные, называющие лиц женского пола): «*فاطمة*» *فاطمة* «*Фа:m□ыме*» - *هند* «*Xнд*»

2. существительные переносного рода (*нарицательные*)
«*فار*» [*فَار*] - «*ухо*» [*فَار*] - «*мышь*» ; *شمس* [*شامس*] - «*солнце*»

Этот разряд включает существительные, род которых определяется:

а) указанием на женское местоимение:

«*солнце светит*» [*هذا الشمس اشرقت*] [*хазихи ашамс 'ашрак□ат*] -

;

б) наличием «ة -, e » уменьшительного суффикса:

اذينة [’узайне] - « ушко » ;

в) опущением «ة -, e » при имени числительном

ثلاث ابار [с□алья:с ’а:ба:р] - « три колодец ».

По структуре существительные женского рода делятся на следующие типы:

1. словесные (по формальному признаку) – это существительные мужского рода, но имеющие окончания женского рода, например:

طلحة [Т□алхе], [Закариа], [الكفرى] [’аль-куфра:] ;

2. смысловые (по значению) – это существительные женского рода, без окончания:

فاطمة [Хнд], هند [Fa:t□ыме] ;

3. словесно - смысловые (и по форме, и по значению) – женские имена собственные, а также имеющие окончания женского рода, например:

فاطمة [Сальма:], سلمى [Fa:t□ыме].

Из этого следует, что существительные первого и третьего типов являются собственными женскими именами.

К женскому роду также относятся:

а) названия парных органов тела, например:

عَيْن [йад] «рука» ; عَيْن [’айн] «глаза» и др.;

б) названия стран, городов, а также населенных пунктов:

بغداد [Багдад] ; سوريا [Су:рия] «Сирия» и т.п.;

в) существительные, обозначающие ветер, огонь и ряд других слов:

ريح [ри:х] «ветер» ; نَسِيم [наси:м] «легкий ветерок»;

بيت [байт] «дом» ; حرب [харб] «война» ; نَبِيَّ [наби:з] «вино» и т.д.

Все эти группы можно назвать существительными нарицательными (الحملوي , с. 93).

Остальные существительные считаются именами мужского рода.

Имена существительные мужского рода – это существительные, которые обозначают мужской род по окончанию или по значению. В арабском языке к мужскому роду относятся все существительные, кроме существительных, имеющих окончания женского рода «ة -, та марбу:та, [е] ة -, альф максу:ра[а:]; ة - хамза , ['] ».

В русском же языке род имен существительных собственных, обозначающих лицо, определяется его полом. Если имена существительные обозначают людей мужского пола, значит, они относятся к мужскому роду (независимо от окончания):

мужчина - « رَجُل [раджуль] », отец - « أَب [’аб] »;

дедушка - « جَد [джад] », актер - « مَمْثَل [мумасаль] ».

А если существительные обозначают людей женского пола – они женского рода:

женщина - « اُمّة [’имр’ае] » ; мать - « اُم [’ум] » ;

babushka - « جدة [джаде] »; актриса - « ممثلة [мумас алье] ».

Также можно узнать род русских существительных по их окончаниям:

1. Существительные с окончанием – *a*, *-я* – женского рода:

буква - « حرف [харф] », армия « جيش [джайш] »

К женскому роду также относятся существительные без окончания в именительном падеже с основой на мягкий согласный и шипящий, как, например:

боль « الم [альам] », жизнь « حياة [хайа:т] »; часть « جزء [джузат] » ;

2. Существительные с окончаниями – *o*, *-ë*, *-e* – среднего рода:

братство « اخوة [и:ха'] »; حقل « حقل [хакль] » поле ; ружьё « بندقية [бундуки:е] » ;

Кроме того, в русском языке есть существительные среднего рода на – *мя*:

اسم [аисам] - «имя» ; زمان [заман]- «время» и др.

3. Существительные без окончания, у которых в конце основы твердый согласный или согласный – *й* – мужского рода:

автор - « مؤلف [му:альфаф] » ; кий - « عصا [‘асса:] »;

К этой же группе относятся существительные, оканчивающиеся на мягкий согласный и на шипящий, например:

فائد [кад:ад]- «вождь»; سكين [сики:н]-«нож»; огонь « نار [на:р] » ;

Некоторые существительные мужского рода в русском языке оканчиваются на – *a*, *-я*: юноша - « شاب [ша:б] »; дядя- « عم او خال [‘ам или ха:ль] » .

Род существительных, обозначающих лиц по профессии, должности, роду занятий – обычно мужской (*professor*-[профисо:p]; *برفسور* ; *судья*- [кад:дд]; *قاض* ; *سكرتير* [скретэр]-*секретарь* ; *врач*- طبيب [таб:иб]):

انه طبيب ذكي - [’анху таби:б заки:]

Она умный врач - [’нха: ттаби:б заки:] - انها طبيبة ذكية

2. *Профессор* объяснял задачу-[профисур фасара ’альмс ’алья]- البرفسور فسر- المسالة

Профессор объясняла задачу-[профисур фасар’атальмс’алья] فسرت البرفسور- المسالة

Так, в первых предложениях прилагательные-определения согласуются с существительными в форме мужского рода, независимо от того, о ком идёт речь: о мужчине или о женщине. А глаголы в прошедшем времени употребляются в женском роде, если речь идет о женщине. При этом прилагательные, относящиеся к существительному, называющему профессию, употребляются только в форме мужского рода.

В русском языке есть также существительные общего рода с окончанием – *a*, *-я*:

ровня- « ند [нид] »; умница - « ذكية [заки:е] »; сирота - « بنت [йати:м] ».

Род этих существительных определяется в зависимости от конкретного употребления их в речи. Так, если слова общего рода используются для

обозначения лиц мужского пола, они относятся к мужскому роду, а если для обозначения лиц женского пола, то к женскому, например:

Какая же она умница! - [يَالْهَا مِنْ نَكِيَّةٍ] - [яльха: мин з^كаки:е]

Какой же он умница! [يَالْهُ مِنْ نَكِيَّةٍ] - [яльху мин з^كаки:]

В связи с этим необходимо отметить, что этого явления в арабском языке не наблюдается и все существительные делятся на следующие типы:

а) [المنقوصة] [аль- манку:сса] - имена, флектируемые по падежам, оканчивающиеся на слабый коренной (-ي, -и) со состоящим перед ним кратким гласным (ا-, ا-), как:

الداعي [الدَّاعِي] - ['альмуна:даи] ، المنادي [الْمَنَادِي] - ['альд'ай].

б) [المقصورة] [аль-макксу:ра] – имена, флектируемые по падежам, оканчивающиеся на укороченный (-ى, a:-), например:

دعى [دَعَى] - [رَمَى] [рама:].

в) [الممدودة] [аль-мамду:да] - имена, флектируемые по падежам, оканчивающиеся на хамза и перед ним алеф (ء-، a:), как:

حراء [حَمَرَاء] - [صَحَرَاء] [ссахра:а:].

г) [الصحيحة] [ا:ссахи:ха] - имена, кроме вышеупомянутых, называемых правильными, например:

كتاب [رَجُلٌ] - [رَجُلٌ] [раджуль] - [كتاب] [китаб].

Таким образом, категории рода в русском и арабском языке имеют различия.

Число в арабском языке

В языках мира различается несколько типов систем числа – в зависимости от состава значений данной грамматической категории: единственное, множественное, двойственное ('два объекта'), тройственное ('три объекта'), четвертое и паукальное ('небольшое количество объектов') числа.

Для существительных в арабском литературном языке характерны три грамматические формы числа – единственное, двойственное и множественное.

Двойственное число – это характерная особенность арабского языка, оно обозначает два предмета или лица и образуется путем прибавления к основе единственного числа мужского или женского рода окончания «-ان-, a:н» в именительном падеже:

كاتب [ка:тиб] «писатель» - [ка:тиба:н], - «двойст. число», и суффикса «-ين-и:н » в косвенных падежах:

كتاب [китаб] «книга» - [кита:би:н]-двойст. число.

Имена женского рода на «ء- хамза» образуют форму двойственного числа с окончанием «- ي:ا:ن »:

صحراء [ссахра:а:], صحراء [ссахру:а:н] «пустыня» двойст. число

А если окончание «ء- хамза » является коренным, то оно сохраняется и в двойственном числе:

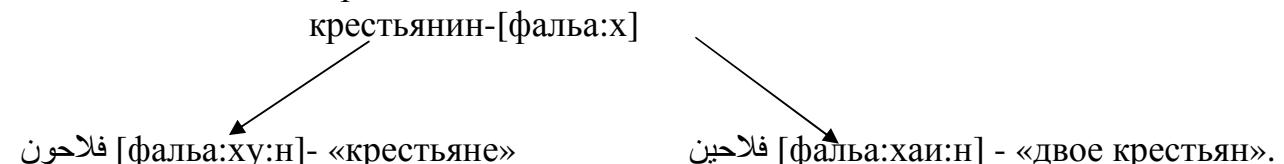
وضاء [ي:د□ا:ا] - وضاءان [ي:د□ا:ا·ا:ن] «умыться» двойст. число.

Множественное число существительных в арабском литературном языке имеет две формы:

- форму так называемого **الجمع السالم** [‘аджама·‘аса:льам] - правильного множественного числа»;
- форму так называемого **جمع تكسير** [джама·‘такси:p]- неправильного множественного числа».

Правильное множественное число мужского рода

Правильное множественное число мужского рода образуется от основы единственного числа добавлением к основе окончаний <ون - y: n> в им. падеже и <ين - i:n> в род. и вин. падежах:

Вопрос о том, как определить правильное множественное число существительных мужского рода, решается при наличии следующих условий:

- во-первых, существительные должны быть **جامدة** [‘аджадда] - «джа:мада», т.е. непроизводные, к ним относятся :

а) существительные мужского рода, обозначающие одушевленные лица, не оканчивающиеся на «-ö» (которое было у существительных женского рода):

طلحة [طَلْحَة], где нельзя сказать: طلحتون [طَلْحَاتُون];

б) существительные не сложные, например:

سيبوهون [سِبُوهُون] [Сибау:ах], нельзя сказать: [Сибау:аху:н];

- во-вторых, эти существительные **المشتقة** [‘аль-маштиqa] - «аль-муштаке», производные:

а) мужского рода, не оканчивающиеся суффиксом женского рода «-ö», напр.:

علامة [‘алья:ме], нельзя сказать: علمتون [‘алья:мату:н] - «соб. имя»;

б) существительные, которые построены не по модели « فعل - فعل », например:

احمر [‘ахмар], нельзя сказать: احمر [‘ахмару:н] - «красный цвет»;

в) также существительные, которые построены не по модели « فعل - فعل »; например, нельзя сказать:

عطشانون [عَطْشَانُون] [‘атшану:н] - «жаждущий».

- Существительные, употребляющиеся в женском и мужском роде, например:

عدل [‘адль]- «справедливость» ; صبور [сабу:p]- «терпимый»;

جريح [джари:х]- «раненый», нельзя сказать [‘адльу:н, сабру:н, джари:ху:н].

Правильное множественное число женского рода

Правильное множественное число женского рода образуется также от существительных женского рода, обозначающих лиц или предметы, путем прибавления «-ات,-a:t-» к основе существительного именительного падежа единственного числа, например:

جامعات [джа:м'аа:т] - جامعة - [джа:м'ае] - «университеты»

А если в слове перед буквой « ö - » есть долгий « ئ - [a:] », то при добавлении окончания множественного числа это « ö - » изменяется на « او [u:] » и добавляется « ئات - [a:t] », как в слове

صلوات [ссала:y:a:t] - صلاة - [ссала:t] - «молитва».

Если существительные женского рода оканчиваются на « -ى»[a], то во множественном числе «ى-, [a:] » заменяется на «ى- [и:] » и прибавляется « [ا:t] », например:

[хубли:a:t] حبليات — حبلي [хублья:] — «беременная»

[Мусст̩афи:а:t] مصطفیات – مصطفی [Мусст̩афа:] —

«избранный».

Что касается существительных женского рода, которые оканчиваются на «- اَخَمْزَأ»، то они заменяются на «- وَأَوْ» - [y:]» и к ним добавляют суффикс «- اَتْ» - [a:t]:

[ccaxpa:y:a:t] صحراء — صراوات [ccaxpa:a'] — «пустыня»

[сама:y:a: t] — **سموات** [сама:a'] — «небо».

Собственные имена женщин во множественном числе без «-ات- [a:t] » образуются с помощью добавления «-ات- [a:t:] »

марема:т — مریمات [марем] — مریم

زینب [зайнаба:т] — زینبات [зайнаб]

‘ادعات - [‘ада:t] [бана:t] - [‘ахаха:t]

Остается сказать, что некоторые слова в арабском языке не относятся ни к одному из перечисленных типов правильного множественного числа. Форма множественного числа этих имен образуется не по правилам, а по традиции. Этот тип называется “присоединенный к правильным множественным числам” (мужского и женского рода) и включает такие имена, как:

а) мужские:

ارضون [‘арстан] - «вселенная», اولو [‘аулью:] - «собственник », عالمون [‘а:льаму:н] - «вселенная», عشرون [‘ард□у:н] - «земля». Десятки (от двадцати до девяноста): عشرون [‘ашру:н]- «двадцать», سبعون [‘ис‘ау:н]- «тридцать», ثلثون [‘ис‘аулья:су:н]- «тридцать», تسعون [‘ис‘ау:н]- «девяносто », خلون [‘хальду:н]- «хамд», زيدون [‘зайду:н]- «жасмин»-(имя соб.), ياسمين [‘ясами:н]- «жасмин»-(имя соб.), فلسطين [‘фаласт□ы - и:н]- «Палестина », زيتون [‘зайту:н]- «оливка».

б) женские:

بنات [بانات] « владелеца », [اللات] « которая », [البناة] « девушки », [زينبات] « عزيفات », [سعادات] « عرفات », [الزينة] « соб. имени ».

Неправильное множественное число

Наряду с правильным множественным числом употребляется неправильное («разбитое») множественное число, которое образуется при помощи изменения внутренней структуры слова, т.е. так называемой внутренней флексии -

[دُرُوسٌ] - دروس - [دَارَسٌ] — « урок ».

Изменения, происходящие в существительном в единственном числе при образовании неправильного множественного числа, может быть только при огласовании буквы, например:

[‘исада] - اسد - [اسد] — « лев ».

Иногда неправильное множественное число появляется при добавлении некоторых букв:

[‘акلّيَا:م] - اقلام — [كَلْيَام] — «карандаши».

Также неправильное множественное число происходит при исчезновении некоторых букв с изменением огласовки:

[киба:r] - كبار - [كابي:r] — «большой».

Неправильное множественное число образуют существительные женского и мужского рода - либо одушевленные, либо неодушевленные. Неправильное число делится на двадцать семь моделей, четыре из них называются « جموع القلة - جموع الكثرة »: «альк^لилье» (множественное число малого количества), остальные – «алькаسر» (множественное число большого количества).

Приведем отмеченные четыре модели множественного числа малого количества:

- а) « имена по типу [‘ат^ل‘ам] - اطعمة » « еда » ;
- б) « عين [‘айн] - اعین » « глаза » ;
- в) « غلام [‘гульме] - غلامة » « парень » ;
- г) « عناب [‘ана:б] - اعناب » « виноград » .

В качестве примеров множественного числа большого количества отметим:

- а) « فعال [‘ссу:а:‘ам] - صائم » « имена по типу [‘ссу:а:‘ам] - صائم » ;
- б) « كاتبة [‘ка:тибе] - كاتبة » « имена по типу [‘ка:тибе] - كاتبة » ;
- в) « ضارب [‘д^لараба] - ضارب » « имена по типу [‘д^لараба] - ضارب » ;
- г) « فاطمة [‘фу:а:т^لым] - فاطمة » « имена по типу [‘фу:а:т^لым] - فاطمة » ;
- д) « قضيب [‘куд^لи:б] - قضيب » « имена по типу [‘куд^لи:б] - قضيب » ;
- е) « فعلى و فعلى [‘джарха:] - جرحي » « имена по типу [‘джарха:] - جرحي » ;
- ж) « فعلاً و فعلاً [‘кари:m] - كرماء » « имена по типу [‘кари:m] - كرماء » ;
- з) « فعائل [‘аджу:з] - عجائز » « имена по типу [‘аджу:з] - عجائز » .

Число в русском языке

Большинство существительных характеризуется в русском языке наличием соотносительных форм единственного и множественного числа, причем эти формы имеют определенный количественно- грамматический смысл: указывают на единичность/множественность обозначаемых предметов (Распопов, Ломов, с. 30).

Здесь мы будем говорить о форме множественного числа существительных только в именительном падеже, так как формы числа существительных в косвенных падежах отличаются от исходной. Изменения окончаний существительных по числам были рассмотрены в трудах ученого А.А. Зализняка. По его мнению, необходимо различать окончания стандартные и нестандартные. Такое разделение возьмем и мы для нашего исследования (см. Современный русский язык, с. 5).

Стандартными являются окончания существительных **мужского рода** на твердый или мягкий согласный. Эти существительные образуют следующие формы:

а) основы на *-г-, -к-, -х-* имеют окончание *-и:*

враг — *враги* ['аду: - 'а'ада:а']
напарник — *напарник* [щари:к - щурка: 'а]
орех — *орехи* [джасу:зе - джасу:з]

б) основы на *шипящий -ж-, -ш-, -ч-, -щ-* имеют окончание *-и:*

карандаш — *карандаши* [к□альам - 'ак□лья:м]
этаж — *этажи* [тта:бык□ - ттай:а:бык□]
грач — *грачи* [гура:б - гурба:н]
плащ — *плащи* [рда: 'а - 'арди:е]

в) основы на *-ц-* имеют окончание *-ы:*

немец — *немцы* ['алма:ни: - 'алма:н]

г) основы на *-й-* имеют окончание *-и:*

герой — *герои* [бат□ал - 'абт□ал]

д) основы на *-ий-* имеют окончание *-ии :*

гений — *гении* ['абк□ари: - 'аба:к□ире]

е) остальные существительные мужского рода в русском языке имеют окончание *-ы:*

слон — *слоны* [фи:ль - фи:алье]
ковёр — *ковры* [бисса:т□ - бусут□] ,
за исключением слов *сосед* — *соседи* [джаса:p - джси:ра:н]
черт — *черты* [щайт□а:н - щаят□□ы:н] .

Для **женского рода** характерны следующие стандартные окончания:

а) существительные с основой на *-г-, -к-, -х-* имеют окончание *-и:*

муха - *мухи* [зуба:бе - зуба:б]
чайка - *чайки* [нау:рас - нау:a:рис]
дуга - *дуги* [к□ау:c - 'ак□у:a:c]

б) существительные женского рода на *-а-* имеют окончание *-ы:*

губа — губы [шифе - шифа:х]
коза — козы [‘анзе - ‘ану:з или ‘анза:т]
улица — улицы [ща:р‘а - щау:а:ра‘]

в) окончание *-и* имеют существительные на *-я*:

земля — земли [‘ард‘ - ‘ара:д‘и:]
песня — песни [‘угни:е - ‘ага:ни:]

г) окончание *-ии* имеют существительные на *-ия*:

армия — армии [джайи - джиюи]
линия — линии [хатт - хутту:тт]

д) существительные женского рода с основой на шипящий (твёрдый или мягкий) имеют окончание *-и*:

мыши — мыши [ф‘ар - ф‘ара:н]
вещь — вещи [ха:дже - ха:джи:а:т].

Стандартными окончаниями существительных **среднего рода** являются следующие:

а) у существительных на *-о* [- о] - окончания [- а] :
озеро — озера [бухайре - бухайра:т]
правило — правила [к‘а:‘аде - к‘ау:а:‘а д]

б) окончания *-я* — у существительных на *-е*, *-ё*:
поле — поля [хак‘аль - хик‘у:ль]
копьё — копья [румх - рима:х]

Есть существительные, которые образуют множественное число нестандартным способом и имеют разные окончания:

а) некоторые существительные мужского рода имеют во множественном числе окончания *-а*, *-я*:

повар — повара [т‘аба:х - т‘аба:хи:н]
учитель — учителя [му‘алем - му: ‘алеми:н]

б) существительные мужского рода на *-анин*, *-янин* при образовании множественного числа имеют окончания *-ане*, *-яне*:

южанин — южане [джсануби: - джсану:би:йн]
гражданин — гражданине [му:а:т‘ын - му:а:т‘ыни:н]

в) слова на *-ёнок*, *-онок* (обычно названия живых существ - детенышей) в единственном числе образуют множественное число с суффиксом *-ята*, *-ата*:

лисёнок — лисята [с‘альаб - с‘аа:либ]
медвежонок — медвежата [дуб - дубабе]

г) существительные на *-ин* образуют множественное число следующим образом:

хозяин — хозяева [ма:льак - мулья:к]
господин — господа [сайд - са:де]

д) в некоторых случаях основа множественного числа образуется в результате увеличения основы единственного числа:

муж — мужья [зай:адж - ‘азу:а:дж]

стул – стулья [курси: - кара:си:]

перо – перья [ри:ище - ри:аш]

е) иногда при оформлении множественного числа существительные среднего рода имеют окончание *-и*:

яблоко – яблоки [туфа:хе - туфа:х]

веко – веки [к□аран - к□уру:н]

ухо – уши [‘аузн - ‘аза:н].

В результате нашего анализа категорий рода и числа в русском и арабском языках мы постарались показать сходство и различие данных категорий в обоих языках.

В арабском литературном языке существительные классифицируются по полу, поэтому имеется только мужской и женский род. Среднего рода в арабском языке нет. В арабском языке существительные мужского рода во множественном числе отличаются от существительных женского рода:

[хубла:] – [хубля:т] – «беременная»,

[сама:‘ а] – [сама:у:а:т] – «небо» - женского рода

[‘ат□ша:н] – [‘ат□ша:нун] – «жаждущий»,

[фалья:х] – [фалья:хи:н] – «крестьянин» - мужского рода

В русском языке дело обстоит иначе: здесь существительные мужского и женского рода с основами на согласные фонемы [г], [к], [х] или [ж], [ч], [ш], [щ] во множественном числе имеют одинаковые окончания на *-и*, например:

муха – мухи [ذبابة زبابة - زبابة:بے]

чайка – чайки [نورس nau:рас - nau:a:рас]

этаж – этажи [طابق t□а:бык□ - طابق t□ay:a:бык□]

Имена существительные с основами на другие согласные могут иметь различные окончания.

Важно также отметить, что в русском языке иногда основа существительного в единственном числе может отличаться от его во множественном числе, например:

ребенок [т□ыфаль] – дети[‘ат□фа:ль] ;

человек [шахасс] – люди[‘ашха:сс].

Такое же явление имеет место и в арабском:

أمراة [نماء] – [ниса:а‘] – «женщина».

И для русского, и для арабского языков характерно наличие вариантов при образовании множественного числа:

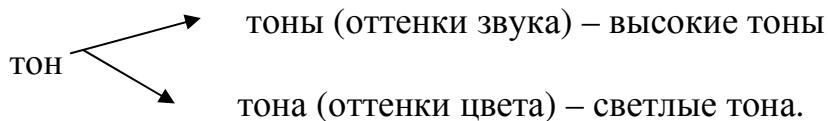
в араб. языке -

عذرا [‘анзе] - ([‘анза:т] عذرات) – козы,

в русс. языке -

договор - «договоры» или «договора» .

В некоторых случаях у существительных мужского рода разные формы окончания множественного числа служат для выражения различных лексических значений:

В арабском языке нет такого явления.

В обоих языках есть существительные, которые употребляются только в форме множественного числа, например, в русском языке (*весы – дрожжи – дрова* и др.). Эти имена склоняются по всем падежам, как и остальные существительные.

В арабском языке есть имена, указывающие на значение множественного числа. Форма множественного числа этих имен, как выше сказано, образуется не по правилам, а по традиции; эти имена называют “присоединенными к правильным множественным числам”. Имена, склоняющиеся таким образом, называются “اسم جمع - [‘исам джама’]”, например: عالمون [‘аа:льяму:н] (вселенная), считается “اسم جمع ‘исам джама’”, так как форма единственного числа этого слова - “علم [‘аа:льям]” - указывает на принадлежность к мужскому и женскому роду и одушевленных, и неодушевленных существительных. Слово عالمون [‘аа:льяму:н]” указывает только на мужской одушевленный род, в этом случае условие правильного множественного числа не соблюдается, но “عالمون [‘аа:льяму:н]” присоединяется к правильным множественным числам.

В арабском языке есть слова, которые в различных контекстах, не меняя своей формы могут употребляться для выражения и единственного, и множественного числа - هجان فلک - دلّاص ” ; в русском языке таких слов нет.

В русском языке при образовании формы множественного числа основа, как правило, не изменяется - только прибавляется или изменяется окончание, а в арабском языке множественное число образуется в результате либо увеличения основы единственного числа, либо её уменьшения. Образование неправильного множественного числа в арабском языке возможно только при огласовании буквы.

Таким образом, анализ показывает, что каждый язык имеет собственную систему выражения рода и числа существительных. Наличие в одном языке явлений, не существующих в другом, не свидетельствует о его недостатке, это просто особенность данного языка.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. - 2-ое изд. - М., 1967.
2. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис. – Воронеж, 1984.

3. Современный русский язык / под ред. В.А.Белошапковой. – М., 1999.
4. شذا العرف في فن الصرف- الشیخ احمد الحملاوي – بيروت- لبنان , دار القلم ، 1953
5. جموع التصحيح والتکسیر في اللغة العربية – عبد المنعم سید عبد العال – القاهرة، 1977

Г.А. Бессарабова
Воронеж

Транспозиция личных глагольных форм в русском и испанском языках

Как известно, сопоставление разных языков очень важно как в практическом, так и в теоретическом отношении, поскольку позволяет вскрыть сходство языков и специфику каждого из них, различия в выборе языковых средств при описании одних и тех же фактов языковой действительности, обнаружить такие закономерности и особенности в системе сопоставляемых языков, которые остаются скрытыми при их внутриязыковом изучении. Сопоставление (сравнение) основывается на идее общего, которое получает выражение в частном, а это один из основных методов изучения языка.

Принято различать сопоставительные и типологические исследования. Известно, что граница между ними подвижна и нечетка. Так, в центре сопоставительного анализа находится попарное сравнительное исследование языков (родственных и неродственных). При типологическом исследовании внимание сосредоточивается на многоязычных отношениях, на определении общих универсальных свойств, выделении языковых универсалий. Предметом сопоставительно-типологических исследований является изучение языков «независимо от их родства с целью выявления схождений и расхождений их структур, способов выражения одних и тех же значений и различия функций однотипных элементов структуры языка» (Гак, с. 7). Отличительным признаком данных исследований является отсутствие разделения языков на исходный и сопоставляемый, языковые факты сравниваются на равноправных началах.

Предметом нашего рассмотрения является сопоставительный анализ транспозиции личных глагольных форм в русском и испанском языках. Указанный факт языка, как показал наш материал, способен оказывать влияние на повышение или понижение степени вежливости, категоричности, эмпатии и т.д., становясь добавочным эффектом социально значимых

коннотаций. При переносе значения форм лица грамматическое лицо, помимо основного свойственного ему выражения, приобретает способность быть выраженным формами других лиц.

Говорящий (1-е л.) и адресат (2-е л.) являются единственными в каждой речевой ситуации, поэтому личные окончания первого и второго лица характеризуются лишь окказиональной неспособностью однозначной идентификации субъекта действия, которая возникает в определенных синтаксических условиях. Способность говорящего представить себя в качестве «субъекта» Э. Бенвенист, как известно, назвал субъективностью и определил как фундаментальное свойство языка вообще (Бенвенист, с. 294). Конкретные, единичные действия, совершаемые самим говорящим, выражаются только формой первого лица единственного числа. Естественно, что форма первого лица лучше всего отвечает потребности в самовыражении говорящего. Однако факт «индивидуального присвоения языка говорящим» отнюдь не исчерпывается только высказываниями от первого лица. Развитие языковой системы привело к тому, что в предложениях с другими формами выражения лица явственно чувствуется личность говорящего. Ведь в ряде случаев «эгоцентризм» может оказаться определенной помехой в общении, поскольку обращение от первого лица может восприниматься как вытягивание или подчеркивание роли говорящего.

Рассмотрим выражение «я»-субъекта в русском языке. Начнем с высказываний, в которых говорящий мыслит себя членом некоторого множества, являющегося своеобразным фоном, с которым он себя соотносит. Разберем высказывания, где в качестве грамматического показателя выступает форма 1-го лица множественного числа.

- (1) *Ты согласен? – Не знаю, посмотрим;*
- (2) *Болит? Ничего, сейчас вылечим;*
- (3) *К вам пришли... - Ну, что ж, выслушаем его;*
- (4) *Газеты есть? – Нет, можем предложить вам журналы.*

Такой тип высказываний является характерным для разговорно-бытовой речи. Употребление первого лица множественного числа вместо формы первого лица единственного числа, как показывает материал, продиктовано следующими прагматическими факторами: (1) уклонением от прямого ответа, (2) солидаризацией с участником ситуации, (3) важностью, манерностью, (4) отождествлением с группой лиц, членом которой является говорящий, для повышения степени вежливости.

Кроме того, на выбор данной глагольной формы может влиять социальная роль участников коммуникации. В случае (1) наблюдается приобщение «я» к адресату, допустимое между членами одной социальной группы, во (2) и (4) – этикетное значение «участливой совокупности» (врач – пациенту, продавец – покупателю), в (3) проявляется снисходительное «мы» (начальник – подчиненному).

Обратимся теперь к высказываниям, в которых форма грамматического лица имеет обобщенное значение. Грамматическим показателем при таком выражении является глагольная форма 2-го лица единственного числа. Еще А.А.Шахматов отмечал, что «причина замены 1-го лица 2-м лежит... во внутренней речи, в возможности такой речи, собеседования говорящего с самим собой, говорящий, проявляя свою личность, говорит в 1-м лице; но уходя в себя, в свои воспоминания, воспроизведя свои внутренние переживания, естественно, прибегает ко 2-му лицу, делая себя объектом своей речи, своего сообщения» (Шахматов, с. 73). При транспозиции формы 2-го лица всегда имеются факторы, указывающие на отнесенность действия к лицу говорящему. Ср.: *Там, где мне надо раз шагнуть, - я три раза шагаю...* *Чуть отвернешься, а он уже по лужине бредет* (Шолохов); *Влюбляешься ведь только в чужое, родное – любишь* (Цветаева). Как видим, на это могут указывать: общее содержание высказывания, наличие соответствующих личных местоимений, возможность замены формы второго лица на форму первого лица. Как нетрудно заметить, говорящий, прибегая к обобщенной форме выражения, имеет в виду в первую очередь себя. Таким образом, употребление говорящим 2-го лица единственного числа, на наш взгляд, является одним из способов его самовыражения с pragматическими целями – вовлечь собеседника в мыслительную деятельность, в выражаемые суждения и реакции, с тем, чтобы исключить себя из центральной позиции, «завуалировать тот факт, что предметом сообщения является он сам» (Арутюнова, с. 67-68).

Следующим способом представления субъекта-говорящего является форма 3-го лица множественного числа. Данная транспозиция, на наш взгляд, служит для «растворения» действия говорящего в действиях другого лица. Ср.: *С тобой говорят серьезно, а ты тут спектакли разыгрываешь* (Довлатов). Мы считаем, что употребление формы 3-го лица множественного числа связано с pragматическими целями. Во-первых, - усилить воздействие на адресат: *Уди, тебе говорят; Вас просят помолчать*. Во-вторых, - растворить в суждениях общего характера свое личное мнение, особенно по адресу неуступчивого собеседника: *Тебе дело говорят; Тебе толкуют, а ты слушай*. В большинстве случаев pragматическая ситуация, превращаясь в объект реагирования, приобретает оборонительную цель. Защита осуществляется отводом говорящего: *Тебя не спрашивают*.

Во всех упомянутых случаях, как видно, снижается степень вежливости, проявляется категоричность высказывания. Транспозиция данной глагольной формы может быть связана с социальной ролью говорящих. Употребление 3-го лица множественного числа вместо 1-го лица единственного числа повышает степень официальности: говорящий отождествляет себя с референтной группой авторитетных членов общества: *С вами говорят из деканата; Вас просят освободить проезжую часть улицы и т.п.*

Общение, понимаемое как процесс, как вид человеческой деятельности, всегда представляет собой взаимодействие, взаимоотношение двух личностей. Для обозначения действий собеседника используются, помимо основной формы 2-го лица, дополнительные средства. Одним из таких средств является употребление формы 1-го лица множественного числа для выражения соучастия, сочувствия, заинтересованности: *Как экзамены сдаем?*; *Учимся хорошо?* Такая транспозиция 2-го лица не только поднимает степень вежливости, но и увеличивает степень эмпатии – солидаризации с участником ситуации. Указанная замена, по словам В.В.Виноградова, «имеет значение участливой совокупности, совместности в обращениях к собеседнику» (Виноградов 1972, с. 458). В связи с этим указанная форма в основном употребляется в вопросительных предложениях.

Однако можно отметить и другие случаи реализации данной глагольной формы, когда то, о чем говорится, представляется как общая проблема. Это имеет место при разговоре врача с пациентом, парикмахера с клиентом, родителя с ребенком и т.д.: *Сейчас покушаем и пойдем спать*; *Не будем волноваться*; *Граждане, давайте разойдемся*.

С pragматической целью используется также форма 3 лица единственного числа вместо формы 2-го лица. При таком употреблении говорящий избегает прямого обращения к собеседнику, говорит о нем как об отсутствующем человеке: *Испугал и радуется*, Следует сказать, что такие предложения, в большинстве случаев, содержат усилительные вводные элементы. Кроме того, такие высказывания предполагают противопоставление действия (сстояния) говорящего и адресата: *А он и глазом не моргнет*; *Наконец-то она пришла*; *Я волнуюсь, а он хоть бы что, стоит и улыбается*. Говорящий как бы исключает из общения адресата речи и апеллирует к воображаемому другому лицу, которое и должно осудить поведение реального адресата.

Подытоживая изложенное, отметим, что транспозиция не меняет языковых характеристик глагольных личных форм. Избираемые говорящим способы представления субъекта определенным, обобщенным, неопределенным лицом не имеют отношения к собственно грамматической классификации предложений и не могут служить принципом деления в типологии простого предложения.

Таким образом, рассмотренные нами транспозиции личных форм глагола русского языка – это различные способы представления субъекта в рамках определенности со своеобразным pragматическим эффектом.

Обратимся теперь к анализу транспозиции личных глагольных форм в испанском языке. Тенденция камуфлировать свою личность, отодвигать ее на второй план характерна и для испанского языка. И это не случайно, ведь сама «логичность грамматического значения личных форм делает их переносное употребление близкими или одинаковыми для многих языков, поскольку, по сравнению с другими языками грамматического строя, транспозиция

личных форм дает возможность всякого рода иноязычным воздействиям и подражаниям» (Шмелев, с. 38-59)

Рассмотрим сначала формы выражения «я»-субъекта в испанском языке. Испанский исследователь Вигара Таусте объясняет причину различной (непрямой) референции к говорящему соображениями скромности и великодушия - *humildad y generosidad* (см. Vigara Tauste). Использование глагольной формы 1-го лица множественного числа вместо формы 1-го лица единственного числа представляет ситуацию в виде такой, в которой говорящий мыслит себя как члена некоторого коллектива лиц, а не как индивидуальное лицо. Ср.: *Doctor – Ahora veremos. Pase al quirófano, por favor* (Sastre); *¿Usted va a venir? – No sé, ya veremos si puedo* (Cardoso); *¿Tiene gafas de 3 duros? – Sí, señor, pero no se las recomiendo. Podemos ofrecerle a Ud otro modelo... - Siento haberla molestado. - Por Dios, caballero, para eso estamos* (Cela); *El señor Penitenciario...dijo para sí: Vamos, ya está ahí ese prodigo...Vamos a conocer a ese prodigo* (Galdós); *Veamos, convecino, ¿qué te trae por mi modesto hogar?* (Amorós).

Приведенные примеры подтверждают, что выбор данной языковой формы продиктован теми же прагматическими факторами и той же социальной ролью участников коммуникации, что и в русском языке.

В испанском языке широко распространено использование 2-го лица единственного числа вместо 1-го лица единственного числа. При таком выражении «я» говорящего выступает в обобщенно-личном значении. Активизация данной формы может быть объяснена демократизацией испанского общества, влиянием распространенного за последнее время обращения на «ты». Ср.: *Eso me pasa a mí desde chiquita, como lo de soñar que te persiguen y no puedes correr; o que vuelas moviendo muy deprisa los brazos y cosas por el estilo* (Delibes); *¿En qué estás pensando? – En el sueño... Tienes un sueño de sangre y te despiertas ensangrentado...o enciendes una cerilla en sueños y te despiertan los bomberos porque arde la casa* (Sastre). Адресатность, формальное выражение 2-го лица единственного числа в испанском языке может усиливаться за счет «дательного падежа заинтересованности или участия» - *dativo de interés*: *Pues te aguantas, ¿qué le vas a hacer?* Вместе с тем 2-е лицо не перестает быть «эгоцентричным»: при всей своей «обобщенности» оно тесно связано с говорящим.

Следующим способом представления субъекта является форма 3-го лица множественного числа. При ее реализации роль воздействия на адресат возрастает. Ср.: *¿No te han dicho que te vayas?* Высказывания от 3-го лица множественного числа обычно имеют форму риторического вопроса.

Рассмотренные случаи употребления личных форм глагола для обозначения «я» говорящего обнаружили определенное сходство функций и прагматических факторов. Однако нам удалось обнаружить и несовпадение форм выражения «я»-субъекта. Так, в испанском языке можно наблюдать

замену 1-го лица единственного числа 3-м лицом единственного числа. Такая транспозиция характерна для разговорной речи, когда целью высказывания является выражение готовности говорящего к действию, но как лица постороннего. В таких предложениях присутствует оттенок объективизации, т.е. отношение говорящего к себе со стороны. Ср.: *Ventura abre un poco la puerta del cuarto que ocupa.* - *Señora.* - Va (Cela); - *Venga para acá. El hijo de Casmiro Huertas tenía el temple festivo.* - *Ahí va.* (Aldecoa); *¡Señora! Doña Celia dejó el puchero.* - *¡Va en seguida!* (Cela) - *Eh, tú, chico!* - *Ya va, ya va... como el tren* (Medio); *El hombre que llega vuelve a llamarlo:* - *¡Sindo!* - *¡Va!* (Cela).

Как видим, в таких высказываниях не сохраняется необходимое соотношение между глагольной формой и говорящим субъектом. На русский язык данные предложения переводятся личной формой глагола 1-го лица. Ср.: *Сindo!* – *Иду!* (перевод «идет» невозможен). Отметим, однако, что в русском языке существуют высказывания, где «я» говорящего скрывается за глагольной формой 3-го лица единственного числа. Еще В.В.Виноградов указывал на такое экспрессивное замещение, когда «субъект характеризует себя со стороны как постороннее лицо» (Виноградов 1975, с. 264). Но в отличие от испанского языка, высказывания в русском языке выражают состояние говорящего лица с оттенком возмущения, волнения. И, кроме того, предложения указанного типа в русском языке всегда двусоставны. Ср.: *Нет, такой обиды не прощает Несчастливцев* (Островский); *Человек мучается, а она спит* (Горький). Как нетрудно заметить, состав, содержание, функционально-прагматическое свойства рассматриваемых предложений в обоих языках различны. Обратимся теперь к транспозиции 2-го лица адресата. Начнем с высказываний, в которых в качестве грамматического показателя выступает форма 1-го лица множественного числа. При транспозиции этого типа ситуация представляется такой, в которой выражается значение солидарности, «участливой совокупности», а также одобрительное отношение говорящего к адресату. Такие высказывания характерны для разговорной речи, для ее непринужденной устно-диалогической формы: *¿Qué tal vamos?*; *¿Cómo andamos de salud?* – *Vamos tirando*; *¿Qué nos contamos?*; *¿Estamos?*; *¿Ahora salimos con esa?*. Нередко данная транспозиция придает высказыванию шутливо-фамильярный тон: *¡Caramba, qué guapos venimos hoy!*. А в ряде случаев говорящий использует ее как средство для выражения побуждения: *Ya hemos merendado y ahora vamos a la camita.*

Прагматическим потенциалом, как и в русском языке, обладает форма 3-го лица единственного числа, употребляемая вместо 2-го лица единственного числа. Для усиления воздействия на адресата говорящий как бы обращается к поддержке или сочувствию окружающих: *Por lo menos dí algo. Míralo, y encima se ríe.* Эффект обращения усиливается определенными вводными словами и словосочетаниями типа *mira, fíjate, ahí lo tienes tan campante*:

¡Hombre, ya estás aquí! ¿sabes la hora qué es? Mira, no piensa disculparse. Ni se inmuta; Se queda tan campante. Несмотря на тождественность семантических и стилистических характеристик вводных элементов в обоих рассматриваемых языках, в испанском языке они не влияют на состав предложения - в отличие от русского языка, оно и в этом случае односоставно.

В результате рассмотрения транспозиции личных форм глагола в испанском и русском языках можно отметить, что в обоих языках действует общая тенденция ее реализации. Обратим особое внимание на совпадение грамматических форм, pragmaticальных функций, контекста, в котором осуществляется указанная транспозиция. Отправитель речи может быть представлен в качестве субъекта сообщаемого факта в следующих типовых коммуникативно-прагматических ситуациях: мнимой множественности, обобщенности, неопределенности. В свою очередь, адресат речи получает прагмасемантическое выражение в следующих вариантах: «участливой совокупности», отстраненности. Говорящий и адресат, являясь единственными в каждой речевой ситуации, имеют в своем распоряжении богатый выбор средств выражения, который может быть обусловлен, помимо всего, социальной ролью участников коммуникации. Поскольку спонтанное устное общение отличается большой динамичностью, «неровностью» в самом подходе к сообщаемому содержанию, обобщение чередуется с единичностью, абстракция с конкретностью, происходят сдвиги личных позиций – все это в зависимости от коммуникативных условий, тематики и индивидуальных способностей и склонностей говорящих.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Из наблюдений над испанским модальным диалогом. //Вопросы испанской филологии. Серия «Древняя и новая Романия».- Вып.1. - Л., 1974.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика.- М.,1974.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове.- М.; Л., 1972.
4. Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. - М., 1975.
5. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков.- Л., 1977
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка.- Л.,1941.
7. Шмелев Д.Н. Стилистическое употребление форм лица в современном языке. //Вопросы культуры речи. - Вып.3.- М., 1961.
8. Vigara Tauste A.M. Aspectos del español hablado.- Madrid, 1980.

Раздел 7. Сопоставительные исследования в области фонетики и орфографии

Н.В.Костенко
Воронеж

Ритмико-интонационные средства выражения эмоциональности в звучащей речи детей – носителей русского и английского языков

Последние данные лингвистики и психологии говорят о том, что порождение и восприятие звучащей речи происходит на эмоциональной основе посредством базисных эмоциональных категорий (Е.Н.Винарская). Экспрессивное выражение эмоциональных состояний в двух языках может не совпадать, что ведёт к коммуникативным сбоям различной интенсивности.

Представляют интерес различия в эмоциональной интерпретации сообщений, которые основаны прежде всего на различиях, связанных с просодическими средствами высказывания.

Целью данного исследования является определение зависимости ритмико-интонационных параметров детской речи от характера положительных и отрицательных эмоциональных состояний (интереса, радости, страдания, страха), являющихся реакцией на сказку, и их сравнение в речи детей - носителей двух неродственных языков.

Механизмы детской речи до сих пор недостаточно описаны и исследованы. Этим объясняется наше обращение к этой теме исследования, которое проводится в рамках научно-исследовательской программы Фонетического центра ВГУ «Восприятие детьми звучащей речи». В статье использованы данные эксперимента, описанного в выполненной под нашим руководством дипломной работе Е.И. Тищенко (2005г.).

В эксперименте приняли участие 16 детей начальной ступени обучения (в возрасте 6-8 лет), из них 5 девочек и 3 мальчика – носители русского и английского языка соответственно. Эта категория информантов представляет особый интерес, поскольку восприятие и порождение речи детьми является «необычным», «чувствоподобным», «эмоциональноподобным» (по определению известного немецкого психолога Ф.Крюгера), связанным «с непосредственным аффектом, с непосредственной эмоцией ребёнка» (Выготский, с.27). Возможно, эмоционально окрашенная речь детей как раз и есть самый благодатный материал для изучения и подтверждения гипотезы о неразрывной связи просодической стороны звучащей речи с эмоциональным состоянием говорящего.

Для детального рассмотрения звучащей спонтанной речи были вычленены её основные супрасегментные параметры, а именно – ритм и просодия. Лингвисты определяют речевой ритм как регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющих структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции. Ритм – явление не только объективно существующее, но и воспринимаемое. Чувство ритма у человека является одним из устойчивых врождённых свойств и имеет в своей основе моторную природу. В звучащей речи единицей ритма принято считать ритмическую группу.

Ритмическая группа состоит из ударного слога (слогов) и примыкающих безударных слогов. Ритмическая группа легко обнаруживается как ритмическая единица во всех видах текста. Большую роль в определении типа ритмической группы играет мелодия.

В настоящее время понятие «просодия» получило широкое распространение и различное толкование. Просодия определяется как система фонетических средств (высотных, силовых, временных), реализующихся в речи на всех уровнях речевых сегментов (слог, слово, словосочетание, синтагма, фраза, сверхфразовое единство, текст) и играющих смыслоразличительную роль. Выделяют такие компоненты просодии, как речевая мелодия, мелодический контур, тембр, темп, ударение и паузация. Речевая мелодия является основным компонентом интонации. При лингвистическом анализе речевой мелодии учитываются мелодические диапазоны, степень крутизны повышения и понижения тона, направление движения частоты основного тона.

При изучении взаимосвязи ритма и просодии исследователи (Антипова, с.78) пришли к выводу о том, что количество просодических признаков, участвующих в оформлении разных речевых единиц, неодинаково.

Анализ данных речевых характеристик был положен в основу нашего эксперимента. В качестве материала исследования была взята сказка как особый жанр художественной литературы. Мир народной сказки, мир чудесных предметов и чудесных происшествий не похож ни на какой другой,

и выражается он с помощью своей, неповторимой мелодики. Исследование сказки даёт возможность обнаружить мелодические единицы, типичные для сопоставляемых языков. Кроме того, благодаря своему мощному воздействию, любое слово в контексте сказки имеет для ребёнка личностный смысл, становится эмоционально значимым.

Объект исследования составили сказки Г.Х.Андерсена «Гадкий утёнок», Шарля Перро «Красная Шапочка» и «Белоснежка» в изложении Шарля Перро, имеющие определённое социальное и эмоционально значимое содержание и способные вызвать у ребёнка разнообразные чувства и эмоции. Детям были зачитаны отрывки, несущие в себе положительное или отрицательное содержание. По тематике и фабуле сказок были составлены вопросы, на которые детям предлагалось ответить сразу же после прочтения сказок.

Интервьюируемым по каждой из сказок задавались примерно следующие вопросы:

Мне нравится гадкий утёнок за то, что... Можешь продолжить? (I like the ugly duckling because....Can you continue?)

Каким стал утёнок? (How did he look like when he grew up?)

Опили лес, в котором остались Белоснежку. (What was the wood like where Snow White was left alone?)

Что случилось, когда Белоснежка съела яблоко? (What happened when Snow White ate the apple?)

Что ты почувствовал(a), когда Белоснежка ожила? (What did you feel when Snow White became alive once again?)

Что сказала Красная Шапочка и каким голосом, когда её спасли? (What did Red Cap say and in which voice when she was rescued?)

Ответы детей записывались на диктофон.

При анализе материала использовалась классификация эмоциональных состояний К. Изарда, которая считается наиболее полной, поскольку охватывает все три критерия, характеризующие эмоциональное состояние: биологический, физиологический и психологический. К. Изард учитывает знак (положительный – отрицательный), воздействие на организм (стеническое – астеническое), направленность (на себя – на окружающих), уровень проявления в психике (высший – низший) (см. К.Изард).

Практический анализ русского и английского материала содержит данные, полученные от аудиторов в ходе эксперимента и систематизированные по определённым параметрам. Задачи аудиторов состояли в следующем:

- Прослушать записанные на аудиокассету образцы речи детей.
- Расставить паузы, то есть, выявить границы ритмических групп в каждой фразе (малая – S, средняя - /, большая - //).

- Определить место ядерных слогов в пределах каждой ритмической группы.
- Подсчитать количество ударных и безударных слогов.
- Определить тип мелодического контура на ударных слогах.
- Определить характер эмоций высказывания (положительная, отрицательная, нейтральная).

Результаты аудиторского анализа были исследованы, статистически обработаны, обобщены и представлены в виде таблиц. В таблицах приводятся данные по ритмико-интонационному анализу, определяются ударные и безударные слоги в ритмической группе, на основе которых делаются выводы о зависимости выражаемых эмоций от ритмико-интонационных параметров, содержится информация о положительной или отрицательной маркировке высказывания (иногда аудиторы затруднялись определить характер выражаемой эмоции, тогда эмоция определялась как нейтральная), а также о типе мелодического контура ядерных слогов.

На основе этих данных были сделаны следующие выводы:

- параметры эмоционально окрашенной звучащей речи детей имеют как универсальные, так и национально специфические признаки;
- в обоих языках прослеживается зависимость ритмико-интонационных параметров от характера положительных и отрицательных состояний;
- в предложениях с отрицательными эмоциями чаще употребляется нисходящий тон - как в русском, так и в английском языке;
- универсальным является преобладание в русской и английской речи положительных эмоций, выражение которых, однако, имеет в русском языке преимущественно нисходящий тон, а в английском – восходящий;
- национально специфическим является величина ритмических групп при выражении различных эмоций и число ударных слогов в ритмических группах;
- при выражении отрицательных эмоций в русском языке, в отличие от английского, существует тенденция к увеличению ритмических показателей;
- мелодика в английских и русских предложениях одинакова: восходящая и нисходящая, но мелодические единицы в данных языках могут отличаться в плане звуковысотного развития. Для русского языка активными являются средний и высокий уровни. Для английского языка – средний и низкий уровни.

В целом, межъязыковое сопоставление способов выражения эмоциональности на супрасегментном уровне позволило подтвердить выдвигаемую лингвистами и психолингвистами гипотезу о том, что «просодические средства иноязычной речи неосознанно участвуют в

процессе коммуникации, создавая «эмоциональный фон» разговора» (Величкова, с.62). Более того, результаты проведённого анализа показали значительное сходство выявленных ритмико-интонационных признаков.

В сходстве выявленных признаков проявляется принципиальное тождество языков в передаче любых смыслов теми или иными средствами. Однако это сходство не исключает различий в деталях. Выявленные расхождения объясняются внутриязыковыми причинами, связанными с особенностями ритмической организации каждого отдельного языка.

Литература

1. Антипова А.П. Ритмическая система английской речи. Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1984.
2. Величкова Л.В. Сущность помех в межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи // Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе. Часть 1.- Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед.ун-та, 2004. – С. 61-64.
3. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста. Учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003..
4. Выготский Л.С. Речь и мышление ребёнка. – СПб.: СОЮЗ, 1997.
5. Изард К.Е. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980.

Н.Н.Орехова
Глазов

Проприаты в европейской графике и орфографии (на материале английского и русского языков)

В европейских языках издавна сложилась традиция заглавных/прописных написаний проприатов (онимы, собственные имена – СИ). Ее истоки следует искать в древнейших письменностях (Египет), а сам процесс озаглавливания, его графический аспект мотивирован целым комплексом факторов: динамикой письменной системы в целом, взаимодействием языков, особенностями развития конкретного социума в этнокультурном измерении. Эти ключевые моменты в истории заглавных написаний рассматриваются в данной статье.

С позиций формы процесс озаглавливания является дальнейшим шагом в совершенствовании письменного кода, его диверсификации. С точки зрения функции озаглавливание – это когнитивная тактика, отражение в языковом сознании пишущего потребности усилить дистинктивность графического ресурса посредством выделения значимых компонентов сообщения (размер,

конфигурация, пространство, цвет). Примечательно, что прототипическая ситуация берет начало в приемах композиционного членения текста, когда укрупненные буквы использовались для выделения глав, рубрик, инициалов - буквниц (Древний Египет). Собственно озаглавливание проприатов удается проследить в латыни, начиная с I в н.э. (настенные надписи в Помпеях). С точки зрения графики озаглавливание СИ осуществляется по сложившейся модели маркирования композиционных частей текста, но уже безотносительно к текстовому континууму и топологии. Посредством увеличенного размера или/и особой конфигурации проявляется иконический принцип в семиозисе графической системы как особое отражение явлений ментального/когнитивного плана (категоризация, дифференциация) в процессе номинации (и референции) множественных денотатов (апеллятивы) и уникальных объектов (проприаты). Иными словами **озаглавливание проприатов ономасиологически состояло в выборе единицы кода для выделения, укрупнения аксиологически значимого денотата**. Пищий осуществлял эгоцентрическую оценку, имнаречение/переименование, вкладывал личностный смысл в прописное (маюскульное) написание. Несомненно, учитывались традиции письма, этнокультурная, религиозная и/или социальная значимость денотата. Прокомментируем один фрагмент помпейской надписи: (1) *hec vanatio rugnabet. V k. Septembres et Felix ad ursos rugnabet.* (Щетинкин, с. 13) - *Это сражение состоится за 5 дней до сентябрьских календ, и Феликс сразится с медведями.* Озаглавливание в *Felix* принадлежит к очень ранним, но довольно регулярным выделениям личных имен в латыни. Маюскульное написание хрононима *September* (лат. «седьмой») достаточно необычно. Возможные интерпретации:

- Инерция соположенности с традиционно (еще в эпиграфике) выделяемой точками цифрию
- Особый личностный смысл предстоящего сражения именно в указанный срок
- Первые опыты расчленения текста посредством точки и последующего заглавного написания (Орехова, с. 134).

Далее рассмотрим, как отражалась проприальная номинация в графике англосаксонских и русских памятников. Выбор источников мотивирован тем, что соответствующие письменные традиции складывались под влиянием фактически одного прототипа – греческих и латинских образцов, и на территории Европы обе письменности были «периферийными». Общая картина озаглавливания СИ довольно неожиданна. Это сравнительно ранние маюскульные написания онимов в англосаксонских источниках и более позднее (не ранее конца XIV в) озаглавливание в русских памятниках.

В англосаксонских памятниках онимы озаглавливались крайне редко; в просмотренном массиве обнаружено всего несколько примеров: (2) *Heora*

wearþ ofer þær nata wær Sifrac. Ða uth aelfred cuning. (Freeborn) - Там был другой по имени Ситрак. И также король Эльфред. Англосаксонская хроника. 871 г. Примечательно, что хронист озаглавливает имя военоначальника Ситрак, сохраняя строчное написание имени законного короля Эльфреда. В историческом контексте это мотивировано, поскольку речь идет о непрекращающейся экспансии скандинавских викингов и одном из военных эпизодов, в котором особую доблесть проявил предводитель обороняющихся Ситрак. Более регулярное использование заглавных написаний (ЗН) наблюдается со второй половины XI в. и напрямую связано с норманским завоеванием, распространением французских письменных стандартов, где озаглавление онимов было узальным. В одной из первых грамот Вильгельма Норманского жителям Лондона (1067 г.) отмечены ЗН самого герцога (Willelm), покойного короля англо-саксов (Eadwerd), епископов (Willelm, Gosfreight), топоним London. В Англо-саксонской хронике 1066 г., повествующей о норманском завоевании и воцарении Вильгельма, его имя трижды озаглавлено на одной странице – в отличие от имени англосаксонского короля Гарольда, эрлов, Святого Михаила и топонимов Westminstre, Scotland. В последующий период (до XVI в.) процесс озаглавления в английских памятниках развивался в общем русле западноевропейских тенденций при ориентации на французские образцы. В XVII в. в орфографической норме были закреплены единственные в европейских письменностях заглавные написания этнонимов (German, Russian, Latin) и соответствующих относительных прилагательных (the Italian art).

Вопрос об истории заглавных написаний в русской письменной традиции некорректно рассматривать без краткого экскурса в среднегреческую (византийскую) письменность. «Письменность приходит вслед за религией» (А.Дирингер), и для русских книжников сакральные тексты и патристика были освящены авторитетом византийского вероучительства. До рубежа XIV в. заглавные написания онимов не отмечены, а *nomina sacra* писались под титлом, что тоже является графическим выделением. Корпус священных имен сначала был ограничен, но постепенно расширялся. Письменная традиция Византии, как известно, отмечена очень жестким традиционализмом; на протяжении столетий оформление сакральных текстов не претерпело существенных изменений: могли меняться лишь начерки, увеличилось число акцентов, контракций. В просмотренном массиве единичные заглавные написания встречаются с XIV в. - *Πιστυς Κυριος* верящие в Церковь (Акафист. 1320 г.); *Κύριε Ιησου Χριστε* церковь Иисуса Христа (Триодь постная 1382 г.); *Χαιρετε Αυτος* слава Всевышнему (Часослов 1428 г.) (Амфилохий).

Авторитет Византии как духовного лидера православного мира отразился в неукоснительном следовании греческим письменным стандартам у

кириллопищающих восточных и южных славян. Вслед за греческими книжниками их славянские последователи стали прибегать к спорадическому озаглавливанию – это имена правителей, топонимы, позднее титулатура. Хронологически первые озаглавивания совпадают со вторым южнославянским влиянием, обогатившим славяно-русскую графику. Обратимся к примерам. На 173 листах Лаврентьевской летописи просматривается не более десятка заглавных написаний, например: *В лѣто . 6454. ольга съ сыном своимъ ст(о)славомъ собра вои много и храбры и иде на деръвску землю.* Безоговорочно отнести ольга к озаглавливанию вряд ли возможно, поскольку нельзя исключить инерцию узуального обрамления точками буквенной цифры, протежириующего ЗН последующего знаменательного слова, ср.: *В лѣто . 6770. Посла великии кнѧзъ всеволод брата своего іарослава в р(я)зань на стол < >* Сузд. Летопись по Лаврентьевскому списку. *в лето . 6643. Юръи испросиси оу брата своего іарополка переаславль а іарополку дась суждаль.* Ипатьевская летопись. Озаглавлены аксиологические приоритетные онимы – имя князя – наследника при переходе княжеского престола к старшему брату.

В последующий период ЗН оставались окказиональными и в общерусских, и в местных памятниках. Тем более заметно озаглавливание СИ в переписке Ивана Грозного с князем Курбским, сочинениях И.Пересветова (XVI в.), некоторых источниках XVII в. – это антропонимы, топонимы, гидронимы, названия государств. В массовой же правописной практике ЗН были крайне нестабильны, ср.: *Благовѣрный Великий Князь александр іарославич* (Толковый апостол 1603 г.), чудотворцы и безсребреники *Козма и доміан* (Святцы 1763 г.). В донесении поручика Павла Потемкина о следствии по пугачевскому бунту (1774 г.) автор записывает имя допрошенного казака Ивана Харитонова со строчной буквы: в подобных документах имена бунтовщиков достаточно регулярно писались в диминутивно-уничижительной форме, в строчном варианте - Донские грамоты XVII-XVIII вв. (Пронштейн, Овчинникова).

Употребление ЗН в славяно-русских памятниках по сравнению с их частотностью в западноевропейских источниках сдерживалось несколькими внутрисистемными факторами. Так, озаглавливанию священных имен препятствовало традиционное сокращение и титлование. Далее, в отличие от западноевропейской готики с малым количеством дополнительных орнаментальных штрихов, в византийской и славяно-русской графике все более распространялись курсивные начертания и вязь. В результате целый ряд графем приобрел петлистую, вытянутую конфигурацию, «хвосты», практиковались взметы; в скорописных и полууставных формах долго отсутствовал пробел. Это приводило к визуальной перегрузке строки и страницы, и на этом фоне начертания заглавных букв (зачастую также с петлями и «хвостами») во многом утрачивали дистинктивность.

В завершение хотелось бы еще раз вернуться к мотивации большого хронологического разрыва в озаглавливании СИ на Западе и Востоке Евразии. Полагаю, что немалое значение сыграли различия этнокультурных парадигм Запада и Востока. Первая опиралась на унаследованную от Рима концепцию личности как гражданина и/или юридического лица (Гуревич), впоследствии индивид был встроен в сословную и экономическую иерархию, сохранив юридические права. Византия, духовный и культурный авторитет для Руси, самоидентифицировалась как наследница римской цивилизации («ромеи»), но фактически такой не являлась. Социум не был структурирован экономически, не сохранилась преемственность римского права, отсутствовала сколько-нибудь определенная сословно-корпоративная стратификация общества. В этническом сознании византийцев закрепляются концепты незащищенности, ничтожности индивида перед лицом государственной машины. В домонгольский период в этническом сознании Руси не было полной деиндивидуализации, но сформировалась приоритетность прав сообщества, «мира» как этнокультурная константа Руси – России. Во времена ордынского владычества правящая верхушка Руси переняла стереотипы иерархических отношений в восточных деспотиях в наименее приемлемых, грубых формах. Отмеченные этнокультурные различия в контексте обсуждаемой проблематики могли определенным образом влиять на динамику озаглавливания в направлении «индивидуализация» (Запад) vs «деиндивидуализация» (Византия, Русь). Однако следует также учитывать фактор позднего формирования русских антропонимов по трехкомпонентной модели «личное имя – патроним – фамилия» (Никонов, Полякова).

Литература

1. Амфилохий, архимандрит. Палеографическое описание греческих рукописей. – М.: Синод. Тип. 1876-1879. – Вып. I-IV.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры.- М.: Наука, 1984.
3. Никонов В.А. Имя и общество. –М.: Наука, 1974.
4. Орехова Н.Н. Графика славяно-русских памятников X-XVIII вв. в контексте межкультурных контактов// Русский язык и его функционирование. Межвуз. Сборник научных трудов.- Глазов, 2005.- с. 126-137.
5. Полякова Е.Н. Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII-XVIII вв. // Ономастика в кругу гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции – Екатеринбург, 2005.
6. Пронштейн А.П., Овчинникова В.С. Развитие графики кирилловского письма. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1987.

7. Щетинкин В.П. Практикум по истории французского языка. М.: Высш. школа, 1984.
8. Freeborn L. From old English to Standard English. –L.: Univ. Press, 1992.

Содержание

Раздел 1. **Сопоставительные исследования** **в области семантики**

Стернина М.А. Из наблюдений над мотивированностью значений англо-русской безэквивалентной лексики	с. 3
Бабушкин А.П. Коннотации числительных в сопоставительном аспекте	с. 8
Панкова Т.Н. Национальная специфика образования переносных значений	с. 11
Чарыкова О.Н., Мусаева О.И. Флористическая метафора в русском и испанском языках	с. 14
Мочалова Е. В. Прагматический потенциал метафоры в публицистических текстах (на материале британских и российских газет)	с. 21
Подтележникова Е.Н. Функционально-стилистическая динамика полисемии лексемы look в американском варианте английского языка (на примере научного и художественного стилей)	с. 24
Колупаева А.А. Языковые средства, описывающие обонятельный признак по его источнику (на материале русского и английского языков)	с. 28
Яцкова В.В. Эмоционально-оценочная лексика в русском и испанском языках	с. 34
Колесникова С.П. Некоторые особенности окказиональных изменений во фразеологическом составе (на примерах английского и русского языков)	с. 39
Маклакова Е.А. Русское гость и английское guest	с. 42

Раздел 2.

Сопоставительные исследования и проблемы лексикографии

Черепкова Н.М. К вопросу о двуязычной лексикографии: История. Состояние. Перспективы.(на материале русско-французских словарей) с. 45

Зленко И.П. Контрастивное описание наименований процесса труда и наименований лиц по отношению к труду в русском и французском языках с. 56

Раздел 3.

Сопоставительные исследования в области лексических группировок

Колтакова С.В. Особенности национальной специфики лексико-семантической группы «Отдых» в русском и английском языках с. 60

Чернова Н.И. Национальная специфика наименований специальных зданий и помещений в русском и английском языках с. 66

Хаустова Э.Д. Лексико-семантическая группа наименований грубой обуви в русском и английском языках с. 71

Шишкина Н.М. Глаголы, обозначающие речевые реплики, в русском и английском языках с. 75

Вострикова И.Ю. Национальная специфика общих наименований трудовой деятельности в лексико-семантических полях «Трудовая деятельность» глаголов русского и английского языков с. 79

Дудкина Л. Н. Ядро лексико-фразеологического поля «Способы приготовления пищи» в русском и английском языках с. 82

Раздел 4.

Сопоставительные исследования концептосфер

Стернин И.А. Challenge и вызов – новый концепт в русской концептосфере? с. 87

Сычёва В.В., Лаенко Л.В. Национальная специфика презентации концепта «близкий» в семантическом пространстве русского и английского языков с. 94

Новикова Е.И. Концепт «душа» в русской и немецкой лингвокультурах с. 99

Беляева Н.Л. Концепт «расплата» в русском и немецком языках с. 105

Скворцова А.В. Сопоставление базовых признаков концепта «родственные отношения» в русском и английском языках	с. 107
Морель Морель Д.А. Лексикализации концептосферы "пища" во французском и русском языках	с. 110
Малюгина А.В. Изоморфизм фразеологической и синтаксической объективаций (на материале русского и английского языков)	с. 113

Раздел 5.

Сопоставительная лингвокультурология и перевод

Жехрова М.В. Проблемы взаимодействия ценностей отечественной и иноязычной культур	с. 118
Мартынова Ю.А. Языковые клише в лингвострановедческом аспекте (на материале русского и английского языков)	с. 120
Тамерьян Т.Ю. Сравнительно-сопоставительный анализ ядра языкового сознания осетин	с. 123
Гельберг С.Я., Смирнова В.В. Кельты и удмурты – сходства и различия	с. 130
Халиуллина Д.А. Взаимодействие английского и французского языков в среднеанглийский период (на материале денежно-торговой лексики)	с. 135
Пелипец Е.В. Немецкие заимствования в английском языке молодежи XX века	с. 138
Русина Е.А. Сопоставительный анализ отражения эмоций средствами парадигмы в русском и английском художественном тексте	с. 141
Зубкова Л.И. Национально-прецедентные и универсально-прецедентные имена	с. 145
Ульянова Н.П., Пристанская О.В. Некоторые особенности перевода на русский язык предложений, содержащих глаголы с количественным компонентом	с. 150

Раздел 6.

Сопоставительные исследования в области грамматики

Копров В.Ю. Одноактантные предложения в русском и	с. 156
--	--------

английском языках	
Сушкова И.М. Атрибутивные словосочетания как средство выражения посессивных отношений в русском и английском языках	с. 164
Копкова Е.В. Атрибутивные цепочки в английском и русском языках: факторы, определяющие топологию компонентов	с. 171
Зотова А.Б. К проблеме директивных речевых актов, выражющихся восклицательными предложениями(на материале русских и английских текстов)	с. 176
Ильичева Н.В. Генерализованные предложения с one и структурно-семантические аспекты их перевода на русский язык	с. 181
Джасим М., Аль-Кубайсий М. Категории рода и числа в русском и арабском языках	с. 186
Бессарабова Г.А. Транспозиция личных глагольных форм в русском и испанском языках	с. 198

Раздел 7.

Сопоставительные исследования в области фонетики и орфографии

Костенко Н.В. Ритмико-интонационные средства выражения эмоциональности в звучащей речи детей – носителей русского и английского языков	с. 205
Орехова Н.Н. Проприаты в европейской графике и орфографии(на материале английского и русского языков)	с. 209

Содержание

с. 214